VISIT…

Ирина Медведева, Татьяна Шишова

«КТО СОБЛАЗНИТ МАЛЫХ СИХ…»
СМИ ПРОТИВ ДЕТЕЙ

Авторский сборник
Серия: Школа православной семьи
Издательство: Христианская жизнь
2006 г.

В этой книге известных психологов и публицистов И.Я.Медведевой и Т.Л.Шишовой собраны статьи разных лет, анализирующие с православной точки зрения влияние на детей, подростков и молодежь средств массовой информации, информационной политики государства.

Книга будет интересна и полезна родителям, педагогам, воспитателям, психологам, психотерапевтам, всем, кому не безразлична судьба нашей страны.

СКОРЕЕ ВОЗЗВАНИЕ, ЧЕМ ВСТУПЛЕНИЕ
- НОВОЕ ВРЕМЯ — НОВЫЕ ПЕСНИ
- СТРАСТИ-МОРДАСТИ И МАННАЯ КАША
- ПИЦЦА-ТРОЙКА
- ГЛОБАЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ НАД ДЕТЬМИ
    1. Меня воспитал телевизор
    2. Начнем с агрессии
    3. Демонстративность на грани безумия
    4. Девиантное поведение в семье
    5. Затормаживание психического развития
    6. Воспитание неудачников
    7. Подражание уродству
    8. Почему детей притягивает гадость?
    9. Зачем нужна реклама девиантного поведения?
- «НЕ ИСКУШАЙ МЕНЯ БЕЗ НУЖДЫ…»
- НАСЛЕДНИКИ СВИДРИГАЙЛОВА И. Медведева
- ЕЩЕ НЕМНОГО О «ГРЯДУЩЕМ ХАМЕ». Т. Шишова
    1. Глубокоуважаемый мент
    2. О том, как вредно кидаться блинами
    3. Скажи мне, что ты читаешь, и я скажу, как ведет себя твой ребенок
    4. Мужик с седьмого этажа вылетел — и даже не чирикнул
- СЕГОДНЯ В ШКОЛЕ НАС УЧИЛИ ОНАНИЗМУ. Т. Шишова
- ЭББЮЗ НЕРУШИМЫЙ

    Часть 1. Музыка революции

Часть 2. Новая гармония
- В ПЛЕНУ У «УМНОГО ЯЩИКА». Т. Шишова
  1. Школа юного садиста
  2. Но разве раньше дети не играли в войну?
  3. Новый вид наркомании
  4. Но если компьютер все-таки куплен…
  5. Игры играм рознь
  6. А если компьютер — это призвание?
  7. Компьютер не молоток
- «Я С ДЕТСТВА МЕЧТАЛ, ЧТО ТРУБАЧ ЗАТРУБИТ»
- ПРИНЯТЬ ЗАКОН, ЧТОБЫ НЕ БЫЛО САМОСУДА. Т. Шишова
- ДИКТАТУРА БЕЗУМИЯ. И. Медведева, Т. Шишова
  1. Необычный конгресс
  2. Догоняя Америку
  3. Прогулки с Ганнушкиным
  4. Как сводят с ума
  5. Эталоны, они же симптомы
  6. Усугубление признаков
  7. Группа поддержки
  8. Образы и лукавые подобия
- ДАЕШЬ АЛЬТЕРНАТИВУ!
  Рекомендуемые фильмы для детей и подростков

СКОРЕЕ ВОЗЗВАНИЕ, ЧЕМ ВСТУПЛЕНИЕ

Сегодня для нас стало привычным словосочетание «информационная война». Да, мы не сомневаемся в ее наличии, а все же трудно расстаться с жестко, намертво сцепленными со словом «война» ассоциациями: стрельба, танки, бомбы, взрывы, убитые на полях сражения солдаты…

Наверно, именно поэтому общество не оказывает в этой информационной войне должного сопротивления. А как, собственно, сопротивляться? Враг не имеет конкретного лица, его оружие, вместо ужаса и гнева, нередко вызывает желание насладиться им снова и снова, бои не ограничены конкретными полями сражений, а диффузны — везде и в то же время нигде. Словом, мы еще не умеем, по выражению военных, «дать адекватный ответ». Потому информационная война носит сейчас односторонний характер. Мы ни себя, ни своих детей, для которых информационное оружие представляет наибольшую опасность, не защищаем. Значит, речь идет даже не о войне, а об информационной **осаде**, информационном **захвате**.

Мы решили собрать свои статьи разных лет на эту тему. Вы увидите, что те из них, которые написаны в начале 90-х, к сожалению, не утратили своей актуальности, а некоторые сейчас даже более актуальны, чем тогда. Будем считать, что это наш посильный вклад в скудный пока арсенал освободительной армии, армии сопротивления в информационной войне.

Надеемся, что по прочтении этого сборника читатель будет ощущать себя уже не столь безоружным и тоже внесет свой посильный вклад в дело борьбы за души, за жизни детей. Мы не имеем права отдать на съедение самых беззащитных, самых уязвимых. И не отдадим!

НОВОЕ ВРЕМЯ — НОВЫЕ ПЕСНИ

Когда «процесс пошел», и не только пошел, но и довольно широко развернулся, бывает интересно оглянуться назад, вспомнить его истоки. С чего начиналось? Каковы были первообразы новой реальности? «Из всех видов искусства важнейшим для нас является кино», — в отличие от многих других ленинских фраз эту идеологи новой жизни явно не забыли. Давайте попробуем ответить на вопрос, какие фильмы эпохи перестройки можно назвать установочными. Прежде всего, разумеется, «Покаяние» Тенгиза Абуладзе. Власти позаботились о том, чтобы этот фильм посмотрела вся страна. И акция была проведена грамотно, с учетом законов массовой психологии: на фоне непрекращающихся разговоров о грядущем запрещении и даже уничтожении фильма повсюду — на предприятиях и в учреждениях — организовывались массовые просмотры. В результате множеству людей были даны две установки. Первая: что нужны, то есть имеют право на существование, только те улицы, которые ведут к Храму (в трактовке публицистов и политиков он был очень скоро заменен рынком — так поначалу замаскировано называли капитализм). И вторая — на самом деле, как нам кажется, главная — что прах — вовсе не святыня. И прах не абстрактный, а более чем конкретный — прах собственного деда. Очень многое из того, что происходило впоследствии, подчинялось именно этим двум установкам.

Другим не менее установочным фильмом стал, пожалуй, фильм «Асса». Мы сейчас не будем

обсуждать, случайно так получилось или это закономерно. Важно то, что после осуждения старого пути общественного развития возникла потребность в определении новой траектории. И не только траектории, но и наиболее активной, не скованной предрассудками и устаревшими моральными нормами социальной группы, которая побежит «впереди паровоза». Что ж, она нашлась довольно быстро, и теперь все общество расхлебывает последствия случившегося.

Было бы очень странно, если бы в столь ответственный момент, как переход к иному строю, забыли про детей. И про них действительно не забыли. Из всего огромного мира диснеевской мультипликации для первого массового показа по телевидению (а первое впечатление, как известно, оставляет в памяти глубокий след) юному зрителю предложили сериал «Утиные истории», где буквально все пропитано запахом денег. Не только сюжет (вернее, множество сюжетов, и это тоже важно) вращается вокруг обогащения, но и весь словесно-зрительный, образный ряд подчинен той же теме. Чего стоит сквозной лирический образ первой монеты, этакого талисмана или даже ангела-хранителя миллионера Скруджа! Или долларовый счетчик, включающийся в глазах того же дядюшки Скруджа в моменты озарения. А имена Голди (Золотце), Миллионера и, наконец, сам Скрудж, что в переводе значит Скряга? А буквализация метафоры «купаться в деньгах»?! И когда это показывается как высшее блаженство? А высказывания типа: «Деньги — это самое главное…», «люблю купаться в деньгах, но больше всего я люблю их считать. Чем больше считаю, тем больше люблю…», «Я везде узнаю золото. Это мой любимый цвет…», «С этой жемчужиной я мог бы почувствовать, что значит быть богаче, когда ты уже богат».

Или возьмем сцену, когда Скрудж делает предложение своей подруге Миллионере.

Скрудж: Давай подумаем о союзе, моя дорогая облигация.

Миллионера: О каком союзе, мой золотой доллар?

Скрудж: О союзе наших капиталов, моя милая копилочка.

Специфический юмор, не правда ли? О Скрудже хочется сказать отдельно, потому что в его лице нашим детям впервые попытались навязать нового положительного героя. Героя из совершенно иной этической системы, никоим образом не связанной с православной (да и мусульманской, как нам кажется, тоже). Практически все, что в дядюшке Скрудже подано как положительное, с точки зрения нашей культуры отвратительно. Он скупой, расчетливый миллионер, у которого «одна, но пламенная страсть» — прибыль. Он нещадно эксплуатирует своих работников, вполне может выгнать их на улицу (и выгоняет), жалеет лишние пять долларов даже для своих племянников-утят. Он страшный педант, индивидуалист, эгоист. Но в мультфильме дядюшка Скрудж представлен очаровательным стариком, милягой. Да, со слабостями (а у кого их нет?), со смешными привычками, над которыми утята могут даже подшутить. Но это, безусловно, идеал. Современный протестантский идеал. (Именно современный, потому что столетие назад дядюшка Скрудж был бы еще и набожным.)

Разумеется, новая установка не формируется с помощью одного образа, пусть даже взятого из любимого и популярного мультсериала. Поэтому параллельно (аккурат в 1992 году) для малышей начали издаваться брошюры в виде комиксов с красноречивыми названиями: «Что такое торговля и мировой рынок?», «Что такое инфляция?», «Что такое деньги?», «Что такое банки и сберкассы?», «Зачем нам акции?», «Зачем нам инвестиционные фонды?» — самые что ни на есть необходимые знания для детей пяти-шести лет! А вот и умилительное название — «Жила-была денежка». Выбирай, что тебе нравится: академизм или сказка.

Для детей постарше перевели, среди прочих подобных, книгу американца Карла Хесса «Так устроен мир» (тираж по современным меркам огромный — 100000 экземпляров). Именно мир, ни больше ни меньше! Поначалу кажется смешным, что под устройством мира подразумеваются здесь изложенные в популярной форме экономические принципы капитализма. (Это на фоне непрекращающихся у нас призывов к деидеологизации образования!) Но прочитав книгу до конца, понимаешь, что в ней, пусть в очень примитивной форме, но действительно изложена модель мироустройства. Модель по всем параметрам отличная от нашей. Не будем надолго останавливаться на многочисленных высказываниях вроде: «Американская культура — самая влиятельная в мире», «Американская Декларация независимости, а не марксистские глупости, перечитывается во всем мире», «В то время как некоторые американцы не видят у себя дома ничего, кроме мрака и упадка, люди в других частях мира взирают на США как на светоч свободы и прогресса». Хотя несколько слов все-таки скажем.

Во-первых, это образец пошлой пропаганды. Во-вторых, ложь для совсем уж безграмотных людей. Кто «взирает на США как на светоч свободы и прогресса»? Англия? Франция? Германия? Или, может быть, боснийские сербы? Или Вьетнам, Панама, Гренада, Ирак? Да и «марксистские глупости» до сих пор волнуют умы ничуть не меньше, чем американская Декларация независимости. В Италии, к примеру, в Испании, в странах Латинской Америки и т. д.

И, наконец, главный вопрос. Зачем все эти сентенции нашим детям? Чтобы развивать в них

чувство неполноценности и с малых лет настраивать на эмиграцию? «В США хотело бы переселиться большее число людей, чем в любую другую страну». Допустим, так. Но зачем внушать это российским подросткам?

Ладно. Это, можно сказать, «лирика». Тут есть вещи и посущественней. Подросткам внушается, что все в мире можно и нужно рассматривать с точки зрения экономики, товарной стоимости, прибыли и т. п. Даже себя самого! «Ты здоров, потому что хорошо питаешься и занимаешься спортом. Это вложение в собственное тело», «Твоя жизнь — это твоя собственность», «Ты владелец своей жизни». Совершенно очевидно, что Богу в этой системе места нет. Отсюда, если говорить уже не о книге, а об обществе, и борьба за разрешение употреблять марихуану (мое здоровье — это моя проблема), и отмена нравственного запрета на самоубийство (в то время как с обращением людей к религии у нас во многих семьях детям внушается, что самоубийство — грех, что человек не волен распоряжаться своей жизнью). Отсюда и многочисленные дискуссии на темы эвтаназии (добровольного ухода из жизни с помощью врача в случае смертельной болезни) или перспективы улучшения человеческой породы путем генной инженерии. Понятно, что все это начинается с благих намерений, и мы не будем сейчас рассуждать о том, куда ведет дорога, вымощенная ими. Повторим лишь, что в Православной Церкви взгляд на жизнь как на собственность человека безоговорочно осуждается.

Работа на благо общества в книге Хесса объявляется злом, ибо на самом деле она оказывается работой «на политических вождей». Вопрос намеренно заостряется, доводится до абсурда: «Предположим, что… другие говорят тебе, что надо работать на общество, а не на себя и что сделанное тобой должно принадлежать всем, а ты получишь только то, что общество тебе дает. Они бы сказали, что ты не имеешь права на частную собственность. Они бы также сказали, что у тебя нет права быть личностью и решать самому свою судьбу. Все это они отняли бы у тебя!»

Оруэлл — да и только! Это значит, что вы, дорогие читатели, — в прошлом все, а многие, кто на государственной службе, теперь (ученые, включая академиков, врачи, учителя, артисты, рабочие, инженеры, министры, даже президент!) — не личности. И частной собственности у вас никогда никакой не было (автор, кстати, включает в это понятие одежду, пластинки, книги, инструменты и т. п.), а была лишь «лагерная пайка и место у параши» — популярное клише второго этапа перестройки. Пайка, правда, при ближайшем рассмотрении оказалась не такой уж ничтожной. Например, многократно осмеянные у нас шесть соток в последние годы помогают выжить (в буквальном смысле слова) миллионам людей.

Но пойдем дальше. Разделение на богатых и бедных провозглашается естественным и разумным (поделом вам, бездельники и неумейки!). Конечно, следует оговориться: Карл Хесс — рыночник, что называется, в чистом виде. Не все прогрессивное человечество разделяет ненависть автора к налогам, субсидиям, пособиям и прочим видам материальной помощи. («Люди, работающие плохо, оказываются вознаграждены, а те, кто поработал хорошо, вынуждены платить за других».) Но любопытно, что для перевода была выбрана именно такая книга.

Особенно красноречивы, на наш взгляд, конкретные рекомендации, дающиеся К. Хессом «юноше, обдумывающему житье»: «…ты должен осмотрительно относиться к помощи родителей, если решил попробовать себя в каком-нибудь деле. Предположим, ты решил стричь газоны… Твои родители могут предложить тебе попользоваться их собственной косилкой. Это очень мило с их стороны, но тебе лучше взять ее напрокат на деловой основе. Это будет гораздо полезней для твоей последующей предпринимательской деятельности, чем если бы ты получил косилку бесплатно». Родителям же в специальной главе, разумеется, дан совет платить детям деньги за выполнение работы по дому.

Вообще, неоценимое достоинство этой книги в том, что в ней емко и лаконично дан идеальный образ члена рыночного общества: «Ты должен быть честным, упорным, заботиться о своем здоровье, развивать свои умственные способности, обдумывать каждый свой поступок, отвечать за свои слова и дела, не ныть и не плакаться, если дела идут плохо, и не хвастаться, если они в полном порядке, стараться любую работу выполнять хорошо, не бояться задавать вопросы, если ты чего-то не понимаешь».

Казалось бы, что плохого? Разве тут есть что-нибудь неправильное или возмутительное? Нет, но весь вопрос в том, ради чего все это? И ответ дан тут же, в следующем абзаце: «Вырабатывай в себе эти качества, и они помогут тебе быть бережливым». А если вернуться немного назад, то мы прочитаем: «Раз ты — владелец своего собственного хозяйства и экономно ведешь его, твой главный интерес — это ты сам». А еще чуть раньше: «Словарь толкует, что бережливость — душа экономики. Эта идея родственна другой идее — процветанию. Процветание означает экономический успех и счастье».

Когда политики говорят о замене культурных кодов и культурного ядра — а именно с этих позиций стоит рассматривать распространение подобной литературы, — ее ведь, между прочим, рекомендуют школам, — то для многих людей это остается пустым звуком. Именно пустым, потому что он не наполнен образным содержанием. Что такое «культурный код», «культурное ядро»?

Абстракция — да и только! Слова, слова, слова. И, к сожалению, слова нобелевского лауреата, крупнейшего ученого К. Лоренца: «Радикальный отказ от отцовской культуры — даже если он полностью оправдан — может повлечь за собой гибельные последствия», — далеко не всех заставляют содрогнуться. Может повлечь, а может и не повлечь. И что понимать под гибельными последствиями? Надоели эти страшилки да пугалки! То от СПИДа все перемрем, то от голода. А ну их!..

А давайте попробуем «примерить» эти абстракции к нашей повседневной жизни, предельно конкретизируем их. На протяжении последних лет мы не раз сталкивались с людьми, которые попытались было воспитывать своих детей, руководствуясь принципами бизнес-идеологии. Результат оказывался плачевным. Практически всегда. Скажем, когда родители, следуя советам авторов типа К. Хесса, начинали платить детям деньги за домашний труд, отношения в семье быстро разлаживались. «Мой сын за месяц так обнаглел — никакого с ним сладу не было. Что ни попросишь, в ответ: „А сколько ты мне за это дашь?“ И за уроки стал требовать деньги, и за хождение в школу. Чуть ли не за чистку зубов таксу назначил!» — подобные признания вполне типичны.

Другой распространенный вариант: сначала родители внушают ребенку, что умный — это тот, кто умеет зарабатывать, умеет крутиться. А потом хватаются за голову: ах, какой ужас, его ничего, кроме денег, не волнует, учебу забросил, читать перестал. Только сидит перед телевизором, смотрит всякие конкурсы — все надеется выиграть… В общем, совсем свихнулся.

К сожалению, последнее — не только фигура речи. Не так уж редки случаи, когда в детском сознании происходит сдвиг — деньги, обогащение, капитал становятся настоящей идефикс. Нам встречались дети из вполне культурных и нормально обеспеченных семей, которые, сбегая с уроков, шли не в парк, на аттракционы, а… на помойку, чтобы насобирать пустых бутылок, и сдав их, «обрести экономическую независимость». Повторяем, это не соответствовало материальному положению семьи и потому выглядело абсолютно нелепым, неадекватным. Настолько нелепым, что заставляло родителей обращаться к психоневрологу.

Родительская фиксация на бережливости как на одном из главных достоинств приводит либо к бунту, либо к развитию у детей педантизма, жадности, даже скопидомства. Что, в свою очередь, приводит в ужас родителей, ибо они, усвоившие «новое откровение» только на уровне сознания, — совершенно справедливо, с точки зрения нашей культуры, — квалифицируют такие качества как проявление психической деформации. Заповедь «твой главный интерес — это ты сам», отражаясь на родителях (а в конечном счете так всегда происходит), неизменно оценивается ими как ужасающий, противоестественный эгоизм.

Это вполне понятно: несвойственные родной культуре жизненные принципы наталкиваются на жесточайшее сопротивление бессознательной сферы психики. К. Касьянова в книге «О русском национальном характере» рассказывает об очень интересном и серьезном научном исследовании, посвященном, в частности, проблеме столкновения глубинных особенностей разных культур. Она отмечает огромную устойчивость наших этнических архетипов и пишет, что «несмотря на постоянное „отклонение“ интеллигентской рефлексии силовыми линиями поля западноевропейской культуры, на уровне модели поведения та же интеллигенция… реализует в полном объеме свои „социальные архетипы“, а вовсе не западноевропейские.

Прекрасной иллюстрацией этого служит следующий пример. В какой-то момент журналисты, словно сговорившись, стали пугать общество тем, что вот-вот начнется «война всех против всех». Звучало это так, что ничего страшнее и придумать нельзя. Но у знающих людей вызывало лишь смех, ибо согласно великому философу либерализма Гоббсу, «война всех против всех» — вовсе не запредельно страшная реальность, а… один из основных жизненных принципов атомизированного, свободного общества. И даже идеал! По Гоббсу, «равными являются те, кто в состоянии нанести друг другу одинаковый ущерб во взаимной борьбе».

На уровне сознания эти журналисты приняли на ура идею построения либерального общества, но подсознание воспротивилось и сделало из идеала жупел. А они даже не заметили «неувязочку» и до сих пор пугают нас тем, к чему должны были бы призывать.

1998

СТРАСТИ-МОРДАСТИ И МАННАЯ КАША

Одно из самых распространенных заблуждений выглядит так: если что-то плохо, надо сделать наоборот — и будет хорошо. Так уж человек устроен, что для него естественней всего оперировать антитезами, противопоставлениями: добро — зло, белое — черное, свет — тьма, правда — ложь. И это, конечно, так и есть. Свет противостоит тьме, а правда — лжи. Но пользуясь инерцией противопоставления, легко совершить подмену. Делается это просто. Сначала что-то объявляется злом.

Потом это доказывается — убедительно, с опорой на примеры, авторитеты, собственный опыт. А когда, наконец, сформировано соответствующее негативное отношение к тому, что обозначили как зло, остается только вместо истинной антитезы проставить мнимую. Причем на сей раз даже не обязательно утруждать себя серьезными доказательствами, ибо включается психологический механизм, заранее настроенный на антитезную пару, и многие, уже не рассуждая, автоматически принимают предложенный вариант.

В последнее время такое встречается, увы, слишком часто. Вот, к примеру, режим, при котором мы жили 70 лет, был обозначен как «большевистская диктатура» и, естественно, назван злом. Для того чтобы убедить в этом целую страну, из бесчисленного множества признаков отбирались только признаки зла; эти признаки компоновались, обильно иллюстрировались и т. п. Наконец негативный образ был сформирован: большевистская диктатура — зло. И тогда на место добра был поставлен… рынок. И все это подхватили. И тут же появились яростные апологеты рыночного «добра». По выражению модного в то время публициста — «рыночники Божьей милостию». И вслед за ними множество людей стали связывать рынок непременно со свободой и демократией. Как будто никогда не слыхали ни о Пиночете, ни о диктаторских режимах в Гватемале, Парагвае, Уругвае, Аргентине и других странах, где рынок прекрасно уживался (а где-то и уживается!) с самой жестокой диктатурой.

По этой же схеме были скоропалительно пересмотрены и многие другие аспекты нашей жизни, в том числе педагогические. Не остался в стороне и такой важный вопрос, как: «нужно ли детям знать о жизни правду?» Антитезная пара выглядела следующим образом: при большевиках детей кормили «манной кашей сладкой лжи», и это было зло, потому что подрастающее поколение не готовили к реальной жизни. Следовательно, добром будет говорение всей правды. Под **всей** правдой при этом подразумевалось (внимание: подмена!) то, что Горький, у которого мы позаимствовали ползаголовка, называл «свинцовыми мерзостями жизни».

И «свинцовые мерзости» хлынули бурным потоком и затопили экраны, страницы, сцену. Известный авторитет в области педагогики, восхищаясь романом Анатолия Кима, в котором уголовники изнасиловали и до смерти замучили одного зека, страстно призывал родителей включить этот роман в круг семейного чтения и для пущей убедительности сообщил, что он уже провел со своими детьми несколько коллективных читок.

А не менее известный кинодраматург, определявший репертуарную политику детской киностудии, в качестве образцов, которые сейчас более всего необходимы детям, приводил два сценария. В одном мальчики убили своего товарища, закопали в землю и, тайком приходя на это место, прикладывали ухо к земле — а вдруг он все-таки дышит? («Тут еще и особенности детского мышления, понимаете?» — восхищался маэстро.) Во втором же сценарии главным действующим лицом была… нога. Оторванная на афганской войне и зажившая своей отдельной жизнью. Помнится, образ окровавленного обрубка, особенно с учетом юной аудитории, показался нам ужасающим, но наш собеседник, напротив, одобрил эту творческую находку. (Впоследствии фильм по этому сценарию был снят, но широкой известности не приобрел — зрители к тому моменту уже «проголосовали ногами» и перестали ходить в «чернушное» кино.)

Примеры «правдивого современного искусства» можно приводить до бесконечности. Их «тьмы и тьмы и тьмы», но они вам и так отлично известны. Гораздо важнее объяснить, в чем же здесь подмена. Разве в жизни не встречаются жестокости, ужасы, зверства? Конечно, встречаются. Как, впрочем, и любовь, сострадание, самопожертвование. В жизни вообще **все встречается и все — правда**. Все, а не малая часть, которую в народе быстро и очень метко окрестили «чернухой». А выдавать «чернуху» за самую главную правду о жизни есть самая настоящая ложь! Раньше лгали, что все прекрасно, теперь лгут, что все ужасно. Вот она, истинная пара. Не ложь-правда, а ложь «коммунистическая»-ложь «демократическая». И даже не через дефис, а через «и», потому что здесь нет, по сути дела, никакого противопоставления: ложь и ложь.

И снова нас подстерегает ловушка. Хочется воскликнуть:

— Любая ложь неприемлема! Что та, что эта! Ребенок должен знать правду!

Но тогда детям нельзя читать сказки. Ведь, строго говоря, там все ложь.

Кстати, несколько лет назад мы столкнулись с яростным борцом за новое искусство для детей. Это был чиновник Министерства культуры. Гладкий, холеный, явно не познакомившийся в детстве с «суровой правдой жизни», он учил нас уму-разуму:

— Милые мои! Ну сколько же мы будем пудрить детям мозги этими красивыми сказочками?! Этими Золушками и Белоснежками?! Маловато потрясений, друзья мои! Жестче надо писать. Достоверней и жестче. — И его пухлые детские щеки даже втягивались на слове «жестче». — Когда же, наконец, появятся детские драматурги, которые будут писать нам сказки с плохим концом? Герои должны гибнуть, а зло — торжествовать. Пусть будет, как в жизни. Жизнь, милые мои, это вам не сопли с сахаром… — И, мечтательно улыбнувшись, добавил:

— Эх, если бы нашелся режиссер, который смог бы воплотить мой замысел… Представьте себе: кукольный театр, на сцене — пьеса. Ну, такая… настоящая, без сю-сю… И вот, в самый напряженный момент, скажем, — в момент убийства или, там, изнасилования… из сиденья вылезает иголка и впивается прямо в задницу зрителя! Чтоб уж проняло!.. А? Правда, гениально?

(Авторская ремарка: кукольные театры, о которых упомянул этот любитель потрясений, посещаются в основном детьми до-школьного и младшего школьного возраста.)

Ей-Богу, мы ничего не выдумали! Разве что немного сократили монолог чиновника. Другое дело, что его программа еще не полностью реализована. Не сконструировали ни в одном кукольном театре кресла с выскакивающими в нужный момент иголками. Зато с потрясениями все в порядке, и вряд ли кто-то может пожаловаться, что их «маловато». Проще всего посмотреть киноафишу. «Киборг-убийца», «Маньяк-убийца», «Поцелуй убийцы», «В постели с убийцей». Ну, это для подростков. Детей помладше, не волнуйтесь, тоже не обидели. И они не остались в стороне от «правды жизни». Ни тебе застойного Чебурашки с Крокодилом Геной, ни предзастойных экранизаций Бажова и Мамина-Сибиряка. (Разве что иногда по ТВ, а вот столь привычные еще недавно программы мультипликационных фильмов, на которые можно было торжественно водить детей в кино по выходным, бесследно канули в прошлое…)

Но, с другой стороны, детей ведь не лишили зрелищ! В том числе и мультиков. Их даже стало гораздо больше. Ну, подумаешь! — были советские, а теперь американские. Был Чебурашка, а теперь черепашки! И тоже приключения, и тоже сказочные. И даже хорошо кончаются… Но эта идентичность чисто формальная.

А что если мы сравним случайно зарифмовавшихся героев двух современных сказок? И не только героев, но и злодеев. И вообще картину мира в этих мультфильмах.

Главные качества Чебурашки — наивность, милота, обезоруживающее обаяние ребенка. Черепашек-ниндзя при всем желании наивными, милыми детьми никак не назовешь. Это, в сущности, «крутые парни», которые, чуть что — не задумываясь, молотят своих противников направо и налево, скорее напоминая молодежную банду, чем маленьких детей. В борьбе со злом, без которого не обходится ни одна сказка, Чебурашка вместе с закадычным другом Крокодилом Геной думает, шевелит кукольными мозгами, изобретает разные хитрости, но не избивает и, разумеется, не убивает старуху Шапокляк. Черепашкам, конечно, приходится решать вопросы военной стратегии, но определяет все физическая сила, физическая схватка со Злом. Кровь льется рекой, трупы навалены штабелями. Зло уничтожают буквально. (Правда, к Карабасу-Барабасу в «Золотом ключике» тоже были применены физические методы воздействия, но ему всего-то-навсего отрезали приклеившуюся к дереву бороду и оставили беднягу сидеть под дождем в луже!)

Да и представители зла в «Чебурашке» и «Черепашках» существенно разнятся. Проворная, смешная Шапокляк со своей крыской Лариской пакостят по мелочам. Никакой кровью, никаким насилием проделки старухи не пахнут. Она, как в песне Высоцкого, «по-своему несчастная», а потому к ней можно найти подход. Что, между прочим, и делают в финале герои, осчастливив ее дружбой. (Ох, маловато потрясений!) Закованный в сталь Шредер ужасен. Это некое Абсолютное Зло, к которому нельзя найти никакого подхода, кроме «радикального». Он готов уничтожить весь мир со всеми его обитателями.

Ну и наконец, о главном — о картине мира. Мир, в котором обитают Чебурашка и Крокодил Гена, в целом светлый и дружелюбный. В нем уютно и не страшно, МИР в этом мире закономерен. Зло же, напротив, единично и случайно. Оно подобно маленькому облачку, которое не может надолго затуманить небесную синеву. Мир черепашек буквально переполнен, кишит злом. Оно подстерегает повсюду и всегда. Горстка героев противостоит целым полчищам приспешников Зла. Все же остальные — статисты, пешки и жертвы. (Кстати, в другом американском мультфильме с умилительным названием «Вампиреныш» кого-то из персонажей так и звали: Жертва. От одного этого имени мурашки пробегают по спине даже у взрослого человека!)

Не правда ли, странно? В «Империи Зла», как принято теперь именовать Советский Союз, искусство для детей было щадящим, охраняющим хрупкую психику от непосильных впечатлений. Соблюдался некий возрастной ценз. И это было совершенно правильно! Вы, наверное, замечали, что дети от трех до шести лет часто задают вопросы типа: «Каких людей на свете больше — хороших или плохих?», «А что сильнее: добро или зло?» Такие вопросы отнюдь не следует рассматривать как ординарные в общем потоке бесконечных «что?», «как?» и «почему?» Ребенок ищет опоры, ориентиры, чтобы начать строить мир в своей душе и одновременно встраивать себя в мир. Он маленький, слабый, он хочет быть с большинством. Попробуйте, руководствуясь наставлениями министерского чиновника-либерала, рассказать малышу сказку с плохим концом. Четырехлетний консерватор будет огорчен до слез. И не просто огорчен, а возмущен! Он воспримет это как личное оскорбление, ибо душу его омрачили скорбью. Когда же зло в искусстве, предназначенном для детей, тотально, когда оно «в

большинстве», ребенок испытывает соблазн примкнуть к нему. И к подростковому возрасту, вдохновляемый уже не мультфильмами, а вполне натуралистическими кинозверствами (один немецкий психолог подсчитал, что в среднем дети сегодняшней Германии к шестнадцати годам видят на экране 18 тыс. убийств), может дозреть до поступков.

Творцы «чернухи» уверяют публику в своих гуманнейших намерениях: дескать, демонстрируя жестокость крупным планом, мы отвращаем от нее молодежь. Но тогда авторы порнофильмов с полным правом могут утверждать, что если показывать детям половые извращения, девственность будет гарантирована до гроба.

Ну а если серьезно, то уже дети младшего дошкольного возраста понимают, что убивать дурно. Кто-то в ужасе кричит: «Не дави божью коровку, она живая!» Кто-то отказывается есть котлету, узнав, что она приготовлена из убитой курицы. Нормальному ребенку не нужно «из воспитательных соображений» показывать крупным планом, как курице (и уж тем более человеку!) отрубают голову. Он и так знает, что это ужасно. Не случайно очень многие дети сами себя пытаются оградить от «правды жизни»: выбегают из комнаты, увидев на экране телевизора страшную сцену, плачут, закрывают руками лицо, утыкаются в плечо сидящему рядом. Тут необходимо учитывать, что ребенок, в отличие от взрослого, еще нечетко разделяет искусство и реальность. Он — особенно в напряженные моменты — не помнит, что это понарошку, что это артисты.

Те же дети, у которых «кишки на березах» вызывают повышенный интерес и особое удовольствие, должны настораживать. У них или притуплена чувствительность, или — что, к счастью, встречается редко, — присутствуют скрытые садистские наклонности. То есть на самом деле вместо декларируемых гуманных целей невольно достигаются (если не преследуются сознательно!) цели совсем иные: в одних детях пробуждаются низменные инстинкты по принципу «дурные примеры заразительны», в других порождаются страхи, которые иногда настолько овладевают душой ребенка, что становятся источником невроза. В своей работе с детьми-невротиками мы в последние несколько лет сталкиваемся с новым и, как нам кажется, показательным явлением. В раздаваемых нами анкетах на вопрос «Есть ли у ребенка страхи, связанные с чем-либо» родители стали часто указывать… иностранные мультфильмы как один из источников страха. Кого-то, быть может, это удивит, но нам представляется вполне закономерным. Ни старуха Шапокляк, ни Карабас-Барабас, ни даже Бармалей не могут вызвать в ребенке, как выражаются психологи, «запороговый страх». А Шредер, вампиры и привидения — могут!

Вы скажете: «Как будто у нас нет страшных сказочных злодеев! А Баба-Яга с Кащеем Бессмертным? Страшно аж жуть!»

Конечно, Баба-Яга пострашнее старухи Шапокляк. Но, во-первых, она тоже не является представителем абсолютного зла, героям часто удается найти с ней общий язык. Да и потом, советские режиссеры и книжные графики очень много сделали для того, чтобы юмористическим изображением уравновесить злодейскую сущность отечественных чудищ. Вполне вероятно, что западные дети и вампиров воспринимают юмористически. Но значит, они к такому восприятию подготовлены национальной культурой. И действительно, в европейской, а вслед за ней — и в американской культуре тема вампиров разработана широко и детально. Это очень старая и непрерывно развивающаяся традиция. В нашей же культуре недаром торжественное слово «вампир» заменено, заземлено презрительным «упырь». По каким-то причинам (не будем сейчас вдаваться в подробности) этот вид нечисти не занял одного из центральных мест в нашем искусстве. Русские писатели не внесли весомого вклада в мировую вампирологию, не удостоили кровопийц своими вниманием. Их если и интересовали кровопийцы, то все больше в переносном смысле — как эксплуататоры. Гоголевский Вий, вурдалаки А. К. Толстого — это лишь редкие вкрапления, веснушки, а вовсе не лицо нашей литературы. Кстати, про Вия и вурдалаков маленьким детям и не читали.

Выходит, то, что раньше ребенок получал в адаптированном традицией и искусством виде, причем небольшими порциями, теперь закачивается в него без всякой поправки на чужеродность, причем лошадиными дозами! И вместо полезной для психики прививки (а в малых дозах «страшилки» полезны, недаром существует жанр детского фольклора, который так и называется) происходит отравление «непереваренным» злом со всеми вытекающими из этого последствиями.

Когда мы работаем с ребятами школьного возраста, они по нашей просьбе рисуют нехитрую диаграмму: три круга. Один обозначает класс, другой — двор, а третий — город. И раскрашивают двумя карандашами, черным и красным. Черный — это плохие люди, красный — хорошие. Каждый ребенок схематически отображает окружающий мир, руководствуясь своими представлениями о соотношении в нем добра и зла. В самом начале девяностых годов даже у ярко выраженного меланхолика черный сегмент редко был больше красного. Мало того: по мере расширения заданного пространства процент черного, как правило, уменьшался. Ребенку, у которого не сложились отношения с одноклассниками, все равно казалось, что город (то есть, мир) — не злонамерен.

Что же мы наблюдаем теперь? Почти все школьники (восемь из десяти) видят город-мир в черном цвете. Теперь, как правило, эта последняя диаграмма напоминает арбуз с вырезом: там есть небольшой красный ломтик. И такое встречается даже у тех, у кого и в классе, и во дворе все обстоит вполне благополучно!

Обилие страшного страшно еще и тем, что притупляет чувствительность. Такое эмоциональное отупение — это своего рода защитная реакция. Причем она не специфична для детей. Сегодняшних взрослых тоже мало что «колышет». Вспомните, как все общество «сотряслось» в конце 1988 года, узнав об армянском землетрясении. А сейчас… Войны, разбомбленные города, захваты террористами роддомов и больниц, угрозы ядерного терроризма… Кого бы сейчас особенно взволновало известие о каком-то там землетрясении?

Чего же требовать от детей? После развороченных внутренностей и расчлененных трупов, показанных крупным планом, почему их должна трогать мамина усталость, папина головная боль или бабушкина немощь? У крови слишком терпкий вкус, после него все кажется пресным.

Когда мы беседуем на эту тему с родителями, они часто перебивают нас растерянным вопросом:

— А что мы можем сделать? Как оторвать ребенка от телевизора?

Но ведь никто не спрашивает, что делать, если ребенок тянется к рюмке водки, как отобрать у него пачку таблеток или крысиный яд. Просто многие не осознают степени опасности, когда речь идет о ядах, отравляющих душу.

Не только на экране, но и в жизни бывают обстоятельства, с которыми совершенно не обязательно знакомить ребенка детально. Он еще успеет, повзрослев, столкнуться с ними «нос к носу», но к тому времени он успеет и окрепнуть душевно. В первую очередь это касается смерти близких. Детям до восьми-десяти лет лучше не видеть покойников. Это не значит, что нельзя при ребенке вспоминать умерших бабушку и дедушку — можно и **нужно**! Так же, как и вместе ходить на кладбище. Пусть помогает убирать могилу, сажать цветы. Но смотреть на мертвого человека — слишком тяжелое испытание для ребенка. И даже если он будет выглядеть вполне спокойным (а родителям иногда кажется, что их сын или дочь стояли у гроба и вовсе равнодушно), это скорее всего лишь внешнее выражение шока и грозит «отсроченной реакцией». Вдруг через месяц-два, казалось бы, на ровном месте, может нарушиться сон, ребенок начнет просыпаться в мокрой постели, кривить лицо, плакать из-за каждого пустяка…

— Вы противоречите сами себе! — упрекнет нас внимательный читатель, который помнит, как мы когда-то писали о необходимости героических примеров в воспитании детей. — Герои, они, между прочим, умирают. Мало сказать, умирают — погибают мученической смертью! Их расстреливают, сжигают, вешают. А от этого, если вам верить, у ребенка может родимчик случиться! Так как же одно с другим увязать?

Вопрос, как говорится, «на засыпку». И все же попытаемся ответить. Да, герои погибают. Но их гибель (которую в советском искусстве для детей и юношества, кстати, показывали и описывали без натуралистических подробностей) свидетельствует прежде всего не о слабости и бренности человеческого тела, а о величии человеческого духа. О том, что НЕ ВСЕ можно победить, не над всем можно надругаться. В «Колымских рассказах» Варлама Шаламова написана страшная правда о советских лагерях, и ребенок когда-нибудь ее узнает. Но прежде чем узнать, как страх, унижение и насилие превращали человека в зверя, как люди ели людей, он должен узнать и почувствовать другое: как люди в нечеловеческих условиях совершали нечеловеческие усилия, чтобы вопреки всему остаться людьми. И это тоже правда!

Если же с детства внушать (хотя мы считаем, что это и взрослым не показано), что человек — всего лишь жалкая беспомощная букашка, которую можно подвергнуть самым разнообразным и изощренным мучениям, если ребенок с младенчества усвоит, что зло беспредельно (в нашу жизнь и так уже по-хозяйски вошло слово «беспредел»)… Ну что ж, тогда не жалуйтесь, увидев, как ваш сын униженно лебезит перед дворовым хулиганом, а также не надейтесь, что в будущем он станет опорой для старых (вас) и малых (его детей). Чего требовать от букашки?

Ну и зачем же мы ополчились на американские фильмы? Там ведь и борющиеся со злом герои-супермены, и непременный «хэппи-энд». Все так, да только страсти-мордасти настолько перенасыщают этот «раствор», что человек, особенно маленький, «выпадает в осадок». Лучше всего это выразил один пятилетний мальчик, который, оторвавшись от экрана и горько рыдая, прибежал на кухню.

— Мама, мама, там опять убивают!

— Не волнуйся, сынок, в конце все будет хорошо.

Малыш посмотрел на маму с какой-то недетской обреченностью и очень серьезно сказал:

— Мамочка, я, знаешь, могу до конца и не дожить…

(Авторская ремарка: манная каша с сахаром или с вареньем — самая что ни на есть подходящая еда для маленьких детей.)

ПИЦЦА-ТРОЙКА

Где-то на исходе застоя все культурное население нашей тогда еще бескрайней Родины мечтало раздобыть две жизненно важные книги: «Толковый словарь» Даля и энциклопедический словарь «Мифы народов мира». Их покупали с бешеной переплатой на черных рынках, получали в обмен на тонны макулатуры. А если появлялся знакомый иностранец, который перед отъездом спрашивал: «Что я могу для тебья сдьелать?», — младший научный сотрудник, поспешно сглатывая мечту о джинсах и тайно умиляясь собственной возвышенности, с достоинством отвечал:

— Да нет, спасибо, мне ничего не нужно… Разве что словарь Даля. В «Березке» на Кропоткинской.

Но спустя десять лет стало ясно, что словарь Даля уже не актуален, поскольку менеджеру, дилеру, брокеру, как, впрочем, и устроителям воркшопов, кофебрейков и семинаров по файндрайзингу все эти «хилые прибамбасы как-то не в дугу». Да и нужной справки не получить.

«Мифы» тоже особого энтузиазма не вызывают. А жаль! Ведь сейчас самое время не только ознакомиться с опытом народов мира, но и обогатить его собственным. Благо мифов у нас нынче — можно не по словарю Даля? — как грязи.

Вот, например, такой. Принято за аксиому, что в советском, насквозь милитаризованном обществе и сознание людей было милитаризовано, причем с самых что ни на есть юных лет. Еще бы! В школе уроки гражданской обороны, в пионерлагере игра в «Зарницу», малышам (о, эти ужасы тоталитаризма!) покупали пластмассовые автоматы и оловянных солдатиков. В общем, растили убийц.

И вроде бы все так. Особенно, если не задумываться, не вспоминать, не сопоставлять. Хотя подчас реальность буквально принуждает это сделать. Волей-неволей призадумаешься, услышав такой диалог.

Спорят брат и сестра пяти и десяти лет. Наконец, когда остается полшага до драки, в ход идут последние, «козырные» аргументы.

Сестра: Малявка, я тебя сильней!

Брат (на секунду оторопев, но быстро найдясь): Зато я Терминатор! Могу убить!

Сестра: А я Бэтмен! Он еще и летает!

Брат: Тогда я… четыре ниндзи-черепашки! (Декламирует, радуясь неожиданной рифме.) Мы вчетвером тебя убьем!

Сестра: А я Хи-мен! Я твоих черепашек изрублю на мелкие кусочки!

Брат: А я Человек-паук!

Сестра: А я Робо-коп!

Брат: А я Супермен!

Сестра: А я Супергерл!

И так минут десять до полного истощения. И теперь давайте представим себе подобный диалог лет этак пятнадцать назад. В ми/тота/литаристском обществе **с теми** реалиями. Начало, скорее всего, будет таким же:

— Малявка, я тебя сильнее!

А вот дальше… Кого могли бы дети застоя призвать на помощь для утверждения своего лидерства? Кто из детских любимцев недавнего прошлого порубил всех в капусту, стер в порошок, расстрелял «веером от пуза»? Чебурашка? Кот Леопольд? Или, может быть, кот Матроскин? Миф тут же начинает трещать по швам.

Милитаризация сознания, если уж говорить об этом всерьез, происходит сейчас, а не тогда. Это сейчас человек с младенческого возраста пропитывается культом силы, культом героя с уголовными наклонностями. Это сейчас «крошка-сын» знает, что у его папы есть пистолет (пока, правда, чаще всего газовый, но принятие закона о владении личным оружием, вероятно, не за горами). Это сейчас подросток, рано утром выгуливая собаку, может обнаружить во дворе труп. Дурная бесконечность войн в тех местах, которые всю жизнь ассоциировались у нас только с курортным отдыхом, милиционер с автоматом на шее, уже не раз встреченный нами в собственном подъезде, демонстрация в «прямом эфире» танков, стреляющих по Белом Дому, битком набитому людьми… Это что, не милитаризация сознания?

В таком случае нашим ученым, которым не впервой находить теоретические обоснования для любой наперед заданной практики, настала пора подумать о новых диссертационных темах в стиле Оруэлла. Например, «Радикальное устранение люмпенизированной части населения как оптимальный метод воспитания верности общечеловеческим ценностям». Или: «Образ Киборга-убийцы в детском кинематографе — эффективное средство формирования миротворческих установок».

Кстати, о кинематографических и не только кинематографических образах. В нашу жизнь вошла, вернее, ворвалась чужая эстетика. Конечно, нельзя сказать, что ее раньше вовсе не было. Нет, но она присутствовала в качестве скромного гостя, а не полновластного хозяина. В другом соотношении и уж совсем с другой силой напора. Ненавязчивому гостю человек всегда рад. Так и мы радовались американским джинсам, японским видеомагнитофонам, французским шансонье, международным кинофестивалям. Все это было недавно, а стало уже полузабытым прошлым — настолько резко поменялась ситуация. Сейчас — наконец-то! — раздается все больше и больше голосов, протестующих против засилья «американского большого». (Один наш знакомый когда-то переводил для заработка именитого бурятского поэта. И все шло гладко, потому что это был вполне интернациональный текст о Родине и партии, пока переводчик не споткнулся о загадочное выражение, которому никак не мог найти русского эквивалента: «Бурятское большое».) Но дело не только в том, что сочетание свиняче-розового с канареечно-желтым, на котором построена, в частности, вся эстетика империи Барби, режет глаз. И даже не в том, что американскую массовую эстетику человек с минимально развитым вкусом может назвать эстетикой лишь иронически. Суть в другом. Представьте себе, что в вашей комнате без спросу что-то чуть переставили, слегка заменили. Причем именно слегка, еле уловимо. И вот вы вошли и, еще не успев осознать происшедшего, ощутили смутную тревогу. Ну а теперь вообразите, что в вашей комнате переклеили обои, поменяли мебель, повесили другую люстру и другие занавески… Вы, естественно, в шоке и хотите найти подтверждение того, что это ВАШ дом. И начинаете метаться в поисках хотя бы маленькой вещички, хотя бы чашки с отбитым краем! — чего угодно, лишь бы убедиться, что вы не сошли с ума.

Господи, сколько воплей раздавалось, когда построили Дворец съездов, гостиницу «Россия», башни Калининского проспекта. Дескать, исказили лицо города! Но ведь это было то самое «чуть-чуть» по сравнению с происходящим сейчас. А какой яростный протест вызывали у нашей интеллигенции советские плакаты и лозунги, праздничные портреты несчастных геронтократов! Им говорили: «Да черт с ними, пусть висят! Кто их замечает?» А они во всеоружии фрейдизма вещали про воздействие на подсознание. Что это, мол, еще более разрушительно для психики, чем осознаваемая травма…

Где же вы теперь, друзья-однополчане? Ведь сейчас самое время бить тревогу. Или голос, исходящий из «влажных недр» (выражение Розанова) и сладострастно призывающий к райскому наслаждению вкусить чего-нибудь пищевого, оказывает благотворный эффект на подсознание? Что там говорил старик Зигги про совмещение трех отверстий в одном лице? А уж на уровне сознания… Наверное, лозунг «Слава труду!» не так травмировал психику, как восклицания двух «студентов МММ», потрясающих пачкой акций: «Это больше, чем стипендия! Это **лучше**, чем стипендия!»

А есть и гораздо менее очевидные, но зато куда более серьезные факторы, искажающие онтологически привычную картину мира. Это вливается незаметно, как яд в ухо спящему отцу Гамлета. Насколько нам известно, критика в адрес американского массового искусства обычно не идет дальше причитаний по поводу секса и насилия, безвкусицы и натурализма. (Кстати, советское искусство можно обвинять во многом, но вот натурализмом оно не грешило и в этом смысле продолжало русскую традицию. У нас даже в фильмах про фашистов соблюдалась определенная «квота» на демонстрацию зверств.) Однако гораздо интереснее, на наш взгляд, сопоставить отечественную и американскую кино-, видео— и книгопродукцию по существу: сравнить персонажей, мотивацию их характеров и поступков, существование в категориях добра и зла.

Начнем, из вежливости, с гостей. Что прежде всего бросается в глаза? Да в общем-то отсутствие какой бы то ни было мотивации у злодеев. У нас даже начинающий литератор знает, что поступки персонажей должны быть обоснованны. Мэтры, опекающие молодых драматургов, любят советовать «новичкам» вообразить в деталях биографию всех, даже второстепенных персонажей. Это элементарное профессиональное упражнение. У американского же злодея (иначе не скажешь) нет ничего хоть сколько-нибудь очеловечивающего: его невозможно представить себе в детстве, у него совсем нет положительных свойств (помните, как Станиславский учил артиста, играющего отрицательного героя, искать в нем что-нибудь хорошее?) или хотя бы смешных слабостей. Нет никаких оправданий злодейской сущности (детство в детдоме, измена невесты, обида на власть и проч. и проч.). Он злодей **по определению**. Абсолютное Зло. Почему бы это? Неужели от недостатка профессионализма у создателей боевиков и триллеров? Или дело в чем-то другом? Образ «беспросветного» злодея, на которого нельзя повлиять, так как не за что зацепиться, далеко не нов, только он предстает сегодня в иных, модифицированных сообразно времени обличьях. Кто символизирует Абсолютное Зло? Кто ненавидит род людской и жаждет его тотального уничтожения? Кому все человеческое чуждо? Да-да, тот самый, с копытами, но только действующий в безбожном и безблагодатном мире, где великий спор Света и Тьмы решается на уровне кулаков, автоматных очередей и залпов из гранатомета.

Совершенно очевидно, что обычный человек или даже обычный герой одержать верх в таком споре не в состоянии. И появляются сверхгерои, этакие боги-культуристы. И у них тоже нет ни

предыстории, ни характера. Это в чистом виде номиналы. Очень показателен конец детского диалога, который мы не без умысла не процитировали сразу.

Брат: А я все равно сильней! Я… я… Я Супер-робот Т-1000! У меня внутри знаешь какой компьютер?

Сестра (оторопело): Ты что? Он же плохой? Он же робот-убийца!

Брат (нимало не смутившись): **А это все равно**.

Устами младенца глаголет на редкость лаконично сформулированная истина. И вправду, представители добра и зла в этих современных иностранных сказках принципиально ничем не различаются. Просто одних «назначили» добрыми, других — злыми. А перемени таблички — полюса моментально поменяются. Да, собственно, так и происходит. В одной серии Терминатор, выражаясь детским языком, «плохой». А в другой серии Терминатор (вроде бы новый робот, но с тем же именем и обликом — его играет тот же самый актер!) уже «хороший» и выступает в роли защитника **той же самой** героини. Это все равно что Кащей Бессмертный во второй серии исполнял бы обязанности Ивана-царевича: приручил Серого Волка, вызволил Василису Прекрасную, ну а потом — «с веселым пирком да за свадебку». Тот-то радости бы было!

В немецком языке есть точное и емкое слово «феррукт» (verruckt). Это и бытовое слово, обозначающее смещение предметов, понятий, и одновременно — психиатрический термин, аналог которого по-русски лучше всего передает жаргонное выражение «сдвиг по фазе». Очень своевременное слово, как сказал бы Владимир Ильич.

Нельзя безнаказанно для психики жить в смещенных смысловых полях. А сейчас такое смещение происходит на всех уровнях. И, быть может, небольшое, неявное смещение гораздо опасней, чем замена на полную противоположность. Когда грубое нарушение Конституции называется новым завоеванием демократии, а люди, которым это не понравилось, — поборниками диктатуры, когда боссы компартии в одночасье делаются крупнейшими начальниками по борьбе с коммунизмом — это еще полбеды. Человеческая психика адаптируется к подобным перевертышам довольно быстро. Мы же не видим мир вверх ногами, хотя, как известно, оптическое устройство глаза «фотографирует» именно перевернутую реальность.

А вот маленькие подвижки, во-первых, трудно уловимы и плохо поддаются вербализации, а во-вторых, они как бы лишены ритмической композиции: шажок вперед и одновременно полшажка влево, немного вниз и чуть в сторону. Хаотическое броуновское движение.

Застенчивая юная поэтесса, слагающая романтические стихи о переживаниях, посетивших ее в… кабинете гинеколога. Ученый-физик, подрабатывающий не частными уроками по подготовке в вузы, а продажей растворимого кофе. Обаятельный диктор ТВ, с мягкими, интеллигентными интонациями объявляющий: «Я хочу представить вам, дорогие телезрители, идеальную супружескую пару: Галю и Свету». И две очень культурные женщины, которые долго, убедительно и стилистически безупречно убеждают многомиллионную аудиторию в преимуществах сапфической любви. Пожилой прокурор, придя в гости, оказывается за столом рядом с «представителем теневой экономики» и сочувственно кивает в ответ на рассуждения о том, что «мафия спасет мир». Или прилагательное «простой». Это же была высшая похвала человеческой скромности, истинной культуре, бесхитростности. А теперь… Нет-нет, смысл не поменялся на противоположный, он стал лишь несколько ироническим. В нем звучит легкий оттенок презрения («Ты что, простой?»).

Все это и многое-многое другое — типичный «феррукт».

Казалось бы, что плохого в художественном изображении абсолютного зла? Оно ведь практически всегда терпит в финале крах. Но в православной культуре не принято вступать в прямой контакт с дьяволом. Уж на что Лермонтов был ярко выраженным романтиком, и то его «Демон» звучит скорее как острастка, как предупреждение. Помните, что случилось с Тамарой после поцелуя Демона?.. Сатана как нечто страшное, непостижимое и **безмерное** здесь не притягивал, не завораживал. Такое впечатление, что культура старательно отгораживалась от него. Ни в классической, ни в фольклорной литературе его особенно не привечали. Даже черт Карамазова — это порожденное лихорадкой alter ego героя, а вовсе не «объективная реальность». Титаны же западной литературы (Данте, Гете, Милтон, Гофман и множество других) с гениальной мощью рисовали образ Князя Тьмы. Это традиционное различие имеет очень глубинную религиозную подоплеку, то есть лежит в основе онтологической картины мира. Зло в русской культуре не онтологично.

Работая с психически хрупкими детьми, мы сделали одно интересное наблюдение, касающееся темы данного разговора. Маленькие дети многого боятся. Дети нервные — тем более. Но фобические сюжеты с чертями мы встречали крайне редко и лишь у детей с тяжелой психической патологией. Значит ли это, что нашим детям сам черт не страшен? Нет, мы думаем, дело в другом. Образ дьявола настолько вытеснен в сферу коллективного бессознательного, что всплывает на поверхность лишь при очень расторможенном состоянии психики. Это хорошо известно также тем, кто пережил или видел

белую горячку. Говорят же: «Допился до чертей» — до дна. До самого дна души.

«Архетипические образы могут вторгнуться в сознание в самых примитивных формах и в результате привести к тяжелейшей патологии личности», — писал К. Г. Юнг. Предупреждал он и о том, что если пренебрегать традициями, разбушевавшееся коллективное бессознательное трансформируется в коллективные психозы, ибо «душа народа есть лишь несколько более сложная структура, чем душа индивида».

Фактически это мы уже наблюдаем. Никакой деградацией культуры и упадком морали не объяснить то **иррациональное** остервенение, которое охватило в последние годы заметное число людей. Ну ладно, повсеместное ограбление дач еще можно списать на падение морали да пресловутую люмпенизацию. Но отодранные полы на тех же «вскрытых» дачах уже так просто не объяснишь. А сожженные кнопки лифта на всех этажах? А взрезанный дерматин на сиденьях электричек? А поведение мужчин, которые справляют малую нужду, не только не зайдя в подворотню, но даже не отвернувшись от пешеходов?.. Во всем этом есть какая-то исступленность, психопатическая демонстрация. В революцию уже было нечто подобное. Греческие вазы, загаженные испражнениями, ощипанные заживо павлины в усадьбе родственников Бунина — это из того же ряда.

Мы предвидим протест:

— Нашли козла отпущения! Опять Запад виноват в русских безобразиях! Как будто раньше не было иностранных влияний! Можно подумать, что образованные люди в России не читали Данте, Гофмана, средневековых европейских романов…

Конечно, читали, только это скорее напоминало приятную экскурсию. Так православный человек может зайти в католический храм и восхищаться скульптурой, разноцветными витражами, звуками органа. Но молиться он там не станет, хотя Бог у православных и католиков один. То, что происходит сейчас, вполне сравнимо с попыткой заставить православных молиться в костеле. Любому верующему человеку понятно, что это нешуточный «феррукт». Сейчас многие люди уже чувствуют, что творится неладное, но объяснить не могут и, как правило, сводят все к привычным клише: «падение уровня жизни», «криминализация всей страны»… Разве что у пьяного на языке бывают хоть и грубые, но более точные слова. Мы услышали их однажды в метро. Алкашу кто-то крикнул вдогонку:

— Эй ты! Шапку потерял!

А он в ответ, не оборачиваясь:

— Ну и… с ней! Мы… жизнь потеряли, какая, на… шапка?

Феррукт, my friend, феррукт!

Покоя hердце просит!..

…Куда мчишься ты, пицца-тройка?

1994, Т. Шишова

ГЛОБАЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ НАД ДЕТЬМИ

Не знаю, как вам, а мне в последние годы нередко попадаются четырех-пятилетние дети, которые выглядят… нет, конечно, не умственно отсталыми, это было бы слишком сильно сказано, но все-таки заметно недоразвитыми. Они не понимают простых вопросов, в ответ либо молчат, либо несут какую-то чушь, не могут даже вместе с мамой разыграть в куклах несложную сценку или рассказать сказку, сюжет которой, казалось бы, навяз у них в зубах. Эти дети (чаще мальчики) очень застенчивы, полны страхов и в то же время невероятно конкурентны, строят из себя «крутых». Стесняясь проявить себя с лучшей стороны (например, рассказать, чем они сегодня порадовали маму), такие ребята безо всякого стеснения кривляются в присутствии малознакомых взрослых, не боятся задирать других детей на глазах у родителей, дразнятся, корчат рожи, громко хохочут, повторяя (опять-таки демонстративно, при взрослых!) разные нелепости, а порой и непристойности. И наотрез отказываются преодолевать трудности. Даже минимальные. Что, естественно, пугает маму с папой. «Как ребенок будет учиться? — с тревогой спрашивают они и начинают водить его по психологам и врачам, дают лекарства, нанимают репетиторов. А ведь прежде всего следует задаться вопросом: у кого ребенок перенимает подобные модели поведения? И поставить заслон дурному влиянию. Как, собственно говоря, во все времена поступали заботливые родители.

Меня воспитал телевизор

И вот тут-то начинается интересное. Когда спрашиваешь родителей, что, по их мнению, могло так «развинтить» ребенка, одни в ответ недоуменно пожимают плечами, а другие говорят про наследственность (чаще не свою, а второй половины) или про дурное влияние детского сада. Но при

ближайшем рассмотрении выясняется, что очень многие такие дети с раннего возраста играют в компьютерные игры и смотрят западные мультики. В чем же дело? Может, малыши стали жертвой какого-то широкомасштабного социального эксперимента? Но какого?

Чтобы прояснить ситуацию, я встретилась с ведущим руководителем Центра коммуникативных исследований ИСЭПН РАН, кандидатом социологических наук Натальей Ефимовной Марковой.

В последние годы она как раз занимается пристальным изучением воздействия СМИ на детей и подростков. Наталья Ефимовна подтвердила мою догадку. Действительно, можно говорить о широкомасштабном социальном эксперименте, жертвой которого становятся дети. Хотя понятие «эксперимент» подразумевает некоторую непредсказуемость результата, а в данном случае результат, увы, предсказуем.

Влияние современных СМИ очевидно для специалиста. Сильно воздействуя на фантазию, мультфильмы и компьютерные игры дают детям новые установки и модели поведения. Ничто не выдерживает конкуренции с этими яркими, запоминающимися зрительными образами, подкрепленными к тому же соответствующим звукорядом. На таком фоне даже самые талантливые детские книжки с великолепными картинками выглядят блекло. Я уж не говорю о родительских замечаниях и нотациях, которые дети быстро научаются пропускать мимо ушей.

Какие же установки транслирует детям современное западное искусство?

Начнем с агрессии

Вспомним хотя бы «Покемонов». К чему там сводится основное действие? Некие странные существа под общим названием «покемоны», что в переводе с английского означает «карманные чудовища» (pocket monster) стремятся друг друга уничтожить. Причем делают это азартно и мастерски.

Даже когда взрослые люди наблюдают за кровавым поединком, они порой преступают запретную черту, позволяя себе «расслабиться» и испытать удовольствие при виде чужих мучений. Яркий тому пример — воодушевление публики на испанской корриде или увлечение такими кровавыми забавами, как петушиные и собачьи бои, которые сейчас снова входят в моду в определенной социальной среде.

Если уж взрослые, у которых психика гораздо крепче детской, попадаются на эту садистскую удочку, то что говорить о детях? Ребенок, естественно, отождествляет себя с героями мультфильма. Никуда не денешься, таковы законы восприятия художественного произведения. Идентифицируя себя с агрессором, малыш постепенно усваивает агрессивные модели поведения. А если агрессоры (например, покемоны) действуют успешно, то сопереживание им вознаграждается чувством победного торжества. Из-за этого в детской психике как бы вырабатывается канавка агрессивности. Этакая накатанная колея, по которой уже привычно движутся чувства.

Кто-нибудь наверняка возразит, что везде, во всех сказках есть борьба добра со злом. Богатыри поражают драконов, Иван-царевич — Змея Горыныча. Однако отличие есть, и очень существенное. Современные западные мультфильмы целенаправленно развивают в детях садомазохизм, заставляя их испытывать наслаждение, когда герой мультфильма причиняет кому-нибудь боль. Это умело стимулируется аудио— и видеорядом.

В традиционных мультфильмах подробности убийства никогда не смаковались. Да и вообще, маленьким детям обычно не показывали подобных сцен. В множестве наших мультиков вообще нет драк.

А тут? «Давайте для наглядности представим, — предложила Н. Е. Маркова, — как должна выглядеть „в духе покемонов“ победа Ивана-царевича над Змеем Горынычем. «Отрубил Иван Змею одну голову и поковырял там ножичком. Пальцы засунул, кровушка теплая… Намазал ее себе на лицо.

Потекла горячая кровь потоками. Змей вопит, извивается, а Иван хохочет, пьет кровушку стаканами, силу получает от кровушки змеиной…» То есть это уже не просто садизм, а садизм эстетизированный. Он оказывает на психику невероятно разрушительное влияние. Первые подобные звоночки уже прозвучали в «Томе и Джерри». Но те авторы до такой изощренности, как сейчас, еще не дошли. А в «Покемонах» работа пошла уже по новейшим технологиям.

Демонстративность на грани безумия

Теперь о других отклонениях. С одной стороны, дети невероятно застенчивы, а с другой — ведут себя просто дико. Порой их демонстративность граничит с безумием. Например, один такой пятилетний мальчик на занятиях в группе детей сидел, закрыв лицо воротником свитера, так что видны были только глаза: настолько малыш стеснялся окружающих. Но при этом он периодически лез под стол, ползал по полу, кукарекал, жужжал, абсолютно не реагируя на замечания педагога и сгоравшей от стыда мамы.

Наталья Ефимовна, с которой я делюсь этими наблюдениями, сокрушенно вздыхает:

— Бедняги просто повторяют то, что видят на экране. Это тоже следствие идентификации.

— Но разве герои западных мультфильмов застенчивы? — удивляюсь я.

— Нет, они, наоборот, развязны. Застенчивы дети, о которых вы рассказываете. И чтобы подражать демонстративным героям, им приходится себя ломать. Видимо, психика их не выдерживает такой ломки, и малыши идут вразнос.

Вы спросите, почему дети так часто перенимают сейчас отклоняющееся, девиантное поведение? — Оказывается, еще в 70-е годы теперь уже прошлого XX века психологи установили, что модели поведения, которые демонстрируют обаятельные герои экрана, обладают огромной притягательностью. Особенно для молодых зрителей с неустойчивой психикой и еще не сформировавшейся системой ценностей. Если отклоняющееся, хулиганское поведение на экране никак не наказывается и даже не порицается, очень высока вероятность, что дети будут ему подражать. Исследованием воздействия экрана на массового зрителя занимался известный американский психолог Альберт Бандура, написавший специальную работу «Теория социального научения». Так вот, он говорил о том, что даже одна-единственная телевизионная модель поведения может стать предметом подражания для миллионов! Это многократно подтверждено экспериментами и практикой современной жизни.

Снова обратимся к мультфильмам. Возьмем «Телепузиков» — сериал, который авторы называют обучающим, утверждая, что он приносит большую пользу малышам. Чему же обучают маленьких зрителей телепузики? Вот, например, как трактуется понятие «украшение». Сперва на елке появляется букетик, перевязанный ленточкой. «Это украшение», — поясняет диктор. Затем букетик перекочевывает к одному из телепузиков за пояс. «Украшение», — снова повторяет диктор. А затем букетик с ленточкой оказывается у телепузика в… заду! Он, как собачонка, бегает по кругу, пытаясь его вытащить, а остальные персонажи задорно смеются.

Сериал рассчитан на детей до 4 лет — на тот самый возраст, когда малыши в наибольшей степени перенимают модели поведения, подражая заданным образцам. А тут чему их призывают подражать? Воткнуть что-то в зад товарищу и дружно веселиться, поскольку это дико смешно. Модель хулиганского поведения совершенно четкая и никем не наказуемая, ведь телепузиков не отшлепали, не поставили в угол и даже не сказали, что так вести себя плохо!

А подспудно внедряются еще и гомосексуальные мотивы, ибо данная модель поведения растормаживает сферу влечений, нарушая очень серьезное табу. Даже сверхдемонстративным детям раньше не приходило в голову, что в зад товарищу можно что-то втыкать. Максимум, на что они были способны, — это прицепить забавную рожицу к чужой спине или поставить сзади товарищу рожки. Хотя все равно подобные шуточки бытовали среди подростков, а не среди трех-четырехлетней малышни. Но воткнуть что-то кому-то в зад?! Это поведение извращенных уголовников, нарушение всех табу, прежде невиданное и абсолютно недопустимое для нашей культуры.

Любопытен и эпизод, когда мальчик-телепузик надевает девчачье платьице, а окружающие одобряют такое поведение.

В реальной жизни мальчики очень редко стремятся надеть девчоночью одежду. А если и надевают, то окружающие говорят: «Зачем? Сними! Ты же не девочка!» Тут же малышам дается прямо противоположная установка. Так что с виду невинная шутка оказывается вовсе не невинной попыткой расшатать норму полоролевого поведения. Что впоследствии может аукнуться и более серьезными искажениями.

Девиантное поведение в семье

А вот «Симпсоны», сериал для детей постарше. Многие взрослые, кто хоть раз посмотрел сей «шедевр», бывают возмущены его грубостью и разнузданностью. Но далеко не все понимают, что это не просто дикость и маразм (обычно именно такие оценки слышишь из родительских уст), а целенаправленное разрушение семейных ценностей, поощрение хулиганского поведения с родственниками.

Как вам понравятся такие образцы для подражания? Мать просит сына помочь по дому, а тот ей в ответ: «Сама сделай, старая потаскуха!»

А то, что над старостью и болезнью в этом сериале тонко и весьма остроумно (что особенно страшно) глумятся?!

Черепаха крадет вставную челюсть дедушки Симпсона, а бедняга не может ее догнать. Потом перед его носом захлопывает дверь родной сынок. И все это мило, «прикольно», заразительно. Ничего удивительного, что дети начинают подражать такому поведению.

Один отец не выдержал и даже подал в суд на телекомпанию, показывавшую «Симпсонов». Дело было так. Его семилетний сын вдруг стал дико себя вести: накидываться с кулаками на мать, говорить гадости. Отец не мог понять, в чем дело, пока его товарищ не сказал: «Послушай, да он же в точности

копирует то, что показывают в мультфильме про Симпсонов!» И действительно, мальчик дважды в день, утром и вечером, смотрел этот мультсериал. А отцу и в голову не приходило, что в детском мультике может быть что-то вредное…

Затормаживание психического развития

В последние годы растет число детей, которые не могут в школе усваивать на слух информацию, страдают недоразвитием речи и эмоций. Как установили западные ученые, это дети, которых в раннем детстве «воспитывал» телевизор. Английский эксперт по речи доктор Салли Ворд говорит, что за последние 20 лет резко увеличилось количество ребят, умеющих воспринимать только зрительную информацию. Слова проходят мимо них. В школе «телевоспитанники» испытывают большие затруднения со сменой привычного зрительного восприятия на словесное, ведь обучает их не телевизор, а живой учитель. И вдобавок они должны общаться с другими детьми, а им это трудно.

«В некоторых мультфильмах „новой волны“ используются специальные приемы приучения детей к экрану», — говорит Н. Е. Маркова.

Снова обратимся к «Телепузикам». Взрослые люди, смотревшие этот сериал, обращают внимание на странности, которых раньше никогда не бывало в мультфильмах. Во-первых, некоторые игровые эпизоды идут два раза подряд. Согласитесь, это уже само по себе непривычно. Хоть и заявлено, что мультфильм «обучающий», но все-таки мы же не на уроке в школе. У искусства свои законы, и такая «теледолбежка» выглядит странно. А еще есть вставки, которые зачем-то повторялись несколько раз в неделю. Скажем, такая. Три корабля медленно, один за другим проплывают по экрану. Никаких действий при этом не совершается, с сюжетом «заплыв» никак не связан. Корабли просто разрезают носом волну, проходят кругом и уплывают. Или другой пример. На дерево, стоящее посреди поля, прилетают по очереди пятнадцать (!) птиц. Каждая слегка вертит хвостом, садится на ветку и застывает, в точности копируя движения предыдущих. Это растягивается минуты на три-четыре. Для экрана — очень большое время, а оно, как известно, стоит дорого. Зачем швырять деньги на ветер?

С виду — абсурд. Но только на первый взгляд. Смысл подобных приемов в приучении детей к экрану. Его мерцающий свет, ритмичность экранного действа и определенным образом подобранные шумы гипнотически воздействуют на психику. В результате маленький человечек впадает в транс и уже совершенно некритично воспринимает все, что льется с экрана, притягивается к нему. «Телепузики» — это последовательное создание человека-дебила, который будет сидеть у экрана с открытым ртом и заглатывать любую информацию. Такая зависимость сродни наркотической. Именно поэтому многие дети, особенно со слабой психикой, не могут сами оторваться от телевизора. А когда родители пытаются выключить «ящик», впадают в бешенство, кидаются в драку. Отлучение от наркотика вызывает резкую реакцию.

Воспитание неудачников

Испокон веку детей учили на положительных примерах. Отрицательные же старались не демонстрировать, а главное, всегда сопровождали моралью. Это азы педагогики. Попробуйте обучить ребенка чистописанию, показывая ему, как развозить в тетрадке грязь. Или преподавать грамматику, рассказывая о разных видах ошибок. Результат вряд ли вас обрадует.

В «мультфильмах новой волны» эти принципы последовательно нарушаются. Неправильное поведение изображается достаточно часто и без оценочных комментариев.

Например, на протяжении всех трехсот шестидесяти пяти серий телепузики на призыв «Пора спать!» прыгают в люк, расположенный в холме. А ведь для маленьких зрителей этот люк ассоциируется с уютным домом, в котором обитают телегерои. Значит, образ люка становится положительно окрашенным, и часть особо внушаемых, а также склонных к рискованному поведению детишек вполне может последовать примеру любимых персонажей.

Кроме того, ребенка приучают нарываться на опасность, моделируя рискованное поведение даже во вполне нормальных, стандартных ситуациях. Скажем, телепузик качается на качелях. Диктор за кадром говорит: «Ляля качается». «Ляля» два раза качнулась и упала. Встала, опять села на качели. Опять голос диктора: «Ляля качается». Телепузик опять падает. И так раз шесть! Ребенку как бы вдалбливается связь понятий: «качели» и «падать». Потом телепузик немного покачается нормально, но идея, что качание на качелях связано с падением, у ребенка останется, и когда он сам сядет на качели, она вполне может всплыть. Только для него это не обойдется без последствий, как для телегероя.

А когда телепузики играли в мяч, постоянно показывались их промахи, неудачи. Подражая любимым героям, дети, естественно, будут копировать и эти модели поведения. Таким образом сызмальства формируется психология неудачников.

Подражание уродству

— А что Вы скажете об «Улице Сезам»? — спрашиваю я Н. Е. Маркову. — Этот сериал тоже смотрело великое множество малышей. В одном подмосковном детском садике я даже видела огромных персонажей «Улицы Сезам», которые использовались в обучающих занятиях. Довольные воспитатели говорили, что дети охотно включаются в такие игровые методики.

— Дети охотно играют со взрослыми во что угодно, — пожимает плечами Наталья Ефимовна. — Так что это не вообще аргумент. В «Улице Сезам» мы видим все ту же пропаганду девиантного и неуспешного поведения. Но кроме того, персонажи на редкость уродливы и отвратительны. Для чего это нужно? — Дело в том, что ребенок подражает не только поведению, но и мимике персонажей, перенимает их жестикуляцию и ухватки. А ведь физиономии у чудищ из «Улицы Сезам» одна другой гаже: тупые, злобные или безумные. Когда ребенок идентифицируется с такими персонажами, его внутреннее самоощущение соотносится с выражением их лиц. И малыш начинает вести себя соответствующим образом.

Невозможно перенять злобную мимику, оставаясь в душе добряком, перенять бессмысленный оскал и стремиться «грызть гранит науки».

Почему детей притягивает гадость?

Но почему детей притягивают все эти гадкие «произведения искусства»? Ведь они нравятся даже детям из интеллигентных семей, которым, казалось бы, с малых лет стараются привить хороший вкус, посеять в них семена «разумного, доброго, вечного».

Оказывается, и тут все не просто. Доктор психологических наук, проф. Л. Н. Матвеева из МГУ проводила такой опыт: молодым людям при просмотре разных фильмов давали в руки датчики с просьбой в особо интересные моменты нажимать на кнопку. Результат поразил. Зрителям было одинаково интересно смотреть и на что-то прекрасное, и на что-то ужасное. Скажем, на победившего героя, который забрался на высокую скалу и любуется великолепной панорамой, и на зрелище кровавой казни. И то и другое щекотало нервы.

Когда такая стимуляция становится привычной, человек не может без нее обходиться. Жизнь без острых ощущений кажется ему пресной. А с другой стороны, он теперь воспринимает только такую жесткую стимуляцию, будучи неспособным разобраться в более тонких чувствах, какие показываются в классических фильмах. Поэтому стимулирование жесткими стимулами секса, насилия, отвращения или садизма делается для него нормой. Все остальное уже за порогом его восприятия, как классическая музыка для профана.

Если такие изменения происходят со взрослыми, то что говорить о детях, у которых эмоциональная сфера еще толком не сформирована? Сейчас нередко можно встретить дошкольников, которые хотят смотреть только боевики или, на худой конец, «крутые» западные мультфильмы. Родители думают, что их чадо переросло отечественные мультики про Умку или Чебурашку. А в действительности оно до них не доросло. Ему не понятны даже совсем несложные взаимоотношения наших мультяшных героев. Только после специальных занятий по развитию эмоциональной сферы, научившись различать какие-то оттенки человеческих чувств, ребенок начинает понимать содержание малышовых мультиков и с упоением их смотрит. А родители с удивлением смотрят на него.

Но сколько людей под воздействием западной кинопродукции так и вырастут словно вытесанными из полена — грубыми, примитивными существами, не способными к восприятию нормальных человеческих чувств!

Особенно опасны новые технологии манипуляции сознанием для детей с тонкой психикой, повышенно чувствительных, эмоционально неустойчивых, возбудимых. Таких немало среди «кесарят», среди детей, родившихся с асфиксией или с родовыми травмами. Не способствует укреплению детской психики и стимуляция родов, и нервная обстановка, царящая сейчас во многих семьях, и многое-многое другое.

Зачем нужна реклама девиантного поведения?

Это часть идеологии современной западной цивилизации. То, что сейчас принято называть глобалистским проектом.

Глобалисты считают, что ресурсы планеты ограниченны, а людей слишком много. Поэтому их необходимо «сократить», по возможности, не прибегая к откровенному насилию. Вот тут-то и пригождается реклама девиаций. В результате часть оболваненной молодежи пойдет по кривой дорожке, и их можно будет посадить в тюрьму. Таким образом манипуляторы надеятся избежать

восстаний, предводителями которых могли бы стать храбрые, энергичные, пассионарные личности. Другая часть населения могла бы спокойно жить, воспитывать детей. Но поскольку деторождение в глобалистском мире следует ограничивать, половые извращения возводятся в ранг нормы и всячески превозносятся, чтобы «основной инстинкт» удовлетворялся без «нежелательной» беременности. Ну а третья группа людей привыкнет сидеть с открытым ртом перед экраном и будет слепо доверять телеавторитетам. Такими людьми, естественно, очень легко управлять.

Для глобалистского проекта важно сформировать у молодежи и комплекс неудачников. Иначе кому сбывать наркотики, составляющие одну из главных статей доходов творцов «прекрасного нового мира»?

Неудачник недоволен жизнью, склонен впадать в депрессию. А ему услужливо подсовывают «лекарство», ведь наркотики преподносятся как средство от этого недуга. И действительно, они позволяют на время встряхнуться. Правда, потом депрессия накатит с новой силой, но можно будет принять новую дозу — и опять встрепенуться.

Да и все три вышеперечисленные группы людей — кандидаты в наркоманы. Человек, преступающий нормы общества, глубоко несчастен. Это великолепно показал еще Достоевский в романе «Преступление и наказание». Среди гомосексуалистов и лесбиянок САМЫЙ БОЛЬШОЙ ПРОЦЕНТ НАРКОМАНОВ. А представителям третьей группы — тем, у кого капает слюна, — элементарно заморочить голову, сказав (как еще недавно говорилось в США), что наркотики — великолепное средство для усиления половой активности или для личностного роста. Наркотики постепенно становятся нормой западного общества. По статистике, до 40% мужского населения Англии, Франции, Испании, Голландии в возрасте от 16 до 25 лет пробовали наркотики. Это очень действенное оружие, своего рода дуст, которым посыпают общество, чтобы «лишние» люди как бы сами собой вымирали.

Поэтому включая своему малышу «Телепузиков» или «Покемонов», вы невольно включаете его в группу риска. Стоит ли в такой ситуации оглядываться на других, успокаивая себя тем, что они делают то же самое?

2005

«НЕ ИСКУШАЙ МЕНЯ БЕЗ НУЖДЫ…»

Еще совсем недавно казалось, что в нашей стране установлен прямо-таки директивный плюрализм. Ну буквально ни по одному вопросу не было согласия. Даже само слово «консенсус», столь модное в романтический период перестройки, слетя с высоких трибун и став достоянием масс, произносилось сперва юмористически, потом — иронически. А после октябрьских событий 93 года приобрело оттенок зловещего гротеска и, наконец, было благополучно списано в утиль.

Но, похоже, сейчас основа для будущего консенсуса опять начала вырисовываться. Самые непримиримые антагонисты: выбороссы, жириновцы, социал-демократы, коммунисты, «Женщины России» и «любители пива» единодушно осуждают разгул преступности и сходятся на том, что мерам по борьбе с ней надлежит стать решительными и неотложными.

И журналисты, эти страстные спорщики по вопросам реформы, капитализма и социализма, войны в Чечне, распада государства и проч., здесь, будто вспомнив архаический призыв интеллигенции «Возьмемся за руки, друзья!», единым журналистским фронтом выступают против «обнаглевшей криминальной мрази». Статьи, авторские телепередачи, радиоинтервью, круглые столы… И везде вопросы, звучащие с возрастающей тревогой: что делать? как погасить смертоносный пожар? Ну и конечно всех волнует молодежь, которая чем дальше, тем больше втягивается в орбиту преступного мира.

И действительно, разве это может не волновать? Нас возрастающая криминализация общества тоже очень волнует. Но мы хотим посмотреть на нее под несколько другим углом.

Пожалуй, впервые этот угол зрения обозначился для нас во время передачи на ТВ, в которую нас пригласили в качестве участников. Тема как раз была та самая: детская и молодежная преступность. И все вроде бы было правильно — люди ужасались, возмущались, выражали гнев и озабоченность, справедливо обвиняли государство и общество в бездействии, наконец, констатировали закономерность и неотвратимость роста преступности в переходный период истории. А нас не покидало чувство, что, с одной стороны, да, верно, а с другой…

Почему-то, рассуждая о криминализации общества, никто не затронул тему криминализации сознания. А это, уж если серьезно думать о причинах преступности, и есть, по нашему мнению, самое главное. Кажется, все знают, что «вначале было Слово», но, похоже, воспринимают это метафорически. А зря. Слово действительно **творит** реальность. Особенно новую. Особенно в России. Здесь вообще все

с разговоров начинается. «Процесс пошел» с первых же лет перестройки, хотя тогда еще было не очень понятно (а многим и совсем непонятно), куда он придет. Криминальная жизнь — проституция, тюрьмы, лагеря и колонии, нравы и обычаи уголовников и многое другое из этой же серии — внезапно оказалась в фокусе общественного внимания. Да, конечно, при этом преследовались наиблагороднейшие цели, главная из которых — показать наконец-то людям после стольких лет тоталитарной лжи правду жизни. Но подспудно происходило и другое. «Чернухи» было так много, что она заслонила собой остальную реальность, и стало даже казаться, что «иного не дано».

Иногда создавалось впечатление, что происходит массовый, грандиозный по своему численному охвату актерский тренинг по системе Станиславского: целой стране предлагают вжиться в образы то валютной проститутки, то воров в законе, то — в лучшем случае! — бомжей. Эти кампании волнами прокатывались по страницам газет и журналов. Собираясь за праздничным столом, вполне приличные и честные люди тратили уйму времени на обсуждение этих животрепещущих вопросов. Женщины, чуть ли не с завистью рассказывая друг другу о баснословных заработках «центровых», не стеснялись сидевших рядом, часто совсем незнакомых, мужчин. А те, в свою очередь, ужасно гордились информированностью об отличиях «сук» от «козлов» и «опущенных», и каждый старался показать, что знает больше остальных. Вот и мы, женщины, зачем-то знаем теперь эти слова, хотя, право же, не стремились их узнать. Но от них некуда было деться. Они вторгались в наши дома и головы без спроса.

Очень быстро акценты стали смещаться. Заняв центральное (или центровое?) место в средствах массовой информации, в искусстве и, соответственно, в разговорах людей, преступная жизнь начала активно — столь же активно, сколь и внедрялась, — романтизироваться. Песня «Путана» буквально трогала до слез. Песня «Поворую — перестану, я вот-вот богатым стану…», доносившаяся из каждого рыночного ларька, как-то так незаметно прилипала, что ее потом целый день хотелось мурлыкать себе под нос. Может, скоро появится завораживающая своим нежным лиризмом песня киллера?

Кроме музыки, «проживанию» уголовных ролей чрезвычайно способствовало кино. Прогремевшему на всю страну фильму «Асса», где мафиози были показаны «неоднозначно», пришли на смену другие киноленты. В них преступник откровенно превращался в романтического героя и противопоставлялся злодею-следователю. А недавно появился фильм, в котором популярнейшие киноактеры сыграли любовную страсть убийцы (артист А. Абдулов) и его следователя (артистка М. Неелова). По масштабу это можно было сравнять разве что со страстью легендарных Тристана и Изольды. Героиня ради своего возлюбленного пошла на все мыслимые и немыслимые должностные преступления и в конце концов передала уркагану оружие, из которого он при побеге перестрелял половину тюремной охраны. Но с каким же сочувствием к этим «рыцарям любви» сделан фильм!

Прибавьте к этому массу иностранных книг, фильмов, клипов с отчетливо выраженной уголовной тематикой — и картина приобретет еще большую насыщенность.

Сильно изменился за последнее десятилетие и словарь наших сограждан. Средства массовой информации, безусловно, сыграли в этом «направляющую и вдохновляющую роль». Но даже те, кто негодуют или иронизируют по поводу засорения языка, кажется, тоже не до конца осознают магическую, если не мистическую, власть слова. Хотя нельзя сказать, что культурная часть нашего общества (а журналисты, по крайней мере, формально, к ней относятся) в принципе равнодушна к вопросам лексики. Скажем, когда пятилетний ребенок приносит из сада грязные слова, родители всячески стараются его от них отучить, справедливо полагая, что вместе со словами он переймет и хулиганские манеры, и образ мыслей, и образ действий — ну, в общем, что форма и содержание неотделимы друг от друга.

Но когда речь идет о массовом сознании, эта нехитрая логика вдруг перестает работать. И если уж продолжать сравнивать с детьми, то журналисты, спешащие продемонстрировать все красоты жаргона, гораздо более уместного в устах молодежной банды, подозрительно напоминают хилых подростков, которые заискивают перед хулиганами, чтобы хоть как-то примкнуть к миру сильных.

Причем, произошла очень интересная вещь. В литературный, и даже официальный язык (ТВ, радио, печать) были вброшены десятки жаргонных слов, нередко заимствованных прямо из уголовного лексикона. А ведь в нашем языке, как, вероятно, в языке любого традиционного общества, стилистические пласты разграничены достаточно четко, и размывание их неизбежно вызывает сдвиги в общественном сознании. Собственно говоря, мы это сегодня и наблюдаем. Что происходит, когда на страницах газет изо дня в день появляются слова типа: «тусовка», «кусок», «лимон», «наезд», «наскок», «попса», «голубой», «коммуняки», «совок», «задолбать», «опустить», «замочить», «зачистить», «оттянуться», «кинуть», «кидала», «мокруха», «мокряк», «урла», «зелень», «баксы», «капуста», «впарить»? Или когда дикторы «Новостей» и даже президент страны говорят про «разборки в правительстве»? — А происходит приучение. Люди вообще склонны подражать образцам. Дикторы, ведущие радио и телевидения — это традиционные образцы для подражания. Раньше язык пьяного или хулигана из подворотни не просто отличался, а резко контрастировал с языком журналистов. Теперь же

большой разницы не наблюдается. А выглядит диктор все так же респектабельно, как и раньше. И социальное положение занимает весьма завидное. Следовательно, не он опускается до ненормативной лексики, а она поднимается до нормы. Даже выше — до самого Олимпа! И все население огромной страны оказывается приобщенным к тайному языку воровской «малины» (ведь жаргон и выдуман для того, чтобы чужой «не просочился»!). Заполучая слова-пароли, все общество, пускай мысленно, но включается в эту тайную жизнь. Соответственно, границы «малины» расширяются. Сначала в умах, а потом и на деле.

Это с одной стороны. С другой же, литературные и всем понятные русские слова, обозначающие различные безобразия, заменяются иностранными. Вымогательство — «рэкет», убийца — «киллер», шлюха — «путана», спекулянт — «бизнесмен», «специалист по маркетингу» или «маршан», преступная банда — «мафия», «мафиозные кланы», «структуры» и даже «криминалитет» (почти «генералитет»!). При этом удается убить двух зайцев: негативный оттенок, присутствующий в знакомом, привычном слове, снимается, а параллельно возникает оттенок чего-то далекого, заморского, с налетом романтики.

Разумеется, мы не сводим все только к алхимии слова. Да, бытие тоже многое определяет. И оно основательно сдвинулось в сторону уголовщины. Торговля никогда не была наичестнейшей из профессий. И когда в стране вдруг столько народу начинает торговать, воздух, естественно, меняется. Но об этом и о многих других, вполне материальных причинах роста преступности, достаточно написано и без нас. Как и о том, что когда глава государства одним росчерком пера отменяет конституцию, а затем происходит расстрел безоружных людей в центре города и его показывают по ТВ, то разговоры о законности и правопорядке приобретают до неприличия фарсовый характер. (Об этом неохота писать еще и потому, что теперь об октябрьском беззаконии кричат все, кому не лень, в том числе и те, кто совсем недавно требовал «раздавить гадину» и «укрепить руку»).

Мы лучше поговорим о другом. Ну допустим, два-три года назад еще не все понимали, в какую криминальную реальность вырулит «возрожденная Россия». Но сейчас, когда в одной только Москве одних только заказных убийств происходит в среднем по три в день, всем, кажется, все ясно. И что? Сделаны хоть какие-то попытки это изменить? Да, конечно, ужесточение законов, контроль за их выполнением, борьба с коррупцией и т. п. — насущно необходимы. Но, может, все-таки, «не худо на себя, кума, оборотиться»? Может, журналистам, которые, повторяем, внесли весьма ощутимую лепту в криминализацию массового сознания, стоит поменять наконец тональность общения с читателями, со зрителями — в общем, с людьми?

А то открываешь газету «Комсомольская правда» (субботний выпуск 5-6 марта 1995 г.), которая вроде бы всегда считалась и до сих пор считается массовой молодежной газетой. И думаешь: «А для кого она на самом деле?»

Ну, три первые страницы целиком посвящены убийству Владислава Листьева: «Убийство — страшное слово из восьми букв», «Обнаглевшая криминальная мразь снова расстреляла нас в упор», «Экстрасенс обрисовал подонков», «Нас всех расстреляли в родном подъезде между первым и вторым этажом»… Это вполне понятно — ведь он погиб 1 марта, и субботний выпуск, так сказать, «по свежим следам».

Но чему же посвящены остальные двадцать страниц? Около четверти всего объема составляют реклама, кроссворд и недельная телепрограмма. Большая статья на целую страницу под выразительным заголовком «Долг грабежом красен». Выразительна врезка: «Половина России сегодня кому-то что-то должна. А другая половина вытряхивает долги с помощью бандитов — „санитаров рынка“.

Может быть, мы живем в иной России? У нас очень много друзей, приятелей, знакомых. Это люди самых разных профессий: психологи, врачи, парикмахеры, учителя, актеры, художники, переводчики, военные, научные сотрудники, журналисты, слесари-сантехники, библиотекари, автомеханики, композиторы, портные, студенты, пенсионеры. Да, кто-то из них потерял деньги, вложив их в «Чару» или «Тибет». Но никто ничего не «вытряхивает», а если и должны кому-то из своих друзей (естественно, отнюдь не 15 тыс. долларов, как «бывший нищий инженер», а ныне «крутой бизнесмен Валерка», герой статьи), то отдают добровольно и даже до сих пор обходятся без расписки. В провинции таких людей, наверно, тоже большинство. Так значит, они что, не входят в число граждан России? Они — лица без гражданства?

И вроде бы мотив написания статьи автор объясняет финальной фразой: «Признаюсь, никто еще так убедительно не доказывал мне, что лучше жить бедно, но честно». (Хотя тоже непонятно, почему только такой каскад «ужастиков» должен приводить интеллигентного человека к выводу, который для нашей культуры аксиоматичен?) Но по сути этот материал знакомит читателя с реалиями уголовного мира. А для желающих это просто инструкция к употреблению: как, например, «раздеть» какую-нибудь фирму или «выколотить» деньги из водителя на дороге. Цитируем: «На старом, побитом драндулете искатели приключений колесят по любой главной дороге, приглядывая жертву посолиднее, но без крутизны, выруливающую с дороги второстепенной и по правилам дорожного движения обязанной их

пропустить. Но тут провокатор слегка притормаживает и кивком показывает водителю приглянувшегося авто: мол, проезжай, пропускаю. Тот поддает газу, и в это время поддает газу и побитый драндулет, со всего маху ударяя противника… Из драндулета выходят накачанные ребята… и т. д. и т. п.» Скажите, если это не инструкция, то что же?

Очень интересны советы, которые даются читателю устами «разводящего» в теневой мафии (тоже из бывших инженеров!) без какого-либо комментария журналиста: «Если накаты продолжаются, лучше всего поискать знакомых среди местных авторитетов и попытаться договориться на толковище… В милицию, как правило, обращаться бесполезно: милиционера к тебе все равно не приставят, а доказать угрозы очень трудно…» Все. Круг замкнулся. Даже если захочешь, не поживешь бедно, но честно. Все дороги ведут в Рим, то есть в уголовную среду.

Впечатляют и другие откровения героя статьи: «Своих занятий я не стыжусь, потому что мы просто делаем за государство его работу… Мы — „санитары рынка“… Иногда представители старой доброй уголовки (речь идет о взыскивании долгов внутри криминальных структур — *прим. авт.*) работают «разводящими» — своего рода народными судьями…»

Так определитесь же наконец, господа журналисты! О ком идет речь? О «криминальной мрази», «подонках» или о «санитарах рынка», к которым можно прийти за советом и помощью? А может, все определяется тем, наш ли это сукин сын или чужой? Что ж, такую диалектическую логику мафия бы одобрила. Она тоже кому лютый враг, а кому мать родная.

Но пойдем дальше. Достаточно много места в номере отведено, говоря культурно, вопросам пола: «Роды у беременного юноши прошли благополучно», «В Мексике детям показывают живых сперматозоидов», «Любой мужчина способен заселить своим потомством всю землю», «У культуристов грудь колесом… А у лесбиянок попка орешком». К последним двум материалам прилагаются весьма выразительные фотографии, на одной из которых изображены лапающие друг друга женщины. И подпись: «А тут девчонки с ласковыми руками».

Вы скажете: «Причем здесь криминализация сознания и рост преступности? Это же не насилие, а секс. Дело молодое… Как раз для молодежной газеты?»

А вы никогда не задумывались, почему уже очень давно существует клише «секс и насилие»? Почему так много говорят о сексуальной природе агрессии и агрессивном сексе? Почему садизм (патологическая агрессия и наслаждение агрессора страданиями жертвы) числится в реестре сексуальных извращений?

Для русского психиатра В. П. Кащенко (да и не только для него) это соседство, а вернее**, единство** уже около ста лет назад было совершенно очевидным. Давая характеристику детям с асоциальным поведением, профессор Кащенко указывал, с одной стороны, на жестокость и разрушительные наклонности, а с другой, — на повышенный интерес к вопросам пола и сексуальную распущенность. Эти признаки стояли в одном ряду, представляя собой синдром, то есть набор симптомов, которые существуют в комплексе и находятся в неразрывном единстве.

По меньшей мере, наивно думать, что, раскрепощая в человеке низы, можно делать это избирательно: пробуждать одно и оставлять спящим другое. Дескать, эрос в нас воссияет, но при этом мы будем кроткими, как агнцы. И уж совсем не умно играть в эти игры с молодежью, которая и так отличается повышенной витальностью, повышенной температурой крови. Ее полезно остужать, а не подогревать.

Кто знает, в чем кроется причина бурного роста мировой преступности в XX веке? Уж не виной ли тому «благая весть» Зигмунда Фрейда, ставшая столь популярной и взятая на вооружение отнюдь не только психиатрией, но и всей культурой Запада? Мы подозреваем тут теснейшую взаимосвязь.

Снова вернемся к газете. На чем же может остановить глаз читатель, которому материалы про «секс и насилие» неинтересны (а таких, представьте себе, немало даже среди молодежи)? Есть заметки про звезд эстрады, спорт, интервью с Кашпировским под названием «Сын от Кашпировского», интервью с ведущей «Вестей» Т. Худобиной под еще более выразительным названием «Люблю водить машину и стрелять», статья о награждении «Оскарами», в которой автор, между прочим, заявляет: «Не знаю, как вы, но я, когда речь заходит об „Оскарах“, первым делом смотрю в низ списка, где стоят названия фильмов, выдвинутых за лучшие видеоэффекты. Ведь, как правило, именно эти фильмы нравятся тем, кто предпочитает „крутой экшн“. (Невольно вспоминается фраза из старого непристойного анекдота: „А я завсегда О НЕЙ думаю“).

Ну а что все-таки почитать тем, кто не любит «крутой экшн», не хочет «заряжаться» от Кашпировского, у кого интересы не сводятся к жизни знаменитостей? О, для них в газете есть целая статья! — «Давний, хороший друг», о Сетон-Томпсоне. (Одна страница из двадцати четырех. Негусто…)

А где же обычная, **нормальная** жизнь, которой, слава Богу, вопреки уверениям прессы, до сих пор живет большая часть страны? Мы, например, довольно много общаемся с молодежью и знаем, что

она занимается самыми разными вещами: учится, работает (отнюдь не только в ларьках!), ходит в театры и в походы, кто-то ухаживает за младшими братьями и сестрами или за престарелыми родственниками, а кто-то за символические деньги возится с детьми-инвалидами (к примеру, катает их на лошадях — это называется «иппотерапия»). Множество молодых людей бегают на разные умные семинары, читают серьезную литературу, беседуют о смысле жизни, влюбляются (и при этом не озабочены техникой секса). Есть такие, которые — представьте себе! — ночуют в лаборатории, потому что не могут оставить эксперимент, есть молодежь, для которой вера в Бога — это не мода и не психоз, а основа жизни…

Да, для них есть материал о том, как печь блины. С симптоматичным юмором в подзаголовке: «Масленица: блин да мед» (не путать с «Бленд-а-медом»). Вот образчик текста: «Купите муки, дрожжей, поставьте опару, потешьте уставшие в общественных столовках желудки своих мужей и детей. Души их потешьте…»

Не слишком ли мало для души, выросшей в России, где между душой и желудком никогда не стояло знака равенства, а наоборот — одно другому противопоставлялось? И желудок-то в подобном контексте принято было стыдливо заменять для благозвучия архаичным словом «утроба».

Если уж говорить об этом серьезно, то большинство граждан России, опомнившись от шока, включилось в кампанию гражданского неповиновения. Да, здесь это выглядит по-другому, чем на Западе. Но здесь и вся жизнь другая. Здесь люди даже при очень большом повышении цен, наверно, все равно будут платить за газ и электричество. Но зато они не хотят и, судя по тому, как развиваются в последнее время события, не будут жить по чужим образцам. Иначе как гражданским неповиновением не объяснить то, что еще столько людей работает за мизерную зарплату в школах, детских садах, больницах, на почте, на заводах, в КБ и НИИ. В другой стране они, скорее всего, давным-давно бы разбежались, став брокерами, дилерами и прочими риэлторами, благо эти вакансии сейчас имеются в избытке. Еще два года назад многим казалось, что они просто неспособны вписаться в рынок. И это осознавалось как некая ущербность. А сейчас все потихоньку встает на место (в головах, разумеется!). И все чаще и чаще слышишь фразы, произносимые без малейшего самоуничижительного оттенка, а, напротив, с чувством собственного достоинства: «Нет, бизнес — это не для меня. Лучше я буду копейки получать, зато на работу ходить не противно… Если все торговать пойдут, кто детей учить будет?.. и т. п.»

То есть налицо осознанный выбор. И это выбор очень нелегкий, требующий отказа от материальных благ во имя более высокой цели. Да-да, жизнь вроде новая, а выбор старый, традиционный. Для России, наверно, — и слава Богу! — вечный.

Отражено это на страницах рассматриваемой нами газеты? — Ни единым словом. А между тем, как мы уже отметили, молодежь не поголовно занимается бизнесом. Гуманитарные вузы и педучилища отнюдь не пустуют. Да и естественные факультеты не позакрывались. И учатся там вовсе не жалкие недотыкомки, а вполне полноценные люди. В средствах же массовой информации о них упоминается в лучшем случае с оттенком сострадания, дескать, как вы, бедные, жить-то будете в **нашей** реальности. Как будто речь идет не о большинстве, которое, в конечном итоге, и будет определять реальность, а о горстке прокаженных, изолированно живущих в лепрозории!

Но это, повторяем, в лучшем случае. А как правило, читатель (да и зритель), особенно молодой, всеми возможными способами втягивается в орбиту «настоящей», «крутой» жизни. Не будем далеко ходить за примером, вспомним телепередачу, о которой мы упомянули в начале статьи. О чем журналисты беседовали со школьниками старших классов? Вокруг чего вертелся разговор? Да все вокруг того же: деньги и секс. Неужели больше не о чем спросить подрастающее поколение? Ведь это не у детей не было других ответов, а у журналистов не нашлось других вопросов. Даже юную потаскуху из подземного перехода на Пушкинской площади можно было спросить не о том, имеет ли она возможность посещать шикарный ночной клуб, куда подъезжают молодые люди на «Мерседесах». Это не значит, что ей надо было задавать вопросы про музеи и вечера поэзии. Но ведь между этими двумя полюсами еще очень и очень много градаций. Зачем же своими вопросами фактически подталкивать дешевую проститутку стать дорогой?

И вот что еще очень важно. Быть может, те, кто читал нашу «Книгу для трудных родителей» или отрывки из нее, помнят, какое особое значение мы придаем национально-культурному архетипу, то есть глубинным основам характера и поведения человека, принадлежащего к той или иной культуре. Можно это называть родовой памятью, а можно вслед за Карлом Густавом Юнгом — «коллективным бессознательным». Так вот: то, что произошло за последние годы с феноменом «крутости», служит наглядным доказательством реальности национально-культурного архетипа. В начале перестройки крутые парни начали входить в нашу жизнь вроде бы со знаком «плюс»: герои Шварценеггера, культуристы, модели конкурсов мужской красоты… Но довольно быстро в массовом сознании понятие «крутой» скатилось в криминальную зону, стало атрибутом и достоинством уголовного мира, то есть

для нормальных людей знак «плюс» поменялся на «минус». Странно ли это? Если учитывать архетипические особенности нашей культуры — ничуть. Кто в русском фольклоре «крутой»? Иванушка-дурачок? Иван-царевич? Или, может, три богатыря — Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович, которые, казалось бы, уже по определению способны все на своем пути сокрушить и любого в порошок стереть? Нет, и они не «крутые». Они какие-то другие. Сильные, мощные, но не «крутые». Доброта, великодушие, а главное, мудрая кротость, несмотря на созвучие, никак не входят в понятие «крутости».

И все-таки «крутой» герой в нашем фольклоре тоже имеется. Это… Соловей-разбойник, «пахан» былинного мира. У него даже посвист «крутой»! Вот они, глубинные истоки криминализации понятия «крутой» в условиях русской культуры. У других же народов, например, кавказских, с их культом джигитов, вовсе не обязательно такое «соскальзывание» «крутости» в субкультуру.

Если раскапывать дальше, то окажется, что негативный смысл понятия «крутой» обусловлен у нас чисто лингвистически. Откроем словарь Даля. Разумеется, мы не найдем там современного значения слова «крутой». Но подавляющее большинство разнообразных значений с корнем «крут» имеет выраженный негативный оттенок: «крученый человек» — горячий, вспыльчивый, бешеный, взбалмошный, ветреный; «окрутить» — женить (с оттенком насилия); «крутой мороз» — жестокий, сильный; «крутой нрав» — упорный, настойчивый, неуступчивый; «крутой ветер» — противный; «крутень» — человек нетерпеливый, скорый, торопыга; «круто взял — не туда попал» и т. п.

Нам скажут, что все это дебри, в которые незачем углубляться. Народ любит «жареное», а представители второй древнейшей профессии любят пользоваться успехом у народа. В конце концов, такой успех — неотъемлемая часть их профессии. Посмотрите, скажут нам, что чаще всего читают люди в транспорте! — «Московский комсомолец», «Частную жизнь», «Женские дела»… Чем круче, тем больше читают, тем больше смотрят.

Но, следуя подобной логике, стоит, пожалуй, возродить публичные казни и гладиаторские бои. На такие зрелища сбегался обычно весь город. Детишки, правда, плакали, по ночам писались и видели кошмары, но ко взрослому возрасту привыкали и уже приводили поглазеть на смертную казнь своих детей. Вид натуральной, а не «экранной» крови очень даже бодрит и пробуждает чувственность (у тех, кто не лишается чувств). Глядишь, и рождаемость бы повысилась…

И все же рекомендуем почаще вспоминать начало известного романса: «Не искушай меня без нужды…» и стараться предвидеть последствия своих поступков — а в данном случае слово тождественно поступку! — хотя бы на два-три шага вперед. Тем более, что тут и предвидеть-то несложно, тут, если вспомнить еще одну известную цитату, «**дано** предугадать, как слово наше отзовется».

Оно неизбежно отзовется очередным выстрелом «между первым и вторым этажом», как произошло с В. Листьевым. Или еще где-нибудь — география может варьироваться.

1995

НАСЛЕДНИКИ СВИДРИГАЙЛОВА
И. Медведева

Сегодня можно смело говорить о целой медиа-империи для детей и подростков. Причем империя эта вполне могла бы принадлежать печально известному господину Свидригайлову из «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского. Не хочется тратить газетные строки на цитаты из журналов «Cool», «Cool-girl», «Yes», «Вот так!», «Ровесник» и других. Думаю, большинство понимает, о чем идет речь. Скажу только, что против издателей журналов «Cool» и «Cool-girl» московской прокуратурой возбуждено уголовное дело по ст. 242 УК РФ («Порнография»). Содержится ли в данных журналах мягкая порнография и чем она принципиально отличается от жесткой эротики, судить компетентным экспертам. А мы можем лишь констатировать весьма плачевное состояние нашего общества, если откровенное развращение детей при помощи журнальных текстов, в которых рассказывается, как лишиться невинности и как заниматься онанизмом, чем хороша лесбийская любовь, а чем групповая, снабженных соответствующими иллюстрациями (в том числе фотографиями юных пар в позах) — теперь нуждается в долгом судебном разбирательстве и многостраничных научных экспертизах за подписями профессоров и академиков.

В общем, на вопрос «кто виноват» и виноват ли, рано или поздно ответит прокуратура. Но школьный учитель, хотя бы раз державший в руках какое-то из перечисленных (или похожих) изданий, наверняка содрогнулся от ужаса и прежде всего подумал: «Что делать?»

Постараюсь дать какие-то советы.

Во-первых, зная психологию предподросткового и подросткового возраста, не стоит говорить

детям, что знания о мастурбации и оральном сексе для них преждевременны. Это вызовет обратную реакцию. Зато очень полезно, на мой взгляд, без пафоса, спокойно, с презрительно-брезгливой усмешкой заметить, что такие журналы издают для дебилов, для одноклеточных, для горилл, для тупых, примитивных людей и т. п. (тут можно не особенно стесняться в выражениях). Нормальным же людям противно и унизительно, когда их держат за зверюшек. По моим наблюдениям, эти аргументы действуют неплохо.

Во-вторых, классному руководителю совершенно необходимо предупреждать родителей о недопустимости появления в доме такого чтива, ведь родителям далеко не всегда приходит в голову заглянуть в журнал, который читает их сын или дочь. И действительно, когда они сами были детьми, их родители могли позволить себе роскошь не интересоваться содержанием журналов «Мурзилка», «Пионер» или «Юный натуралист». Так что у них сложились стереотипы, которые не позволяют им ассоциировать детско-подростковую периодику с угрозой нравственному, психическому и физическому здоровью ребенка (да-да, ребенка, даже если ему 12-13 лет. В Международной конвенции о правах ребенка, которую Россия среди прочих стран подписала, детством считается возраст до 18 лет включительно). Причем полезно пояснить, что очень часто всякая похабщина в журналах типа «Cool» содержится вовсе не на первых страницах. На первых же страницах могут быть материалы о популярных в молодежной среде рок-группах и рок-звездах. Это чтобы привлечь внимание юных читателей, с одной стороны, и чтобы усыпить бдительность взрослых, с другой.

Есть такой уголовно наказуемый вид сексопатологии, называется «педофилия» — сексуальное влечение к малолеткам. Можно подумать, что в редакциях «игривых» подростковых журналов работают не просто люди, готовые на все ради денег, а склонные к данному виду патологии. Если у кого-то из родителей появятся сомнения, дескать, при чем здесь патология, в наше время школьникам все-таки нужно сообщать элементарные знания в области секса, — не поленитесь, покажите таким благомыслам, как именно выглядят на страницах данных журналов «элементарные знания». И спросите, как сложилась бы их судьба, если бы в отроческо-подростковом возрасте их подобным образом просвещала «Пионерская правда» или журнал «Юность». Смогли бы они испытать впоследствии восторги и муки первой любви? Возвышенно любить мужа, жену? Быть готовым к самопожертвованию ради любимого человека? Уважать своих родителей, наконец? Ведь эти журналы учат плевать на родителей! В журнале «Cool» даже есть такая рубрика: «Когда родителей нет дома».

А знаете, я вдруг подумала, что небрежной метафорой в начале статьи оскорбила господина Свидригайлова. Он, совратив одного ребенка, потом всю жизнь страдал от своего злодеяния и в конце концов даже наложил на себя руки. А сегодняшние медиа-паскудники развращают миллионы детей (тиражи у этих журналов огромные!) и при этом издевательски уверяют опешивших взрослых, что вовсе не развращают, а просвещают. Благое дело делают!

Нет, они мало похожи на несчастного Свидригайлова. Скорее, на омерзительных пауков — призраков его истерзанной совести.

P. S. Написав статью, я проконсультировалась с опытным юристом Л. О. Павловой. Вот что она попросила добавить.

Беседуя с родителями о защите детей от развращающей их печатной информации, примером каковой безусловно являются описанные выше журналы, педагогу уместно ссылаться на такие юридические документы, как «Семейный кодекс РФ», ст. 63 которого в пункте 1 гласит: «Родители имеют право и обязаны воспитывать своих детей. Родители несут ответственность за воспитание и развитие свих детей. Они обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей». «Следует также сообщить родителям о возможности обратиться с жалобой в районный суд или в прокуратуру, ссылаясь на ст. 135 („Развратные действия“) и уже упомянутую выше ст. 242 („Незаконное распространение порнографических материалов или предметов“) УК РФ.

2000

ЕЩЕ НЕМНОГО О «ГРЯДУЩЕМ ХАМЕ»
Т. Шишова

Выражение, использованное в названии статьи, принадлежит писателю Дмитрию Мережковскому. Так называется одна из его книг, изданных в начале века. После революции образ «пригредшего» хама стал весьма популярен. Это лейтмотив творчества М. Зощенко, И. Ильфа и Е. Петрова, А. Райкина. Образы выписывались сочные и довольно разнообразные, но при этом их объединяло одно: насмешливое отношение автора к своим персонажам. Никому не приходило в голову превозносить Эллочку Людоедку и делать ее образцом для подражания.

В наши дни образ хама снова сделался актуальным. Только теперь хамло называется «крутым» и чувствует себя хозяином жизни. А потому вызывает кое у кого зависть. Лексикон современной Эллочки по-прежнему жалок, но зато теперь у нее есть загородный особняк, иностранный автомобиль и прочие атрибуты «красивой» жизни. А блеск шикарных вещей затмевает для многих внутреннее убожество «крутяков».

Нет, в целом, конечно, русская культура в который раз отторгла этот идеал. «Крутые» стали не героями нашего времени, а персонажами анекдотов. Очень показательно, что большую часть анекдотов, появившихся у нас в последние годы, составляют анекдоты про «новых русских». Народ определенно выразил свое отношение к этому образу, который власть имущим так и не удалось водрузить на пьедестал. Хотя попытки предпринимались неоднократно.

Удалось другое. Множество людей под влиянием пропаганды, идущей через разнообразные каналы (в основном, через средства массовой информации), мягко говоря, опростилось. Лексикон их, правда, пока побогаче Эллочкиного, но по стилистике уже отличается мало. «Впарить», «наехать», «тусовка», «блин», «менты», «зачистка», «баксы», «мочить в сортире»… Подобные слова звучат на самых разных уровнях вплоть до президентского и многим уже не режут слух, кажутся вполне нормальными. А ведь это заимствовано из воровского жаргона — из языка тех самых «крутых».

Глубокоуважаемый мент

— Подумаешь! — отмахнется кто-нибудь. — Мало ли как люди выражаются?! Русский язык вообще очень богатый, один из самых богатых в мире. Разве все, кто говорят «менты», стали уголовниками?

Нет. Пока еще нет. Но, сами того не подозревая, они уже **встали на сторону уголовников**. Ведь слово «менты» (как и все прочие жаргонные слова) отнюдь не нейтрально. Оно очень даже эмоционально заряжено. В данном случае — презрением и ненавистью. И человек, который его повторяет, будет невольно перенимать это отношение к милиции. «Мент» — враг. «Мента» нельзя уважать. А тут вдобавок столько «ментов» действительно ведут себя недостойно, и газеты, не жалея красок, расписывают их продажность. Человек читает, убеждается в правоте своих слов и начинает потихоньку оправдывать нарушения закона. Раз «менты» поганые, то и законы, на страже которых они стоят, немногим лучше. А коли так, то с какой стати их соблюдать? Тем более что сами «менты» их сплошь и рядом не соблюдают. Так уголовная психология понемногу укореняется в обществе.

Язык — это не только слова, не только грамматические конструкции, но и весь строй мыслей. Недаром слово «язык» обозначает еще и «народ». (Помните, у Пушкина? «И назовет меня всяк сущий в ней язык: и гордый внук славян, и финн, и ныне дикой тунгус, и друг степей калмык…»)

Что значит «строй мыслей»? — А то, что за каждым словом языка таится широкий спектр различных понятий, образов, связей, ассоциаций. Скажем, за словом «дом» для русских скрываются одни образы, а для индейцев — другие. Хотя в чем-то они будут похожи, поскольку обозначают жилище. Овладевая новым языком, человек хотя бы в какой-то мере усваивает и новое мышление, новую психологию. Иначе он будет механически, как попугай, повторять какие-то фразы, но не сможет по-настоящему понимать собеседников и будет попадать в нелепые ситуации.

О том, как вредно кидаться блинами

Теперь давайте посмотрим, какие ассоциации вызывает слово «крутой». Раскроем словарь Даля. С одной стороны, «крутить» это «начальствовать в доме или деле». А с другой, «крутой», «крученый» означает «горячий, вспыльчивый, бешеный, взбалмошный, ветреный, разгульный, жестокий, упорный, неуступчивый». Еще есть значение «бить» («его бьет боль»), и «извиваться» («крученая нитка», «крученый», то есть изломанный, противоречивый человек). А еще — это я уже добавлю от себя — «крутить» значит «лгать» («не крути, говори прямо!») и «отводить от добра, от истины» («бес крутит»).

Как вам такой характер? Хочется иметь такого ребенка?

Если нет, то тщательно следите за речью. И детской, и своей. Это не пустяки, это очень серьезно! Поколение интеллигенции, которому сейчас около 70, практически не позволяло себе жаргонных выражений в присутствии детей. Делалось это намеренно, чтобы не подавать им плохого примера. Хотя тогда такой опасности криминализации, как сейчас, конечно же, не было.

А какой скандал поднимался дома, если подросток приносил из школы вполне невинное, по нынешним меркам, словечко типа «понт» или «лажа»! (Я долго вспоминала какие-то другие молодежные жаргонизмы, бытовавшие в пору моей юности, и смогла вспомнить лишь несколько. Пальцев одной руки вполне хватит — настолько их было мало.)

Теперь же дети в присутствии родителей и учителей через каждые два слова говорят «блин», а

взрослые этого даже не замечают. Хотя «блин» — чуть более пристойный синоним общеизвестного матерного ругательства.

А сколько раз мы слышали на занятиях от милых второклассниц, учащихся в престижных гимназиях, занимающихся в музыкальной школе или студии эстетического развития, что учителя на них «наезжают»! А молодые мамы, сидевшие рядом с дочками, никак на это не реагировали, потому что подобные выражения были у них тоже в ходу.

В отличие от маленьких детей, которым совершенно не нужно сообщать смысл ругательств, подхваченных в детском садике, подросткам бывает полезно растолковать, что на самом деле они произносят (особенно «кидаясь блинами»), в какой среде бытуют такие выражения и как культурные люди относятся к носителям воровского языка. При этом лучше избегать иностранных слов, которые не несут для нас нравственной нагрузки, затуманивают, а то и романтизируют смысл понятий. Выражайтесь предельно ясно: не «криминальный», а «преступный», не «маргиналы», а «бомжи» и «алкоголики», «подонки общества».

Скажи мне, что ты читаешь, и я скажу, как ведет себя твой ребенок

В последние годы мы ввели в анкету для родителей, которую те заполняют, приходя на консультацию, вопрос «Какую прессу читают в вашей семье?» И всякий раз очень расстраиваемся, обнаруживая названия «желтых» изданий. Не то, чтобы это встречалось сплошь и рядом, но увы, гораздо чаще, чем хотелось бы.

А недавно моя дочь видела в метро: интеллигентный с виду мужчина читал «Спид-инфо». Рядом сидели его дети: девочка лет пятнадцати и мальчик года на два моложе. Дочитав газету, отец передал ее ребятам. Что на это скажешь? Отец сам, своими руками дает детям яд, а потом, когда детский организм будет духовно отравлен, начнет винить правительство, школу, жену, плохих одноклассников. Кого угодно, только не себя.

Часто говорят: «Да наш ребенок не читает эти газеты и журналы! Его и по школьной-то программе ничего не заставишь прочесть».

Но даже если и так, одних похабных заголовков и фотографий вполне достаточно. После соприкосновения с подобной грязью и взрослому-то с непривычки хочется помыть руки. А тут ребенок, гораздо более уязвимый, с неокрепшей психикой! Ничего удивительного, что в таких семьях дети становятся черствыми, циничными, выходят из-под родительского контроля. Как они могут уважать родителей, превращающих дом в бордель? (Пусть не в физическом, а в духовном смысле, это не суть важно.)

Ведь дети, даже самые с виду «крутые», в глубине души очень стыдливы. Мы в этом убеждаемся всякий раз, когда нам приходится заниматься с группой младших подростков (11-13 лет). Кажется, они столько всего знают об изнанке жизни, а потом показываешь им на ширме кукольного театра невиннейшую сцену: как принц и фея говорят, что они пойдут под венец, и ребята от застенчивости начинают хихикать.

А недавно, работая со старшими подростками (14-19 лет, причем не с обычными, а с подростками с асоциальным, отклоняющимся поведением!), мы попросили их написать, какими, по их мнению, качествами должны обладать идеальные мужчины и женщины. Насчет мужчин никаких проблем не возникло, но зато просьба описать идеальную женщину вызвала замешательство. Мальчишки, из которых, в основном, состояла группа, были ужасно смущены. А один наотрез отказался выполнить задание, мотивируя свой отказ тем, что «это слишком личное». Вот вам и «крутяки».

А теперь представьте себе, что творится с ребенком, когда он видит похабщину, не написанную хулиганом на заборе, а **принесенную в дом папой или мамой**. Какой страшный конфликт разгорается в его душе. С одной стороны, неприятие, поскольку оскорбляется природная стыдливость ребенка. С другой, любопытство, ведь информация, которой напичкана «желтая» пресса, отнюдь не нейтральна. Она распаляет в человеке чувственность, растормаживает низы. А с третьей стороны, каково в этой ситуации положение родителей? Если бы ребенку показал похабщину на улице кто-то чужой, он был знал, как на это реагировать: его с детства учили, что это опустившиеся типы, которых надо презирать и остерегаться. А тут — родные, причем самые близкие, авторитетные.

Что происходит с человеком, когда груз переживаний становится для него непосильным? Чаще всего он старается от них отгородиться, или у него случится психический срыв. Так и ребенок, защищая свою психику, отгораживается от всего этого кошмара внешним равнодушием, черствостью, цинизмом. Что, разумеется, не может не отразиться на поведении. Его бы еще в публичный дом привели, а потом изумлялись снижению школьной успеваемости.

Недавно к нам обратились родители четырнадцатилетнего парня. Жалобы распространенные: поведение хуже некуда, уроки прогуливает, успеваемость на нуле, учителям хамит, с ребятами

конфликтует. Дошло до того, что одноклассники попросили учительницу убрать Мишу из класса (такое бывает крайне редко, это надо было их очень сильно довести!). Парень при этом способный, но в 12 лет вдруг резко изменился, перестал интересоваться чем-либо, кроме компьютерных игр и рок-музыки. А главное, утратил всяческое уважение к родителям.

Постепенно выяснилось, что два года назад, когда Мише исполнилось двенадцать лет, отец сменил работу, перекочевав из НИИ в торговую фирму. Мало-помалу его интересы и жизненные установки начали меняться: начальники были «крутыми», и Мишин отец старался им соответствовать. Изменилась его речь: в ней появилась масса жаргонных, «блатных» словечек. Место книг занял журнал «Плэйбой». В эту орбиту втянулись и остальные члены семьи. Мать, которая раньше любила ходить в театр, теперь занималась, в основном, обустройством квартиры (благо появились деньги). А нехватку духовной пищи восполняла ежедневным просмотром телесериалов и викторин. Сестра, которая была на три года старше Миши, училась неплохо, но все свободное время проводила с мальчиками. Мать тешила себя мыслью, что они просто дружат. Но судя по Вериным «учителям жизни» — журналам «Cool» и «Cool-girl» — дело вряд ли обстояло настолько невинно. Для иллюстрации приведу всего лишь несколько тем, которые подробно освещались в этих подростковых изданиях в 1997-1999 годах: сексуальные извращения как норма поведения (детям внушается: «Сейчас вообще все грани нормы и патологии стерты», № 5, 1998), так называемые любовные игры, зоофилия («секс без любви „с курицей“ быстро надоедает», № 15, 1998), групповой секс, садомазохизм, рекомендации по аборту и контрацепции. Журналы буквально нашпигованы «клубничкой». Тут и анекдоты, посвященные сексуальным отношениям, участниками которых являются дети, и подробности из интимной жизни поп-звезд. И публикации, умаляющие авторитет и достоинство родителей («Мать достала», «Отец — подонок», «Родителям не обязательно знать все»). Непристойные тесты, письма подростков и ответы «специалистов», от которых волосы встают дыбом. Сейчас, когда журналами заинтересовалась прокуратура, они стали немножко сдержанней, но в целом идеология сохранилась.

Миша порнографией не увлекался. (Хотя мне не верится, что он ни разу не раскрыл ни один из красочных журналов, валявшихся где попало.) Он просто отторг все скопом, всю эту пошлую жизнь вместе со школой и родителями. А затем, не в силах справиться со своими переживаниями и не имея никаких других авторитетов, к которым он мог бы обратиться за поддержкой, подросток начал одурманивать себя рок-музыкой и компьютерными убийствами. Картина вполне типичная для нашего времени.

Но ведь, если разобраться, отец пожал то, что посеял. Он хотел быть «крутым» — и получил «крутого» сына. А «крутым» не нужны пятерки. И на школьную дисциплину они плюют, потому что слушаться учителей — это «не круто». Просто отец стал «крутым» в сорок лет, а потому успел нормально отучиться в школе и получить высшее образование. Сыну же он передал эстафету гораздо раньше, со всеми вытекающими из этого «прелестями».

Вообще, мне кажется, многие беды случаются оттого, что далеко не у всех людей хорошо развито воображение. Они не умеют объемно представить себе последствия своих поступков и не любят додумывать до конца. Им, как детям, хочется отгородиться от неприятных переживаний.

Мужик с седьмого этажа вылетел — и даже не чирикнул

Помимо очевидного вреда (пробуждение недетских интересов, близкое знакомство с патологией, погружение в преступную стихию и проч.), бульварная пресса таит в себе и другие, не столь заметные опасности. Тон публикаций там обычно ернический, разухабистый, «крутой». Делается это специально, чтобы смягчить шокирующее впечатление и ослабить психологическую защиту читателей, ведь смешное уже не кажется нам запредельно страшным. Наглядная иллюстрация этого — цитата из одной такой публикации, вынесенная в подзаголовок.

Те же «крутые» интонации часто звучат и в рекламе. «Оттянись!», «Оторвись с друзьями!» — призывают с рекламных щитов юные оторвы, больше похожие на чучела, но зато одетые по последней моде.

И подростки быстро перенимают эту «крутизну», которая раньше безо всякого романтического флера называлась приблатненной расхлябанностью.

Безусловно, относиться к этому можно по-разному. Кому-то из родителей, вполне вероятно, по вкусу подобный типаж. Никто же не заставляет их делать четырехлетним сыновьям нелепые, зато модные стрижки с косичкой или покупать первоклашкам сборники анекдотов с «черным юмором». Это их собственный свободный выбор. Но опять-таки, полезно заглянуть на несколько шагов вперед и представить себе плоды такой ориентации.

А. С. Макаренко, которого теперь снова все чаще и чаще стали поминать добрым словом, поскольку выяснилось, что лучше него никто так и не научился справляться с беспризорниками,

придавал огромное значение подтянутости своих воспитанников. Когда они переставали быть внешне расхлябанными, он понимал, что дело идет на лад. Постепенно внешнее становилось внутренним: «блатная» походка вразвалочку менялась на спокойную, уверенную поступь, из речи исчезали воровские словечки; «наплевизм» (теперь говорят грубее — «пофигизм») уступал место чувству дружбы и любви.

Это путь очеловечивания. Если же поощрять внешнюю расхлябанность (особенно в ее приблатненном варианте), то со временем она станет внутренней и произойдет расчеловечевание. Недаром синоним расхлябанности — расхристанность. И это обязательно рикошетом ударит по родителям. А они, как показывает опыт, не будут готовы к столь крутому повороту событий.

2000

СЕГОДНЯ В ШКОЛЕ НАС УЧИЛИ ОНАНИЗМУ
Т. Шишова

К истории, приключившейся в Питере, стоит приглядеться повнимательней, ведь она вполне может повториться в любом другом городе нашей пока еще необъятной родины. Наверное, впервые в российской педагогике родители подали на школу в суд за… развращение их ребенка. Лет десять назад такое могло бы привидеться только в кошмарном сне. Учительница биологии Л. И. Воднева показала 12-летним детям на уроке мультфильм «Что со мною происходит», в котором преподавалась техника онанизма и весьма выразительно расписывались его прелести. В самый напряженный момент на экране даже появлялся салют, а голос за кадром проникновенно рассказывал про «потрясающее чувство, именуемое оргазмом». Столь познавательный мультик привезли из Голландии — страны-пионера по части сексуального просвещения детей и подростков. В результате успешной секс-просветовской кампании эта страна стала общепризнанной столицей мировой проституции и теперь поражает наших туристов тем, что голые девицы выставляют там свои прелести не только на улице Красных фонарей, но и в витринах продуктовых магазинов. А сексуально просвещенная молодежь онанирует («испытывает удовольствие, ограничиваясь собственным телом» — так об этом говорится в мультфильме) прямо на улице, не стесняясь прохожих, ведь ей давно объяснили, что современные люди должны избавляться от ложного стыда.

Неизвестно, знали ли эти пикантные подробности директор 493-й петербургской школы Г. А. Пахомова и Соросовский учитель биологии (как она сама себя рекомендует) Л. И. Воднева, но факт тот, что школа решила взять на вооружение передовой голландский опыт. В результате родители Иры К. обратились в суд. «Честь школы» — а по сути, право безнаказанно развращать детей — защищало аж 4 адвоката. Тем не менее школа суд проиграла. Но — все по порядку.

Суд длился больше года. Администрация школы вела себя вызывающе: видимо, была совершенно уверена в своем успехе. Воднева даже пыталась предъявить родителям Иры встречный иск — за «оскорбление чести и достоинства». Правда, безрезультатно. В ход шло все, вплоть до подлога и обмана. Так, когда другие родители, узнав о содержании мультфильма, начали возмущаться и потребовали его показать, им прокрутили фильм в урезанном виде. Самый шокирующий эпизод куда-то вдруг подевался. Вскрылись на суде и другие «шалости» администрации. Суд ведь тем и хорош, что позволяет тайное сделать явным. Дело в том, что учительница биологии Воднева не впервые ставила в 493-й школе «сексуальные эксперименты». Когда Ира была в 5-м классе, Воднева начала преподавать детям валеологию, опять-таки смакуя половую тематику. Тогда мать Иры тоже возмутилась и пошла к директору. Директор ее успокоила и пообещала, что ничего подобного впредь не будет. Дескать, все будет очень благопристойно и нравственно. Но на суде Воднева была вынуждена показать свою программу (нигде, кстати, официально не утвержденную), и оказалось, что родителей опять обманули. В программе, несмотря ни на какие обещания, по-прежнему делался большой упор на «секс-просвет».

Выяснились и другие интересные вещи. Оказывается, Комитет по образованию г. Санкт-Петербурга издал инструкцию, по которой **школы должны знакомить родителей со всеми своими экспериментальными программами**. И не за два дня до их начала, а **не менее чем за полгода**! В 493-й школе эта инструкция была проигнорирована. Ну а попал непристойный мультфильм в школу стараниями Российской ассоциации «Планирование семьи» (сокращенно РАПС). В суде было заявлено, что мультфильм демонстрировался в рамках программы «Изменения», внедряющейся РАПСом в школы. Финансирует данное мероприятие компания «Проктер энд Гэмбл», заинтересованная в рекламе своих товаров: женских прокладок и тампонов. Разумеется, все это незаконно, поскольку школа не имеет права превращаться в рынок сбыта рекламной продукции. Я уж не говорю о том, что реклама ведется недобросовестно. Например, 12-13-летних девочек уверяют, что тампоны для них безопасны. Хотя любой гинеколог (да и просто здравомыслящий человек) понимает, что таким образом запросто

можно лишиться девственности. Хорошо, если мама девочки успеет ее вовремя предостеречь. А сколькие мамы даже не подозревают о «подарках фирмы», полученных их дочками? РАПС же обязался охватить этой программой 90% школ, находящихся в 220 городах России с населением свыше 100 тыс. человек. И охватывает, честно отрабатывая полученные деньги. В Петербурге, например, этим, как раковой опухолью, поражены все школы Кировского и многих других районов. Правда, в суде глава северо-западного отделения РАПС (а по совместительству эксперт Комиссии по контролю за распространением продукции эротического характера) г-н П. Н. Кротин уверял, что у них в видеотеке этого фильма нет. Дескать, это личная инициатива и творческая фантазия учительницы. Но в деле имеется бумага за его подписью, где черным по белому написано, что мультфильм «был рекомендован среди других иллюстративных материалов по программе „Изменения“ для учащихся 7-х классов». И с важным видом добавляется, что «мастурбация свойственна для всего животного мира». Ну, а коли так, то чего волноваться? Вперед, ребята!

А ведь онанизм, в соответствии с классификатором болезней Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ), считается расстройством поведения. И когда детей нацеливают на это (а как еще воспринимать слова «обучающего» мультфильма: «Онанизм всегда считался чем-то очень вредным для здоровья, но это не так… занятие онанизмом приносит удовольствие людям, как молодым, так и взрослым»?), им расшатывают, калечат психику. Как бы мы отнеслись к учителю, который вздумал бы уговаривать школьников почаще читать при тусклом свете, заверяя их, что по последним данным науки это вовсе не вредно? Или расписывал бы им, какие «потрясающие чувства» возникают у людей при приеме наркотиков? Подобное «воспитание» наносит вред физическому и психическому здоровью школьников. Вот что пишет на эту тему доктор медицинских наук С. И. Устинова: «Те, кто рекомендует мастурбацию как способ уменьшения физиологического дискомфорта, позволяет себе невежественное заблуждение, ибо в данном случае речь идет о потакании пагубной привычки у ребенка или подростка, подведенного к состоянию сексуального извращения». В результате у ребенка могут развиться психоневротические расстройства, вегетативная дистония, невроз сердца и т. д.

А вот уже не научные аргументы, а просто наглядные примеры из жизни. Когда учительница биологии, а по совместительству — завуч по воспитательной работе Воднева впервые начала распространяться на уроке на тему женской и мужской физиологии, она, естественно, привлекла внимание детей к этой теме. Им тогда было по 10-11 лет, и они очень многого не знали. Например, Ира К. не знала, что такое презерватив. Вернувшись домой, девочка стала задавать вопросы, которые ей еще накануне даже не приходили в голову. Ее соседка по парте, второгодница, поспешила поделиться с Ирой своими более обширными познаниями. Интересно, что до того урока ей это тоже не приходило в голову. Но запретные темы с подачи учителя перестали казаться запретными, и дети принялись бурно обсуждать разные неприличные подробности. Вот что написала тогда Ирочка: «Учительница сказала, что родители не объяснят правильно, как мы будем взрослеть, развиваться, а она объяснит по-научному. Лариса Ивановна нам показывала картинки с голыми мужчинами и женщинами. <…> После уроков она давала дополнительно посмотреть эти картинки. А многие об этом просили. (Например, мальчишки некоторые.) <…> После вот таких двух уроков наши ученики стали говорить всякие неположенные слова (например, сперма, течка, поллюция и т. п.) и другие всякие пошлости». А в седьмом классе, после показа мультфильма, мальчики, похохатывая, допытывались у девочек, занимаются ли те онанизмом и какие ощущения испытывают. Самые, как вы понимаете, «душеполезные» разговоры для подросткового возраста. И наконец, весьма красноречивая сценка. Какая-то учительница пропесочивает девочку. Подходит подружка и во всеуслышание заявляет: «Да что ты эту б… слушаешь? Пошли отсюда!» Не правда ли, закономерный итог «воспитания» на голландский манер?

Но вернемся к судебному процессу. Поначалу Ирины родители были совсем одни. Другие папы и мамы если и поддерживали их, то потихоньку. Боялись, что детей «задавят» двойками. Хотя опыт показывает, что в условиях открытой конфронтации «давить» гораздо труднее, поскольку «давители» обычно пасуют, получив настоящий отпор. И потом, так ли уж велика радость, если сын станет онанистом с пятеркой по биологии, а дочь — проституткой с хорошим знанием английского языка?

Однако постепенно ситуация начала меняться. На сторону Любови Ивановны и ее мужа встали многие общественные организации (в том числе военные), в их поддержку было собрано 5 тыс. (!) подписей. Заговорила о нарушении законных прав родителей и городская прокуратура. В результате родители выиграли дело вчистую. Выиграли, хотя, казалось бы, у РАПСовцев все в городе было «схвачено»: и РОНО было на их стороне, и куча «экспертов» типа Кротина. Но все равно суд вынужден был признать показ мультфильма незаконным и вынес решение, что школа нарушила права родителей, не спросив их согласия на «половое воспитание». Ведь по новому Закону об образовании родители имеют большие права, считаясь участниками образовательного процесса. Это раньше их не спрашивали, чему детей в школе учить. А сейчас другие времена.

И как только дело было выиграно, тут же еще несколько мам возбудило судебные иски против

директоров других петербургских школ, где происходили аналогичные безобразия. Как говорится, лиха беда начало. Мало не покажется. Думаю, полезно еще и требовать компенсации морального ущерба. Ирины родители этого делать не стали принципиально, желая подчеркнуть, что в данном случае деньги — дело десятое. Но вообще-то любителей школьной «клубнички» бить рублем очень даже эффективно, ведь для них это часто самое дорогое, самое важное, ради чего они готовы на все. Даже на такой страшный грех, как растление малолетних.

2000

ЭБЬЮЗ НЕРУШИМЫЙ

Часть 1. Музыка революции

Эбьюз преследовал нас повсюду. На психологическом семинаре, проводимом американской специалисткой, — эбьюз, на «круглых столах», посвященных самым актуальным проблемам современности, — тоже эбьюз, на Всемирном психиатрическом конгрессе в Гамбурге — эбьюз, эбьюз и еще раз эбьюз (в том числе, кукольный). Не так давно мы побывали на Фестивале детских театров в Минске. Погода была прекрасная, встретили нас как дорогих гостей, привезли в самую лучшую гостиницу. Но стоило взять в руки программу фестиваля и пробежать глазами аннотацию к спектаклям, нас охватило чувство унылой обреченности. Опять… Впору запеть «Эбьюз нерушимый…» (Не сочтите за оскорбление национального гимна!)

Но мы, кажется, увлеклись. А ведь наверняка множество людей еще не знают, что такое **эбьюз**. Хотя пора. Как-никак наиважнейшая проблема цивилизованного мира. Так вот, «эбьюз» (abuse) в переводе с английского означает «оскорбление, плохое, неправильное обращение, злоупотребление». В широком смысле слова. Но профессионалы в области человеческих отношений — психологи, социологи, психотерапевты, педагоги — несколько этот смысл сузили. Говоря «эбьюз», они обычно подразумевают дурное обращение с детьми. И прежде всего сексуальное насилие. Только не думайте, что речь идет о каких-то маньяках. Нет, имеются в виду самые обыкновенные люди. Чаще всего родственники: отец, мать, отчим, брат (по-русски в доцивилизованную эпоху это называлось кровосмешением).

Ширма кукольного театра. На ширме — детская кроватка. И огромные взрослые руки, которые тянутся к куколке, лежащей на этой кроватке. Они шарят по одеялу, ища крохотное тряпичное тельце. Это отчим пришел в детскую спальню надругаться над падчерицей. Культурно говоря, совершить эбьюз. Участникам конгресса, не знающим немецкого языка, перед спектаклем заботливо раздали аннотации на английском. Содержание, впрочем, в переводе не нуждалось: все и так было понятно. Зато без аннотации мы бы не поняли одной очень важной (если не самой важной) детали! Этот спектакль показывают немецким детям, начиная с девяти лет. Не только потерпевшим — всем.

В Минске мы видели другой спектакль другого немецкого театра — не кукольного, а драматического. Тема, как вы догадываетесь, была все та же. Только не отчим, а отец, девочка не малолетняя, а подросток. И сцены эбьюза не показывались, а обсуждались. Последнее обстоятельство чрезвычайно утешало, поскольку спектакль «Первая любовь, или то, что мне не принадлежит» шел без перевода, и дети, которыми был битком набит минский ТЮЗ, реагировали, в основном, на рок-зонги.

А вот телевидение с задачей перевода справилось прекрасно. Американский фильм «Кое-что об Амелии» начинался в 20.15. Поэтому не только взрослые, но и дети смогли приобщиться к столь актуальной для их возраста теме, как сожительство девочки с папой.

Но, пожалуй, пора вмешаться нашему любимому «лирическому герою» — либералу, или, выражаясь патриотично, свободомыслу:

— Нашли повод для иронии! Тема-то действительно актуальна. И для нас ничуть не меньше, чем для Запада…

За сим следуют аргументы. Телефон доверия… Детская комната милиции… Центр охраны семьи… Знакомый знакомых — то ли наркоман, то ли алкоголик…

Аргументов, прямо скажем, не густо. Когда интересуешься статистикой, то есть сколько детей звонили за месяц или за год с жалобами на сексуальные посягательства родственника, ответом служит презрительное пожатие плеч. Дескать, тут такое, а ты, канцелярская крыса, о цифрах! Кто ж считал? Когда замечаешь, что в подобные службы обращаются именно и только потерпевшие, у работников этих служб нередко создается искаженное представление о действительности, все равно, как иному врачу-венерологу кажется, что все поголовно больны сифилисом, а прокурору — что кругом одни преступники (в лучшем случае потенциальные)… Это замечание воспринимается как неуместный юмор.

А уж не дай Бог сказать, что такое встречается в определенной среде, в маргинальных слоях общества! Ну, это вообще… Специалисты воспринимают подобный текст как кровное оскорбление: кто посмел посягнуть на священный принцип «Наши паралитики — самые прогрессивные»?!

— Да обращаются-то единицы, — слышишь в ответ, — а реально потерпевших в тысячу раз больше. Просто народ у нас дремучий, замшелый и понятия не имеет, что с эбьюзом надо немедленно идти к специалисту.

Когда это слышишь, всегда хочется спросить (но не всегда спрашиваешь, чтобы не показаться занудой):

— А откуда вы, собственно, знаете, что потерпевших **тысячи**, если обращаются единицы?

Да, конечно, бывают случаи, когда официальная статистика говорит одно, но даже слепой видит совсем другое. Например, слышишь по радио, что на митинг оппозиции пришла жалкая кучка люмпенизированных, а выглядываешь в окно — на улице огромная толпа. Ну а уж о прежних временах можно не рассказывать. Каждый сам знает…

Спальня, конечно, не улица. И все же… Должно хоть что-то намекать на такой махровый порок? Тем более, что дети не такие уж великие актеры и изощренные притворщики. Взрослые люди — и те далеко не всегда умеют скрыть интимные отношения, и тайное становится явным куда чаще, чем им бы хотелось, достаточно перехватить один-единственный взгляд… Если придерживаться логики нашего оппонента, можно приписать «дремучему, замшелому народу» и другие пороки. Например, массовое людоедство. Бывает? Бывает. Не все обращаются к специалистам? — Отнюдь. (Да и куда обратиться поглощенной жертве? Разве что к небесным заступникам…)

Так вот, возвращаясь к эбьюзу. Всерьез говорить об актуальности этой темы имело бы смысл в том случае, если мы и все читатели этой статьи, приходя в каждый третий или четвертый дом, ощущали бы «запах жареного» или привкус «клубнички», который, мы повторяем, по-настоящему скрыть невозможно. Тем более, когда речь идет о таких страшных цифрах, как 25-30% (а именно эти цифры фигурируют в докладах иностранных специалистов о распространении эбьюза на Западе). Тут уж скрывай не скрывай, а ослиные уши все равно вылезут. Как с преступностью. Даже если бы сейчас все газеты и телеканалы в один голос принялись бы уверять публику, что кривая преступности резко пошла вниз, никто бы в это не поверил, поскольку каждый без труда вспомнил бы ограбленного друга, избитого приятеля, а также знакомого, у которого угнали машину.

Аналог такой ситуации мы видим практически во всем, что касается темы эбьюза на Западе. Например, в кукольном спектакле «Секрет», о котором мы уже упоминали, о страшном секрете девочки догадывается подруга ее матери, взрослая женщина, у которой в детстве **было то же самое**. В фильме «Кое-что об Амелии» учительница, которой девочка сообщает о своей двухлетней связи с отцом, не хватается за голову, не выражает изумления и ужаса, как бывает, когда узнают нечто из ряда вон выходящее, а деловито, оперативно звонит по хорошо известному ей телефону в специальную полицейскую службу, которая изолирует таких детей от родителей. А попав в приют, девочка на свой вопрос: «Такие, как я, к вам когда-нибудь попадали?» — незамедлительно слышит, что это не тема для беспокойства, поскольку таких детей много и поступают они сюда регулярно. Примечательно, что утешена не только жертва. Пылкий отец на приеме у психотерапевта, специализирующегося на эбьюзах (следовательно, даже в небольшом американском городке, показанном в фильме, есть постоянный контингент «эбьюзников», что подтверждается оптимистическим финалом фильма, но о нем позже)… так вот, папашка-соблазнитель узнает, что это дело житейское, с кем не бывает, и все еще можно наладить, если довериться хорошему профессионалу.

Ну тут легко возразить, что искусство любит сгущать и гиперболизировать явления жизни. В данном случае, похоже, и в жизни все обстоит достаточно круто. Из доклада одной немецкой специалистки мы узнали, что проведенное недавно скрытое анкетирование студенток Гамбургского университета показало: 25% опрошенных в детстве подвергались сексуальному эбьюзу. Американская статистика, по некоторым данным, еще внушительней: в биографии каждой третьей молодой женщины сегодня фигурирует пережитый в детстве эбьюз. Во время нашей летней поездки в Германию стоило нам в беседах с **обычными** людьми (а не специалистами по эбьюзам!) выразить сомнения в такой чудовищной распространенности подобного «негатива», как наши собеседники спешили эти сомнения развеять и приводили совершенно конкретные факты из жизни **своих друзей и знакомых**.

В этой связи очень интересна и показательна реакция наших граждан. Тоже обыкновенных, не специалистов. Когда заговариваешь с ними про сожительство родителей и детей, про то, что на Западе это актуальная проблема и касается она всех слоев общества, видишь на лицах вовсе не ханжеское смущение и не смятение людей, которых подловили на тайном грехе, а искреннюю оторопь.

Собеседники явно не сразу врубаются, словно мы им рассказываем про дикие обычаи племени мумбо-юмбо. А когда понимают, то какое-то время не верят. Спрашивают: «Вы не шутите?» или: «Разве такое может быть?» или: «Вот уж действительно — у каждого свои проблемы!»

Насчет своих и чужих проблем — разговор особый, а сейчас хочется отметить еще один любопытный, на наш взгляд, факт. В тот вечер, когда по ТВ показывали «Кое-что об Амелии», нам, в силу обстоятельств, было трудно его посмотреть. Фильм широко рекламировался в газетах и телерекламах, и мы не сомневались, что многие наши родственники и друзья его увидят. И надеялись получить подробный пересказ. Но для верности решили уточнить, на кого можно рассчитывать. Оказалось — ни на кого! Один сказал, что его стошнит, другая — что муж будет дома и все равно выключит, а большинство — что дети в это время еще не спят. В результате пришлось нам отложить все дела и поспешить домой. (Мы уже задумывались над этой статьей и понимали, что нужен «иллюстративный материал».) Обращаясь с подобной просьбой, мы не обзванивали тех знакомых, которых можно было бы заподозрить даже в малейших проявлениях замшелости или ханжества. И тем не менее… А некоторые не только отказались, но вдобавок еще и обиделись. Дескать, почему именно меня попросили посмотреть «непристойный фильм»? Вот уж поистине, «их, Пронькиных, не поймешь»! То требуют свободы сексуального просвещения, то вдруг оскорбляются, когда их просвещают. А ведь фильм носил именно просветительский характер. Там не было никаких скабрезных сцен, никакого натурализма. Все очень корректно, все в тексте.

Кто-то может возразить:

— Причем здесь сексуальное просвещение? Какая связь?

Мы думаем, связь есть, и она достаточно отчетливо прослеживается. Хотя, безусловно, это не такая уж простая арифметика. И то, что одно вытекает из другого, понятно далеко не всем. Но, казалось бы, специалистам сам Бог велел задуматься о подобной связи.

На конгрессе в Гамбурге было специальное секционное заседание, посвященное проблемам эбьюза. Ведущая, профессор из США, с самого начала заявила, что уважаемые коллеги собрались не для обсуждения каких-то частных вопросов, а для серьезного разговора о причинах столь печального явления современной жизни. Услышав такое вступление, мы переглянулись: «Наконец-то!» Мы уже знали и про пугающую статистику, и про широко развернутую психотерапевтическую работу в этом направлении, и про классификации, и про «технические» подробности. Наконец, поставлен главный вопрос: «Почему?»

Но то, что прозвучало дальше, носило откровенно фарсовый характер. Все принялись дружно обсуждать… ускорение ритма жизни, непомерное давление общества на волю индивида, тяжелые нагрузки, обилие информации, а также стрессовые состояния, порожденные слишком большим выбором в развитом западном обществе.

На последнем аргументе мы сломались, представив себе бедного «фазера», который мечется, как загнанный зверь, по универсаму, не в силах сделать выбор между клубничным, ананасовым и черносмородиновым йогуртом! А тут еще подвозят на тележке йогурт киви, манго, папайи… Ну как после этого не впасть в состояние стресса и не соблазнить с горя «литл бэби»?!

А уж тяготы жизни просто непосильные, вообще доводят до отключки. То ли дело в средневековье или в послевоенной Германии… И ритмы, конечно, бешеные: обеденный перерыв — в кафе, вечером нередко тоже в кафе или в ресторан. И так день за днем, день за днем. Надо же когда-то и оттянуться! Из вежливости мы рассмеялись потом, за дверью, но прежде чем покинуть благородное собрание, задали вопрос: не кажется ли уважаемым коллегам, что причины эбьюза как распространяющегося социального явления нужно искать в смещении и размывании моральных норм? Может быть, это естественное следствие свершившейся сексуальной революции?

На лицах «уважаемых коллег» отразилось полное недоумение. Но затем ведущая, вероятно, что-то сообразила и дипломатично ответила, что да, может быть и этот фактор имеет место, но он вовсе не определяющий, сексуальная революция была невесть когда, в 60-е годы, а сейчас самое главное — ускорение, давление, нагрузки… В общем, смотри выше.

Потом, правда, к нам подошел молодой немецкий психолог и сказал, что его очень заинтересовала наша «нетривиальная гипотеза». И попросил пояснить. Мы начали говорить в общем-то обычные вещи, которые у множества наших соотечественников не вызывают ни вопросов, ни возражений, — что сексуальная революция, включающая просвещение детей, снимает барьер между поколениями, а поскольку в просвещении участвуют родители, то незаметно, исподволь, разрушается и барьер инцестуальный. Собственно, что мешает от совместного изучения теории перейти к практике? Почему читать, смотреть, пояснять, показывать, шутить, обсуждать можно, а делать нельзя? Ведь рассуждая логически, кто лучше преподаст девочке «науку страсти нежной», чем ее отец? Взрослый, опытный, знающий и любящий своего ребенка, как никто другой? Идеальный наставник! Помешать этому могли бы жесткие моральные нормы, а они-то как раз и были расшатаны сексуальной революцией. Благомыслы-шестидесятники, которые просвещали своих детей из лучших побуждений, дальше теории не шли, ибо сами воспитывались еще достаточно патриархально. Их же дети, нынешние родители, сформировались в другую эпоху, которую часто так и называют: «эпоха стирания граней». А ученики,

как известно, должны превзойти своего учителя. Поэтому ведущая, сказав, что сексуальная революция была уже давно, вовсе не опровергла наш тезис, а косвенно его подтвердила. За это время и успело подрасти «постсексуальное» поколение.

Мы готовы были порассуждать еще и про запретный плод, который обязательно должен быть запретным, чтобы оставаться сладким, а иначе — так уж устроен человек! — неизбежны поиски новых запретных сладостей. Ведь эта тенденция прослеживается так отчетливо! Разнополая «свободная» любовь перестала быть запретной — появилась тяга к однополой, однополая была признана вариантом нормы — стали множиться кровосмесительные связи. Что на очереди? Скотоложество? Некрофилия? В несколько поредевшем списке сексопатологических перверзий есть еще кое-что на десерт. Не очень ясно, правда, что произойдет, когда меню будет исчерпано.

Могли бы мы сказать и о таком явлении, как инфантилизация современного западного общества, которая тоже, как нам кажется, тесно связана с сексуальной революцией. И о властвующей в этом обществе игровой стихии… Но, взглянув на нашего собеседника, умолкли. Его остекленелые глаза напоминали глаза рыбы, оглушенной динамитом. Да он и сам честно признался, что ему трудно переварить такое количество новой информации. А мы потом даже пожалели, что нагрузили любознательного молодого человека в сущности уже не актуальными для его культуры умозаключениями. Как говорится, «поздно, Клава, пить боржоми, когда печень полетела». Дело зашло слишком далеко, если в ряде американских школ (например, в Бостоне) «сексуальные меньшинства» приходят раз в неделю к детям рассказать об однополой любви — нет-нет, не для рекламы, для просвещения; если в подавляющем большинстве иностранных книг на тему воспитания детей можно прочитать фразы типа: «Половая жизнь — это сфера инстинктов, почему же от ребенка надо скрывать правду об этом?» (Хотя до сих пор считалось, что воспитание призвано укрощать и облагораживать инстинкты, и детей учили не теории и практике половой жизни, а этике и эстетике **любви**.) Да, маховик не на шутку раскрутился, и остановить его под силу разве что новому Лютеру. А тем, кто не отличается повышенной пассионарностью, приходится разводить руками и довольствоваться сетованиями на все возрастающую сложность жизни в условиях развитого капиталистического общества.

В нашем отечестве этот разговор пока еще не лишен смысла. Общество здесь все-таки очень традиционное, гораздо более традиционное, чем кажется нам изнутри. И многие иностранцы это замечают. Например, австралийский социолог из Сиднейского университета Себастьян Джоб, проживший в Москве (в нашем-то Вавилоне!) три года, сказал нам перед отъездом: «Вам кажется, что у вас в стране происходят стремительные перемены, потому что вы имеете возможность сравнить сегодняшнюю жизнь с той, которая была десять, двадцать лет назад. Я могу сравнивать только то, что я увидел здесь и сейчас, с тем, что я вижу у себя в Австралии и в европейских странах. Русский жизненный уклад чрезвычайно патриархален, своеобразен и устойчив. И я вам желаю, чтобы вы сумели это сохранить».

Хочется заметить, что, говоря о традиционном, патриархальном обществе, ни наш друг-социолог, ни, тем более, мы сами не рисуем в своем воображении каких-то лубочных картинок. Свершившаяся на Западе сексуальная революция, безусловно, не могла не повлиять на нашу реальность. Но традиция смягчила, самортизировала это влияние, просеяла сквозь сито культуры и оставила в общественном сознании наиболее, что ли, человечные завоевания сексуальной революции: девушка уже не чувствует себя ущербной, если не сохранила невинность до замужества, окружающие вполне терпимо относятся к гражданским бракам, исчезло понятие «незаконнорожденный». (Интересно, что во многих более «продвинутых» странах оно осталось, и в этом легко убедиться, почитав современную литературу.)

Ну, так выходит, нам нечего бояться? То переварили, и это переварим. Нет оснований для паники!

Увы, это не совсем так. Общественный организм не может переварить все и в любых количествах. Особенно, если этот организм ослаблен, ослаблен не только тем, что вот уже десять лет живет в режиме экономических и политических потрясений. (Когда говоришь об этом, то часто слышишь в ответ примерно следующее: «Слабый организм? Не может сопротивляться? Ну что ж, тогда пусть погибает, раз такой нежизнеспособный…» Больше всего эти высказывания поражают своей беспристрастностью. Как будто речь идет о чем-то далеком и постороннем, а не о себе самом, как части своего народа, культуры и т. п.) Так вот: уж очень неравный бой получается. С одной стороны — усталые, растерянные, оглушенные наши соотечественники, которым и правые, и левые, и «демократы», и «патриоты», и все, кому не лень, внушают, что они (люди) жили и имеют наглость продолжать жить неправильно, не так, как надо. А с другой — если и обремененные, то скорее комплексом полноценности апологеты «правильной жизни», уверенные в том, что несут «России во мгле» свет цивилизационной истины.

— Вы просто отстали на двадцать лет, — говорят они, снисходительно улыбаясь, ибо помнят, что надо быть терпимыми к чужим слабостям и заблуждениям. — И у нас все было точно так же. Люди сопротивлялись, они далеко не сразу поняли, что сексуальная просвещенность — это свобода. А

свобода — главный приоритет человека, живущего в демократическом обществе. Вы ведь совсем недавно перестали быть тоталитарным государством, все еще будет в порядке…

Что ж, мы и в этом смысле живем сейчас в уникальную эпоху. В эпоху, когда не только в фантастических фильмах Спилберга можно наблюдать так называемую параллельность времен. Особенно отчетливо это было видно в Минске, на Фестивале детских театров. И неудивительно, ведь искусство — своеобразный концентрат. То, что в жизни может быть размыто, распылено, здесь сконденсировано, как влага в туче.

Короче говоря, в Минске мы одновременно увидели два витка сексуальной революции. Второй был представлен, разумеется, теми, кто опередил нас на двадцать лет — театром из города Мангейма (см. начало статьи), а первый… первый показали хозяева фестиваля — минский ТЮЗ. Хотя нельзя сказать, что это была полностью самостоятельная работа. Пьеса была немецкая, режиссер тоже — Х. Флаххубер. Спектакль назывался интригующе: «Про это не говорят».

В первых рядах сидели мальчики и девочки от шести до восьми. Сзади располагались взрослые — педагоги и родители. Была приглашена и молодежь — студенты педагогического института. Да, еще, пожалуй, важно добавить, что это была пьеса-игра. Почему важно — скоро поймете.

Представление началось с того, что перед самым носом у детишек (сцены не было, и это тоже явно входило в режиссерский замысел) появились тетя, одетая дядей, и дядя, одетый тетей. В веселой тюзовской манере ряженые задали детям вопрос, к какому полу каждый из них на самом деле принадлежит. Дети, несмотря на маскарад, угадали правильно. Тогда последовал другой вопрос: а как, собственно определить, кто мужчина, а кто женщина? Дети, еще не понимая, к чему клонят актеры, наперебой закричали: «Парик пускай снимет!», «Усы надо отклеить!» и т. п. Характерно, что ни один ответ (а их было достаточно много) не вышел за рамки приличий, не нарушил те границы, которые приняты в Москве, и в Минске между взрослыми и детьми. Границу перешли взрослые. С шуточками и прибауточками они подвели детей к тому, что самое главное — **другое**. И стали со спортивной прытью раздеваться. Нет, не догола (это ведь пока первый виток, не забывайте!). До нижнего белья. Но зато потом другие актеры принялись рисовать углем на этом белье «самое главное». Рисовали и спрашивали у юных зрителей, как это называется. Дети сначала оцепенели, потом стали смущенно хихикать, отводить глаза, закрывать руками лицо, пожимать плечами. Наконец одна бойкая девчушка пискнула: «Щелинка!» (это белорусский вариант). «Правильно, умница!» — обрадовались артисты и поспешили дополнить… Справедливости ради надо отметить, что кроме бытовых наименований детям были сообщены научные: «вагина», «пенис», «фаллос», «половой член». (Ну да, это просвещение!) Правда потом, когда речь зашла о самом-самом главном и на вопрос, как это называется, та же самая девчушка пискнула: «Секс!», ведущий бодро дополнил: «А можно сказать: „Трахаться!“ Я, например, всегда говорю так!»

И актеры незамедлительно приступили к демонстрации процесса. Понарошку, конечно. Ведь театр допускает условное действие, к тому же — первый виток. Они неловко ложились то крест-накрест, то валетом и все время просили детей показать, **как же нужно**. Тут даже храбрая девчушка стушевалась. И тогда актеры ласково, но твердо подняли с места совсем уж юную зрительницу лет шести и подвели ее к «маме» и «папе». Дело в том, что абстрактные мужчина и женщина по ходу спектакля очень быстро превратились в маму и папу. И это был особый, не для всех очевидный цинизм, потому что наши дети (про «ихних», просвещенных, судить не беремся) могут что угодно знать про мужчин и женщин, но, как правило, не переносят свои знания на родителей, автоматически вытесняя это из сознания как **неприкосновенную тайну**. Рационально такой феномен необъясним. Почему дворовый хулиган, ругающийся матом, напичканный похабными анекдотами, готовый говорить «про это» даже с классной руководительницей, кричит другому хулигану: «Это твоя мать трахается с отцом! А моя не такая!»? И украшая стены школьного сортира непристойными рисунками, никогда не изображает своих родителей? Вы спросите, откуда мы это знаем? Но ведь дети имеют обыкновение подобные художества подписывать. «Маша + Коля», «училка», «директор», всякие прозвища… Вот только «маму» и «папу» (или даже «мамку» и «папку») вы там не найдете.

Не отсюда ли уверенность стольких подростков, что их 35-40-летние родители уже **старые**, а следовательно — «не занимаются глупостями»? Механизм образования внутренних табу настолько загадочен и сложен, что, сколько ни рассуждай на эту тему, многое так и останется неясным. Но нам ясно одно: растабуирование сакрального — пусть даже в угоду самой безупречной логике, к которой, собственно, и апеллируют поклонники либерализма, — не может пройти безнаказанно.

Не может — и не проходит. Распространение эбьюза на Западе среди **нормальных** людей — это, конечно же, следствие «гибели богов». И, увы, не единственное.

Но вернемся к спектаклю. Там было еще много «интересного». Например, детям открытым текстом сказали, что онанизмом заниматься очень приятно («дюже приемно» по-белорусски), и только глупые взрослые могут это запрещать. Тема была освещена достаточно подробно. Актер, изображая

мальчика, рассказал (и даже помог себе жестом), как однажды занимался этим на уроке, а плохая учительница помешала. Актриса позаботилась о просвещении женской половины зала и от лица девочки поведала грустную историю о нечуткой маме, которая в аналогичной ситуации не только помешала, но и сказала, что это стыдно. Сей ложный тезис артисты, хохоча и гримасничая, не замедлили опровергнуть, запев под гитару: «Що приемно, то нэ стыдно!» И, разумеется, вовлекли в хоровое пение весь зал.

Основным аргументом главного режиссера минского ТЮЗа М. Абрамова было то, что такой спектакль сейчас остро необходим. «Ведь должны же мы были что-то противопоставить потоку грязной порнографии, которая льется на наших детей с экранов телевизоров? Нашей задачей было показать детям, что это можно делать красиво, задорно, весело. Должно же быть нормальное сексуальное просвещение!»

Однако внимательно следя за реакцией детской аудитории, мы убедились, что как раз цели просвещения-то и не были в ходе спектакля достигнуты. Все, что говорилось в первом действии (чем мужчина и женщина отличаются друг от друга и что они делают друг с другом), дети уже знали. Содержание же второго действия (устройство внутренних половых органов, физиологические основы оплодотворения, процесс беременности и родов) еще не находились, по терминологии психолога Л. С. Выготского, «в зоне ближайшего развития», и дети просто ничего не усвоили.

Но зато было усвоено другое: что со взрослыми, как и с детьми противоположного пола, можно (и даже нужно!) говорить «задорно и весело» о **стыдном**. Более того, стыдное оказывается вовсе не стыдным, ибо «что приятно, то не стыдно».

И по логике вещей — почему, собственно, поборникам просвещения можно рассуждать логически, а нам нельзя? — родители уже не вправе будут выразить недовольство, если вдохновленный воскресным утренним спектаклем, ночью к ним в спальню ворвется крошка-сын и заявит: «Вы тут трахаетесь, а мне там одному скучно!» Учительница же, увидев на доске похабщину, не посмеет возмутиться, найти виновного и отвести его к директору. А если кому-нибудь на уроке приспичит… как бы это сказать… ну, в общем, заняться «приятным», то она прямо-таки обязана будет прервать — нет, не темпераментного школяра! — объяснение. И, вспомнив театральный шансон с рефреном «что приятно, то не стыдно», призвать класс к подражанию. Чтобы не прослыть дурой.

Смешно? Не верится? Что ж, давайте снова совершим небольшое путешествие в «параллельное время», в общество второго витка. Перед нами недавно переведенная на русский язык книга «Игровая терапия: искусство отношений». Автор — Г. Л. Лэндрет, известный американский психотерапевт. «Позволять ли ребенку мочиться на пол в игровой комнате — это большой вопрос», — пишет он. И в качестве личного мнения добавляет: «Не следует разрешать детям писать в бутылочку с соской, а потом пить мочу».

Вы думаете, что речь идет о пациентах, страдающих тяжелой умственной отсталостью? — Ничего подобного! Имеются в виду так называемые «дети с проблемами»: чересчур застенчивые, расторможенные, не умеющие контактировать с людьми и т. п. То есть дошкольники и школьники с разнообразными невротическими признаками. Живут они в семьях, как правило, достаточно обеспеченных, потому что игротерапия, модное сейчас на Западе направление, — удовольствие отнюдь не дешевое (по признанию самого автора книги). Иными словами, это опять-таки не маргинальные семьи, а средний класс.

Что же еще фигурирует в списке ограничений на занятиях игротерапией, которая, по убеждению авторов этого метода, способствует установлению **нормального** контакта между взрослым и ребенком? В списке целых 54 пункта, но мы приведем лишь несколько. Итак, в игровой комнате запрещается: курить, бить окна, поджигать вещи, писать на доске грязные слова, бить терапевта, брызгать в терапевта водой. (Впрочем, последние два пункта далеко не всегда соблюдаются. Мы в Германии видели девятилетнего мальчика, который на сеансе игротерапии бил терапевта-женщину ногами и не просто брызгал, а окатывал ее водой из ведра.) Но продолжим. Нельзя полностью раздеваться, справлять нужду на пол, **открыто** мастурбировать (втихаря, стало быть, можно; в игровой комнате обычно предусмотрены укромные уголки, чтобы ребенок мог при желании уединиться). Сам по себе ни один из этих пунктов не вызывает возражений. Действительно нельзя бить окна, поджигать вещи, накладывать кучу на пол. Но согласитесь, наших детей с непомраченным рассудком не надо об этом предупреждать, им просто не придет в голову, явившись на занятия, вытворять что-то из перечисленного. Такое может быть только в том случае, если барьер между взрослым и ребенком фактически разрушен, если возможен следующий диалог (цитируем все ту же книгу Г. Л. Лэндрета):

«*Терапевт*: Роберт, я вижу, ты и в самом деле на меня рассердился.

Роберт: Да! И сейчас точно тебя пристрелю.

Терапевт: Ты так сильно рассердился на меня, что готов меня застрелить. (Роберт к тому времени уже зарядил игрушечное ружье и начинает прицеливаться в терапевта.)

Роберт: Ты не можешь остановить меня! Никто не может! (Прицеливается в терапевта.)

Терапевт: Ты такой сильный, что никто не может тебя остановить. Но ты можешь представить себе, что кукла Бобо — это я, и выстрелить в Бобо».

Подобные примеры можно приводить до бесконечности, но надеемся, «вышеизложенного» вполне достаточно, чтобы нарисованная нами картина последействия белорусского спектакля не показалась такой уж фантастической карикатурой. Разумеется, один спектакль не в состоянии разрушить столь фундаментальные иерархические отношения, как отношения взрослого и ребенка. Но если таких спектаклей, фильмов, книг будет много, если они станут **нормой**, то отчего же нет?

Нам кажется, что сейчас наступил момент, когда в самом прямом смысле слова от каждого из нас зависит восстановление или, наоборот, окончательная потеря иммунитета. Иммунитета к самым разным социальным болезням, в том числе и к разрушению традиционных культурных норм, уничижительно именуемых «совковой психологией». И ссылки на государство, занятое совсем другими делами, и на бессилие слабого бесправного человека не могут служить оправданием. В конце концов, никто сейчас, держа пистолет у виска, не заставляет перенимать западные образцы поведения и воспитания. Как никто не мешал красным от стыда родителям взять своих детей за руку и вывести из минского ТЮЗа прямо посреди веселого «просветительского» спектакля. Но **ни один** этого не сделал. Видимо, боясь показаться замшелым и дремучим.

Что ж, хозяин — барин. Только не забывайте, что за «А» всегда следует «Б». И это только начало алфавита.

Часть 2. Новая гармония

Человек нашей культуры, прочитавший предыдущую часть, вправе задать вопрос с оттенком возмущения:

— Что ж, по-вашему, проблемы эбьюза вообще не надо обсуждать? Пускай взрослые развращают детей, пускай дети живут с тяжелой травмой в душе, с изломанной психикой, пускай гадкие скоты знают о своей полной безнаказанности, а общество будет трусливо молчать? Вы к чему призываете — к заговору равнодушных?! Хватит! У нас это уже было! Сыты по горло!

Представитель же западной цивилизации, носитель общечеловеческих ценностей, которого мы условно назовем «общечеловеком», даст менее экспансивный, но более обстоятельный комментарий:

— Подобный подход к болезненным социальным проблемам характерен для обществ переходного периода. Тоталитарные тенденции еще очень сильны, и люди склонны замалчивать вопросы, которые им кажутся неприличными для обсуждения. Но через это надо пройти. В демократическом обществе не может быть запретных тем. И тема эбьюза должна обсуждаться широко и открыто.

Все это звучит настолько аксиоматично, что вроде и возразить невозможно. Но тем не менее мы попробуем.

Нам кажется весьма спорным тезис о том, что надо все и везде обсуждать, и чем откровеннее, тем лучше. Особенно когда речь идет о традиционных культурах, к которым, нравится это кому-то или не нравится, принадлежит и русская культура. Более того, специалисты-этнологи относят ее к типу культур репрессивных, то есть таких, в которых происходит бессознательное подавление и вытеснение целого ряда чувств, тем, явлений и т. п. По-видимому, это восходит к основам православия. Прекрасно высказался на эту тему отец Павел Флоренский. Он писал, что есть «внутренние слои жизни… которым надлежит быть сокровенными даже от самого Я. (Не то, что от других! — *И. М., Т. Ш.*). *Таков по преимуществу пол*» (курсив наш).

Впрочем, в последнее время мы все чаще задумываемся: а так ли уж полезна и для рационального западного общества «тотальная» гласность, публичные обсуждения того, о чем еще совсем недавно и у них полагалось молчать? Вообще рассуждения по типу «или-или» «или все — или ничего» чем дальше, тем больше напоминают наживку, на которую рассчитывают поймать (и до сих пор ловят, хотя и в меньших количествах) простодушных людей. Или все, как по команде, обсуждают эбьюз (а также поочередно проституцию, гомосексуализм, заражение СПИДом, жизнь «воров в законе», «опускание» уголовников, дрязги в среде музыкантов) или опять-таки все общество об этом «трусливо молчит».

Конечно же, если в жизни ребенка произошла такая трагедия, как совращение взрослым, то надо сделать все, чтобы смягчить последствия этой ужасной травмы. Но почему **все** дети должны быть вовлечены в эту орбиту? Зачем им получать далеко не безобидные знания о том, что их, слава Богу, не коснулось? Почему не учитываются негативные последствия такого всеобуча? Мы задали этот вопрос немецкому специалисту, делавшему доклад на соответствующую тему. Но сперва решили кое-что уточнить.

— Вот уже несколько лет, — сказали мы, — в Германии ведется широкая просветительская работа по проблемам сексуального надругательства над детьми. Можете ли вы утверждать, что в

результате такой работы эбьюзов стало меньше?

Ответ был отрицательным: «Нет, напротив, все больше и больше». «А не опасаетесь ли вы, — задали мы свой основной вопрос, — что широкое обсуждение этой темы может привести к совершенно не запланированным последствиям? Например, породить неловкость и страхи в отношениях детей и родителей? Вызвать нездоровое любопытство и фиксацию на той теме, которая многим людям и в голову бы не пришла? Допустим, девятилетняя девочка, посмотрев спектакль „Секрет“, приходит домой, и отчим, у которого и в мыслях нет ничего такого, привычно целует ее в щеку, сажает на колени. А у девочки, которая до сих пор воспринимала это как нормальную родительскую ласку, немедленно возникают в голове сцены из спектакля. Там-то все началось именно с этого!» Докладчик задумался, а потом сказал дословно следующее:

— Да, конечно, такое тоже может иметь место, но положительные результаты должны перевесить отрицательные.

Должны — и никаких гвоздей! Почти по Маяковскому. И все же позволим себе поставить под сомнение истинность этого императива. Мы думаем, что при широком обсуждении традиционно запретных тем в общественном сознании происходят очень серьезные сдвиги. Процесс этот — длительный, поэтапный.

Патология, не только сексуальная, а вообще самая разнообразная, появилась, как вы понимаете, не сегодня и не вчера. Но процесс изменения сознания начинается только тогда, когда что-то (к примеру, инцест) подается не как отдельный вопиющий факт, предполагающий, разумеется, сочувствие к жертве и уголовное наказание для виновного, а как распространенное и все более и более распространяющееся явление. Общественное сознание сперва испытывает шок, а потом, если не может, оправившись от шока, противодействовать такому внедрению… примиряется с ним. И начинается процесс адаптации.

Во время нашей полемики по поводу эбьюза был приведен аргумент, смысл которого мы поняли еще до того, как нам успели его перевести на русский язык. В немецкой фразе прозвучало: «Идьот! Наташа Филипповна!» Дескать, нечего изображать оскорбленную невинность! У вас тоже есть и был эбьюз.

Да, конечно, и мы еще раз повторим, что всякое на свете бывает, но Достоевскому и в голову не приходило подавать эту историю как нечто пусть негативное, но заурядное.

Когда маргинальные феномены активно проникают в общественное сознание, происходит очень интересная вещь: они перестают быть маргинальными, то есть окраинными, и смещаются ближе к центру.

А если активно муссируется идея об их распространенности, они, стало быть, захватывают все большие территории. И постепенно люди начинают считать, что порок повсюду. Не в отдельных (непросвещенных, или, наоборот, слишком просвещенных, богемных) слоях общества, а именно везде и повсюду. В самых обыкновенных семьях, у самых обыкновенных людей. (Помните, как при Горбачеве, в эпоху песни «Путана», нам активно внушалась мысль, что девочки из вполне приличных семей страстно мечтают стать проститутками? И приводились ошеломляющие цифры опросов…)

Но все это еще полбеды. Самое страшное начинается тогда, когда постепенно стирается, размывается представление о норме. Конечно, в наш либеральный век нелегко провести такую уж четкую границу между нормой и патологией, между пороком и добродетелью. Процессы диффузии, знакомые нам еще со школьной скамьи, вполне переносимы и на сферу морали. Но говорить, что границ вовсе не существует, что у каждого своя мораль, что и норма-то — понятие весьма спорное и относительное («Покажите мне, где она, ваша норма?» — характерная полемическая реплика), — это, может быть, очень демократично, но и очень безответственно, ибо взрывоопасно. Все равно как курить на бензоколонке.

Чем чревато утверждение, прозвучавшее из уст психотерапевта в фильме «Кое-что об Амелии»? Обращаясь к отцу, который два года сожительствовал с дочерью, человек в белом халате безапелляционно заявляет (вероятно, чтобы ободрить своего пациента):

— Нет такого отца, которому бы не приходили в голову мысли об инцесте.

А у телевизора сидят отцы, много отцов. И, скорее всего, до просмотра фильма мало кому из них приходила в голову подобная мысль. А тут, если уж специалист сказал… Ему виднее. На то он и специалист. Хочешь — не хочешь, а задумаешься. Пороешься в глубинах своего подсознания, Фрейда вспомнишь с его пансексуальностью, вспомнишь и как дочку любил купать, когда она была маленькая. И как прижимал к груди, укачивая. Только ли ее успокаивал? А может… И ведь по дремучести своей думал, что это чистое отцовское чувство! А на самом деле, видно, боялся себе признаться. Подавлял, вытеснял…

И уже не только в общественное сознание, а и в сознание каждого отдельного человека запускается мысль о том, что и в нем подспудно живет тяга к запредельному пороку. И это **нормально**.

А тут еще статистика подтверждает. Мало того, что практически все об этом думают, но уже каждый четвертый (в лучшем случае — пятый) перешел к делу!

И процесс идет дальше. Да, эта статистика, разумеется, подается под знаком патологии. Но цифры-то говорят совсем другое! Если 25%, то есть четверть всех молодых женщин в детстве подвергались сексуальному эбьюзу, то это уже не патология, а новая норма.

Сознание пока еще не может с этим примириться, но уже делает шаг навстречу. За инцест, который во все времена считался одним из самых страшных преступлений, виновному сегодня вовсе не обязательно полагается уголовная кара. Альтернатива тюрьме есть! Это… курс занятий с психотерапевтом. Причем на первый план выходит вроде благородная задача — сохранение семьи. **Той самой**, где все это произошло. И вот через полгода семья в полном составе вновь собирается у камелька для безоблачной счастливой жизни: отец, который, находясь в здравом уме и твердой памяти, несколько лет подряд день за днем растлевал свою дочь, жена, которой муж изменял не с кем-нибудь на стороне, а с их общим ребенком; этот ребенок, у которого, если говорить серьезно, с раннего возраста и на всю жизнь непоправимо искажена картина мира; и остальные дети (если они есть), которые, разумеется, в курсе произошедшего, то есть прекрасно знают, что их папа, самый лучший папа на свете, спал с их сестрой. Этакая идиллия после Содома!

Все равно, как убийцу, зарезавшего своего ребенка, малость подлечить, разобрать на сеансе групповой психотерапии, какие бессознательные механизмы лежали в основе этого неблаговидного поступка, что было вытеснено, что сублимировано, как при этом страдало либидо, — и запустить, обратно в ту же семью. И считать, что это и есть оптимальный способ решения серьезных социальных проблем.

Чувствуете разницу? Хотя формально не придерешься. Смотрите: проблема сожительства взрослых и детей, проблема адаптации эмигрантов, проблема безработицы, проблема загрязнения окружающей среды, проблема творческого самовыражения. И еще много-много других, столь же или почти столь же серьезных проблем.

Ну, а как известно, где проблема, там и поиски решения. А где есть решение, там автоматически снимается трагедийный накал, ибо трагедия — это **неразрешимость** (во всяком случае, в пределах жизни земной). А раз нет трагической глубины, трагического пространства, то и чувства, соответственно, мельчают и уплощаются. И запредельно страшное перестает быть запредельным. И уже вроде бы не такое страшное. И уже не «быть или не быть?», а «что делать?». А раз «что делать?», то какова последовательность действий? С чего начать? Что выделить как главное? А вот это уже большой вопрос. Однородные члены предложения, они, знаете ли, могут поменяться местами. Сегодня одна проблема выступает на первый план, завтра иная. И, конечно же, немало зависит от индивидуального восприятия.

Помните, что сделал царь Эдип, когда узнал, что **невольно** вступил в кровосмесительный союз с собственной матерью? Он отказался от престола, бежал из Фив и, не дожидаясь кары богов, покарал себя сам — выколол себе глаза. Но это, как принято теперь говорить, его проблемы.

Перед героиней романа Вудса «Под озером», явно претендующего на незаурядный психологизм, в аналогичной ситуации встают проблемы, более актуальные и для сегодняшнего дня, и для данной личности. Журналистка Скотти Макдональд ведет независимое расследование, в результате которого выясняется, что главный преступник — это местный шериф. У Скотти — а она девушка горячая — возникает с ним мимолетная сексуальная близость. Что, впрочем, нисколько не вредит независимости ее следовательской и журналистской работы. Кульминационная точка в развитии сюжета — когда Скотти узнает, что шериф на самом деле ее родной отец. Журналистка потрясена. Но что больше всего волнует современную мисс Эдип? Что вызвало самые сильные эмоции, бурный поток слов? «Проблема инцеста»? Ну, в общем, нельзя сказать, что она осталась совсем незамеченной.

— Честное слово, мне очень жаль, Скотти, — сказал Бо, — но я просто не знал… (Имеется в виду: не знал, что она его дочь — *И. М., Т. Ш.*).

— Я верю, Бо, — кивнула Скотти, — и постараюсь взять себя в руки.

Из прелестных глаз дочери выкатывается несколько слезинок, но уже через пару минут эти вполне зрячие глаза по-прежнему остро и оптимистично смотрели на мир. Никаких эдиповых комплексов!

Гораздо больше Скотти волнует другое. Тут находятся и слова отчаяния, и восклицательные знаки. Это проблема профессионализма, а она, в свою очередь, предусматривает журналистскую объективность.

— Журналист обязан быть объективным и отстраненно воспринимать события! (Это она имеет в виду, что дочерние чувства могут ей помешать — все ж таки родная кровинка! — написать правду о преступной деятельности шерифа. Забегая вперед, скажем, что не помешали, — *И. М., Т. Ш.*) А я по уши завязла в этом дерьме! Я попала в западню собственной истории! Какой редактор этому поверит?

Разве читатели поверят мне? — Скотти всхлипнула.

«Вы еще пожалейте, что дыбу отменили! — возмутится оппонент. — Слава Богу, что сейчас и человек, и общество в целом стали легче ко всему относиться. А вы все варварство оплакиваете. Смягчение нравов свидетельствует как раз о развитии культуры. В том числе и сексуальной».

Что ж, вопрос интересный. Даже отчасти философский. И спорный. В каких-то случаях смягчение нравов — это свидетельство развития культуры, а в каких-то — совсем наоборот. Вот что говорит крупнейший западный этнолог и культуролог XX столетия Клод Леви-Стросс, изучивший множество самых разных, в том числе и архаических культур: «Запрещение инцеста — *первоэлемент* (курсив наш), на котором строятся все без исключения культуры, до сих пор существовавшие на земле, включая самые примитивные».

Нет, западное общество пока не отменило запрет на инцест. Напротив, принимается много конкретных мер, создаются специальные службы, пишутся инструкции, снимаются фильмы, ставятся спектакли… Но их создатели (и, конечно, потребители) попадают в ловушку. Вот уж где на редкость уместно вспомнить, чем вымощена дорога в ад! Широкое приобщение всех от мала до велика к обсуждению строго табуированных тем (когда, например, даже шестилетняя девочка из фильма об Амелии бросает своей старшей сестре упрек: «Почему ты сразу не отказала отцу?!» или уже в реальной жизни — американские школьники спрашивают совершенно незнакомого русского профессора, пришедшего к ним в класс: «Как вы относитесь к проблеме эбьюза и сексуальной защиты?») — это отнюдь не безобидные игры с коллективным бессознательным.

«Не будите спящую собаку», — предупреждает английская пословица. Русская звучит еще более определенно: «Не буди лиха, пока лихо спит». Впускать в сознание, упрощать и рационализировать запредельное, преступное — это (если уж мы обратились к фольклорным примерам) уподобляться зайцу из сказки про ледяную и лубяную избушку. Как известно, лиса, которую заяц по наивности впустил в свой домик, в конце концов вытеснила хозяина. Не с первого, правда, захода, а с третьего**, поэтапно**. Но выжила.

Коллективное бессознательное в чем-то очень напоминает сказочную лису. Заяц, гостеприимно распахнув двери перед лисой, был уверен, что она немного поживет на положении гостя, а потом, вежливо поблагодарив за постой, уберется восвояси.

Так и коллективное бессознательное. Пока оно в своей «лисьей норе», все в порядке. И даже когда оно время от времени совершает тайные ночные вылазки — это еще тоже ничего. Ошибка зайца заключалась в том, что он пустил лису на **порог**. С этого момента он перестал быть хозяином в своем доме. Так и человек, впустив коллективное бессознательное на территорию сознания, он должен быть готов к тому, что рано или поздно (скорее рано, чем поздно) гость, нарушая все правила этикета, поведет себя как распоясавшийся оккупант. И сознание вынуждено будет потесниться, съежиться и в конце концов окажется загнанным на периферию. А что, если именно в этом кроется истинная разгадка распространения эбьюза — сдвига, который все-таки, сколько ни объясняй, сколько ни выстраивай причинно-следственные связи, остается уму непостижимым кошмаром?

Можно привести и другую аналогию. Не из сказки, а из жизни. Обычно человек ходит, не задумываясь о последовательности действий, автоматически. Ум его в это время свободен как для мыслей о хлебе насущном, так и для поэтического вдохновения. Но если из подошвы вылез гвоздь и впился в ступню, тут же появляется «гвоздь в голове»; как поставить ногу, как переместить центр тяжести, чтобы не наступить на больное место. Эти мысли становятся доминирующими. С поэтическим вдохновением уже, конечно, хуже. Ну а мысли попроще — что ж, они вполне возможны. Но уже в присутствии или даже под руководством «гвоздя». «В случае, когда ребенок стремится обниматься с терапевтом, забираться к нему на колени, следует проявлять осторожность и попытаться понять мотивы, руководящие ребенком… Терапевту захочется ответить ребенку тем же, но тут следует быть осторожным. Подвергался ли этот ребенок сексуальному насилию? — пишет Г. Л. Лэндрет в уже цитировавшейся нами книге „Игротерапия: искусство отношений“. — Может быть, ребенку объясняли, что если ты кого-то любишь или кто-то тебе нравится, то продемонстрировать это можно только в сексуальных проявлениях?.. Сексуальные посягательства достигли сейчас таких эпидемических размеров и стали настолько эмоционально значимыми проблемами в нашем обществе, что больше уже нельзя дать никакой четкой рекомендации относительно реакции на поведение ребенка, кроме как быть очень осторожным». Другие специалисты высказываются по данному вопросу гораздо более категорично и вносят в список ограничений следующий пункт: «Ребенку нельзя сидеть на коленях у терапевта». Не правда ли, это уже какая-то другая реальность? В присутствии «гвоздя». Реальность, в которой запрещения мочиться на пол, открыто мастурбировать и садиться к терапевту на колени — рядом, в одном списке. Особенно, если вспомнить, что речь идет о детях с хрупкой психикой, а значит — с повышенной жаждой ласки со стороны взрослых. Ну а чего стоит фраза о сексуальных посягательствах, которые достигли **эпидемических** размеров?! — «Да все они преувеличивают! — с

раздражением воскликнул уже не воображаемый оппонент, а вполне реальный наш приятель, только что вернувшийся из поездки в Штаты. — Я разговаривал там со знакомой, она врач-педиатр. Неужели, спрашиваю, тут на самом деле так много этих эбьюзов? Что, все с ума посходили, что ли? И она мне все объяснила. “Что ты, — говорит, — это вопрос чисто финансовый. Знаешь, тут сколько баб заявляет по этому поводу в суд на своих мужей, лишь бы содрать с них деньги? А заинтересованных много. Это ж кучу рабочих мест можно организовать! Считай, новое направление и в терапии, и в педагогике, и в юриспруденции…” А вы, — сказал нам приятель, — наивно верите этим дутым цифрам, этой рекламной шумихе».

Даже если и так, даже если «все врут календари», и почтенные коллеги на международных научных конгрессах сообщают ложные цифры… Тогда уже неизвестно, что хуже — муж-извращенец или жена, способная так оклеветать близкого человека? Отец-совратитель или мать, говорящая дочери: «Малышка, твоей маме сейчас так нужны деньги! Я не хочу, чтобы лучшие годы нашей жизни прошли в этой дыре. А дом в приличном районе, сама знаешь, сколько стоит. Нам не хватит даже на первый взнос». Ну а дальше, объясняет, что надо сказать в суде про папу, чтобы с него в судебном порядке взыскали недостающие денежки. Как будет себя чувствовать девочка, если она на это согласится? Как сложатся в дальнейшем ее отношения с отцом? А во взрослом возрасте — с мужем? С собственными детьми? Что испытает за время следствия и суда отец? Пойдет ли он в тюрьму или, выложив кучу денег за несовершенный эбьюз, все-таки наскребет (а ведь это тоже немалые средства!) на полугодовой курс психотерапии и вернется в семью? В улучшенные жилищные условия? Честно говоря, в этом не хочется разбираться. Новая реальность, реальность «второго витка» настолько запороговая, что ее лучше и оставить за порогом сознания. Оторопь наших соотечественников, потрясенное «Не может быть!» — это и есть нормальная защитная реакция. Нас, к сожалению, уже просветили. Мы уже не можем защититься восклицанием «Не может быть!» Знаем, что может. И бывает. И есть. Но мы тоже имеем право защитить свое сознание. И поэтому смеемся. Ведь существует такое понятие — «охранительный смех».

Не вживаясь в образы персонажей новой реальности, по соображениям психической безопасности не желая влезать в их шкуру, мы все же обратим внимание читателей на ту особенность, которая сразу, без дополнительного анализа, бросается в глаза. Это пресловутое одиночество, которому посвящено великое множество произведений западной литературы и искусства. Оно, одиночество, теперь тоже вышло на какой-то новый виток. Еще недавно частым мотивом было: нас двое, против нас — весь мир. Но мы — выстоим! То есть в мире индивидуальной борьбы, в мире самостояния все же сохранялись малые очаги общности, единства. На уровне семьи.

Теперь мы утверждаем это с уверенностью — картина принципиально изменилась. Когда табу, составляющие первоосновы любой культуры, как бы рассекречено, выведено из сферы коллективного бессознательного в сознание, человек уже отделен от другого человека, в том числе и от самого близкого, стенкой подозрительности, настороженности. Друг тебя обнял за плечи. — А не голубой ли он? Гость, войдя в дом, поцеловал ребенка. — Может, он педофил? Отец переносит на кровать заснувшую в кресле у телевизора десятилетнюю дочь. А у матери невольно мелькает мысль: не испытывает ли он в этот момент вожделения к девочке? И что самое обидное: у большинства в ноге «гвоздя» нет, а в голове уже засел.

Кто-то скажет, что все это «марсианские хроники» и для нас совершенно не актуально. Если бы так… Но в последнее время мы все чаще слышим от родителей подобные тексты: «Мой сын так любит возиться с мальчишками! Борется, катается по полу. Скажите, у него нет скрытых гомосексуальных наклонностей?» (Иногда говорят «гомосексуалистических» — вероятно, по аналогии с социалистическими.) И это те самые родители, которые непритворно ужасаются, когда слышат о западной «проблеме номер один». Но ведь они точно так же ужасались и не верили, слыша, что в некоторых странах разрешены однополые браки. И это было совсем недавно.

«Проблема» у порога. И от того, откроет ли наше общество двери избушки-сознания или все же удержится от такого небезопасного гостеприимства, зависит… А впрочем, чтобы избежать обвинений в излишней патетике, лучше процитируем несколько строк из книги Ксении Касьяновой «О русском национальном характере»: «Репрессивные культуры очень сильно сопротивляются всякому изменению. Когда же наконец происходит сдвиг сознания, он касается, ни много ни мало, абсолютных точек отсчета. Тогда культурные скрепы распадаются вообще, изменение приобретает неконтролируемый, страшно разрушительный характер».

Особенно это актуально, если вспомнить, что сегодня на роль хозяев жизни, а следовательно, законодателей этических норм, претендуют люди, обладающие немерены ми деньгами. И у многих «новых русских» сознание — это, мягко говоря, не самое главное достоинство. Им **нечем** будет осознать содеянное. И кто с ними вступит в борьбу? Общественное мнение? Или мощные социальные институты? Или, как выражался Гоголь, «неподкупные головы Фемиды»?

А если учесть русскую масштабность, страсть к размаху, то можете не сомневаться: отечественный эбьюз затмит свой западный прототип. А вот с правовым государством выйдет, как всегда, маленькая заминка. В общем, будут и «временные трудности» и — «все не так однозначно».

Между прочим, везде все не однозначно. Помните, мы обещали давным-давно, в первой части этого обширного опуса поговорить о финале фильма про бедняжку Амелию? Думаете, забыли? Нет, но тоже к финалу припасли. Вот мы писали «одиночество», «самостояние»… Глупости все это! Учили нас классики: человек — животное общественное? Так оно и есть! Новая реальность — новая общность. Иногда, ностальгически вздохнув, думаешь: «Куда все делось? Братство, оптимизм, солидарность?.. Где дружба народов? Неужели о ней теперь напоминает только безводный фонтан на ВДНХ?»

И вдруг — о чудо! — милые призраки оживают вновь на маленьком пространстве голубого экрана. Последние кадры «Амелии»… В нарядно убранный зал, одна за другой прибывают супружеские пары. Белые и черные, китайцы, индейцы, индусы, латиноамериканцы. Кто-то в общеевропейском одеянии, а кто-то в национальном костюме. Пары входят рука об руку, рассаживаются и ослепительно улыбаются собратьям по эбьюзу. Их объединяет общая цель, общее дело. Индивидуальная психотерапия позади. Впереди групповая. Теперь они вместе преодолеют последние преграды к счастью! Где же музыка? Самое время грянуть гимну! (См. заглавие.)

1995

В ПЛЕНУ У «УМНОГО ЯЩИКА»
Т. Шишова

В шестидесятые годы символом благосостояния нашего народа был телевизор, в семидесятые — магнитофон, в восьмидесятые — видео. Ну а в начале девяностых — персональный компьютер. Его привозили из-за границы, а потом торжественно показывали гостям, уверяя, что с приобретением компьютера у людей начинается принципиально другая жизнь, ибо он открывает перед ними **такие** горизонты, дает такие возможности… Короче, «вам и не снилось».

Теперь компьютером никого не удивишь. По крайней мере, в Москве. И, как часто бывает, голубая мечта, сбывшись, постепенно посерела. А местами даже почернела.

Выяснилось, что компьютер, конечно, облегчает человеку жизнь, но смысл жизни к нему не сводится. А у кого сводится, тот (точнее, его психика) вызывает серьезные опасения. Погружаясь в виртуальный компьютерный мир, человек отчуждается от реального, перестает интересоваться окружающим миром, аутизируется.

Особенно уязвимы в этом отношении дети и молодежь, что вполне понятно: они еще не сформировались и легко поддаются влияниям. А мир компьютерных игр так заманчив, красочен и, главное, **моден**! Его усиленно рекламируют и в роскошных глянцевых журналах, и по радио, и по телевизору. Кто может устоять перед таким соблазном?

Дети, по крайней мере, не могут. И в последние годы все больше родителей сетуют на то, что их чада слишком много времени проводят за компьютером, пренебрегая уроками, чтением книг, рисованием, посещением кружков и общением с друзьями. Потому что какое это общение, если ребята часами нажимают на кнопки, перебрасываясь только короткими восклицаниями типа: «Ах, ты так? А я тебе так!.. Ты куда? Получай! У, блин, промазал»!

Школа юного садиста

Особенно волнуются мамы, что совершенно понятно. Не разделяя чисто мужского преклонения перед техническим прогрессом, они склонны обращать внимание на морально-этическую сторону новейших достижений.

А компьютерные игры буквально нашпигованы всякой нечистью: монстрами, скелетами, привидениями, киборгами, злобными орками, людоедами… Ну а дети под предлогом борьбы со злом настраиваются, я бы даже сказала — программируются, на садизм.

Вот, например, какие «полезные советы» дает компьютерный журнал «Страна игр» ребятишкам, соблазняя их сыграть в игру «Аллоды: печать тайны». «Миссия десятая. Логово людоедов. Как не сложно догадаться, в этой миссии вам придется мучить толстых, волосатых монстров неопрятного вида, в простонародье именуемых людоедами. Опасного ничего нет, а денег можно загрести кучу… По пути вам встретится парочка первых людоедов, забейте их в полном соответствии с традиционной стратегией забивания крупной дичи… Перед мостом зарежьте еще одного несчастного толстяка, заберите его скромные сбережения и продолжайте свой путь… Разные хрюшки-зверюшки вас, я надеюсь, не остановят, а перебить десяток бледно-желтых гоблинов не составит никакого труда…»

Неудивительно, что многие дети, насытив свою фантазию этими страшными образами, начинают пугаться темноты, жалуются на кошмарные сны, боятся оставаться одни в комнате.

Четырехлетний Ванечка панически боялся игры «Mortal Combat 4» («Смертельный поединок 4»). Сам он еще играть в нее не умел, но видел, как играли двоюродные братья. Жуткие сцены мордобоя преследовали малыша в ночных кошмарах, он мочился в постель, сильно заикался. Однако всякий раз, когда братья запускали при нем эту игру, Ваня завороженно следил за побоищем. А если его пытались увести в другую комнату, плакал и сопротивлялся.

Навязчивый страх темноты, смерти, одиночества и проч. характерен не только для маленьких детей, но и для подростков, увлекающихся компьютерными играми.

Вы скажете:

— Но детей ведь не оторвать от экрана! Если б им было по-настоящему страшно, они бы не стремились к подобным играм.

Однако страшное не только пугает. Оно еще и завораживает. Особенно когда происходит не с тобой, а с кем-то другим. Взрослые люди тоже любят пощекотать себе нервы «ужастиками», но только психика у них устойчивей. (И все равно перебор «страстей-мордастей» зачастую приводит к нервному срыву!)

Я уж не говорю о том, что движущиеся изображения на цветном экране сами по себе, независимо от содержания игры, обладают определенным гипнотическим эффектом. А музыка этот эффект усиливает еще больше. Вы, наверное, и по себе замечали, как трудно бывает оторваться от экрана телевизора. Он притягивает, словно магнит. И ведь знаешь, что показывают «муру», а встать и выключить сил нет. С компьютером то же самое.

Воспитательный эффект от подавляющего большинства компьютерных игр, мягко говоря, сомнителен, ибо их смысл почти всегда сводится к убийству. А где-то ребенка могут заодно приобщить и к реалиям уголовного мира. Снова обратимся к красочному детско-подростковому журналу.

На сей раз рекламируется игра «Дон Капоне»: «Гордость и отрада семьи Клерикузо: 4 казино, приносящих по 4 млн. долларов в неделю каждое, и стриптиз-клуб, дающий 3,5 млн. долларов чистыми… Любые проблемы решаются за три выстрела… заодно и курьеров постреляем немного… Окно найма новых гангстеров (с такими умопомрачительными доходами нам доступны все девять профессий подпольного мира: вышибалы и стрелки, налетчики и снайперы, воры и киллеры, гробовщики, террористы и шоферы)».

Наверное (даже наверняка!), взрослым, сочиняющим подобные рекламы, все это кажется забавной шуткой. Но родителям ребят, напитавшихся психологией таких компьютерных игр, не до шуток.

Но разве раньше дети не играли в войну?

— Можно подумать, что раньше дети не играли в войну, — возражают сторонники компьютерных игр (обычно из стана мужчин). — А игра в солдатики? Там что, не убивают? А казаки-разбойники? Да если на то пошло, при игре в шашки и шахматы тоже, между прочим, совершается символическое убийство! Ведь фигуры противника едят! Чем это не убийство, скажите на милость?

Так-то оно так, но кроме подобных игр у ребят была еще масса других, в которых никаким истреблением врагов даже не пахло. Теперь же игры типа лапты, городков, штандра, вышибал, горелок, бояр и проч. почти никому из современных мальчиков и девочек неизвестны. Настольные игры тоже в чести не у всех. Многим детям, сызмальства привыкшим к острым, захватывающим ощущениям, которые предоставляет компьютер, настольные игры кажутся чересчур пресными. А уж про ролевые игры, когда ребенок спонтанно разыгрывает целые импровизированные спектакли, и говорить нечего. Это теперь «кино не для всех». У большинства не хватает фантазии. Но даже те, кто играют, обычно разыгрывают батальные сцены, до боли напоминающие эпизоды компьютерных игр. Их фантазия тоже не идет дальше разнообразных видов магии и физического уничтожения противника.

И потом, когда дети гоняются друг за другом с пластмассовыми пистолетами, крича: «Падай! Я тебя убил!», это, согласитесь, мало похоже на настоящую войну. В компьютерных же играх все очень натуралистично. Там реализм — одна из главных приманок. В описании новых игр специально подчеркивается, что новый вариант еще реалистичнее предыдущего. Лужи крови, мозги на стенах, оторванные головы — все это изображается ярко и красочно. И сцены насилия прочно застревают в подсознании ребенка.

«Невероятная по красоте графика. Кругом лишь трупы, кровавые ошметки плоти и лужи крови… за стенами слышатся жуткие вопли и звуки отрываемых рук и ног. Разряды электричества, хлюпанье крови, рев монстра и скрежет когтей. Дверь открывается и… нам в лицо радостно летит оторванная нога, демонстрируя свои незаурядные аэродинамические свойства», — расписывает достоинства очередной игры все та же «Страна игр».

И многие дети изо дня в день напитываются таким «питательным бульоном».

Новый вид наркомании

Детские врачи уже обратили внимание на то, что световые мелькания на компьютерном дисплее навязывают свои ритмы коре головного мозга. В результате у детей, увлекающихся компьютерными играми, могут возникнуть судороги и даже эпилептоидные приступы. А не так давно в Японии разразился скандал, связанный с тем, что компьютерная графика в мультфильме спровоцировала у маленьких японцев массовые эпилептические припадки!

Детских психиатров волнует еще и то, что любители компьютерных игр привыкают находиться в так называемом «пассивном возбуждении», когда удовольствие достигается без усилий, просто путем возбуждения подкорковых структур, заведующих этой эмоцией. Это оказывает расслабляющее влияние на личность, отбивает инициативу, действует как наркотик. Недаром такие дети ничем другим не интересуются, становясь как бы придатком к компьютеру.

Глядя на них, невольно вспоминаешь жестокий эксперимент, который когда-то был проведен над крысами. Им вживляли электроды в участок мозга, где располагается центр удовольствия, и крысы, позабыв про еду и питье, до исступления нажимали на педаль, стимулируя этот центр.

По моим, да и не только моим наблюдениям, особенно увлечены компьютерами так называемые «проблемные дети»: дети с заниженной самооценкой, плохо успевающие в школе, испытывающие трудности в общении со сверстниками и т. п. Иными словами, чем больше у ребенка психологических барьеров в жизненной реальности, тем глубже он погружается в виртуальную.

Конечно, уход в мир фантазий, грез и игры всегда был присущ людям с хрупкой психикой. Но чтение книг и тем более творчество требуют усилий. А тут все просто, и при этом у человека создается впечатление собственного всемогущества. Вы только представьте себе: ребенок сидит перед экраном и распоряжается жизнью и смертью крошечных человечков. Простым нажатием кнопки он может уничтожить десяток врагов. В действительности же он не умеет практически ничего: ни дать сдачи обидчику, ни залезть на дерево, ни подтянуться на турнике, ни затеять с ребятами по двору игру в казаки-разбойники. Но ему все это и не нужно! Зачем, когда есть гораздо более легкий способ ощутить себя суперменом?

Вот и растут наши дети физически ослабленными, боящимися реальной жизни. Притязания у них завышены, а волевой потенциал, необходимый для того, чтобы добиться желаемого результата, маловат. При малейшей трудности они пасуют, не доводят дело до конца и именно поэтому зачастую плохо учатся, не любят читать, не проявляют интереса к творчеству. В результате несоответствия завышенных притязаний ребенка его реальным возможностям в душе возникает внутренний конфликт, дискомфорт. И как следствие — еще большая невротизация. Компьютер же дает «проблемным» детям шанс уйти от неприятной реальности и почувствовать себя победителями. Беда только в том, что виртуальная реальность затягивает, это своего рода наркотик.

В странах Запада психиатры уже объединяются в специальные ассоциации для помощи пострадавшим от компьютерной наркомании. (Такая ассоциация создана, например, в Германии.)

Появляются жертвы «умного ящика» и у нас. Вот очень типичный случай. Костя с детства был робким и необщительным. А в старших классах замкнулся еще больше. Единственным местом, где он чувствовал себя нормально, был компьютерный клуб. Постепенно Костя стал проводить там все больше и больше времени. Теперь он практически не учится, ворует деньги и просиживает в клубе с утра до ночи. Стал агрессивным, совершенно утратил контакт с родителями, но даже слышать не хочет об изменении образа жизни. Производит впечатление одержимого, но считает себя абсолютно здоровым, а свое поведение — нормальным.

Другой юноша — назовем его Глебом — тоже незаметно пристрастился к компьютерным играм. Но, в отличие от Кости, более адекватно воспринимает реальность. Глеб понимает, что с ним творится неладное, хочет отказаться от игры в компьютер, но сделать этого не в состоянии. Стоит ему не поиграть хотя бы один день, как у него начинается типичная «ломка». Мать водила его к нескольким психиатрам. Толку чуть. Врачи разводят руками. Для них это тоже совершенно новое явление, и непонятно, с какого боку тут подступиться. Прописанные лекарства не помогают.

Но даже если ребенок не становится компьютерным наркоманом, «умный ящик» все равно разрушительно действует на его здоровье. Вот что рассказала в интервью газете «Клиент» (16-20 октября 2000 г.) заведующая отделом НИИ гигиены и охраны здоровья детей и подростков Научного центра здоровья РАМН Марина Степанова: «В первую очередь страдает зрение… Риск появления или прогрессирования уже имеющейся близорукости возрастает. У ребенка может возникнуть компьютерный зрительный синдром, напоминающий конъюнктивит: глаза краснеют, и ощущение такое, как будто в них насыпали песок… Ребенок замыкается в виртуальном мире и не получает

навыков общения, а это пагубно влияет на психику… Мы проводили специальное исследование и выяснили, что дети сильно устают от всевозможных „стрелялок“ и „догонялок“… У особо эмоциональных игроков даже подскакивает давление. Аркадные игры провоцируют агрессивность».

В общем, хотя влияние компьютерных игр на психику человека изучено пока мало, даже то, что уже известно, выглядит не особенно привлекательно. Поэтому трижды подумайте прежде, чем покупать ребенку компьютер или игровую приставку. Мало ли что он просит?!

Несколько лет назад я была в Германии, и меня поразило, что почти ни в одном доме (а я общалась с очень большим количеством людей) не оказалось ни компьютера, ни всяких там «Денди» и «Нинтендо». Не потому что моим знакомым это было не по карману! Отнюдь! Люди они были вполне состоятельные. А на мои удивленные вопросы в один голос отвечали, что не хотят вводить в соблазн своих детей. И ничего, дети не чувствовали себя обделенными! Можно время от времени разрешать им ходить в компьютерный клуб. Там и игры самые модные, и стоит это не так дорого. Хотя тут тоже трудно соблюсти меру. Описанный мной подросток Костя мало-помалу стал жертвой именно такого компьютерного клуба. И подобные случаи, к сожалению, не единичны.

Но если компьютер все-таки куплен…

Конечно, бывает, что без компьютера в доме не обойтись: он требуется взрослым для работы. Но не секрет, что родители нередко покупают «умный ящик» не для себя, а в подарок ребенку, то есть исключительно для игр. А потом сетуют, что им трудно ограничить чадо в пользовании его собственной вещью. Но ведь это так понятно! Как говорится в одном бородатом анекдоте, «моя селедка, куда хочу — туда и вешаю». Вы же потом еще и будете самодурами, отнимающими у несчастного дитяти подарки. Так что разумнее не создавать ситуации, из которой потом будет сложно выпутаться. Лучше с самого начала расставить нужные акценты.

Даже если вам лично компьютер не особенно нужен, но вы считаете, что современный ребенок не в состоянии прожить без «стрелялок» и «бродилок», не афишируйте это. Сделайте вид, будто покупаете компьютер себе. Тогда вам легче будет устанавливать правила пользования.

А они должны быть достаточно жесткими: полчаса, максимум час в день. На самом деле и этого слишком много. Врачи говорят, что шести-семилетние дети могут без ущерба для здоровья заниматься за компьютером не более 10 минут. Ученики 2-3-го класса — 15 минут. В 4-6-м классе норму можно повысить до 20 минут, в 8-9-м — до 25 минут, и только в 10-11-м — до получаса.

Ваш ребенок, конечно, проявит недовольство, но ему надо популярно объяснить, что подолгу сидеть перед дисплеем вредно для здоровья. Услышав знакомую мотивировку, он, скорее всего, не будет сильно возмущен этими ограничениями. В конце концов, вы же следите за тем, чтобы он (хотя бы приблизительно!) соблюдал режим дня, читал и писал в хорошо освещенном помещении, не утыкался носом в телевизор, чистил зубы, не ел много сладкого и проч. и проч. Главное, чтобы это не выглядело как наказание.

Не ставьте компьютер в детской. Это опять же предрасполагает к бесконтрольному пользованию. А если вы будете каждые две минуты заглядывать в комнату, проверяя, чем занимается ваш ребенок, он сочтет, что вы за ним шпионите.

Для снижения дозы электромагнитного излучения стол, на котором стоит компьютер, должен быть не меньше 60 см в ширину. Старые модели мониторов (примерно пятилетней давности) намного утомительней для глаз, чем современные, выпущенные известными фирмами.

Следите также за тем, чтобы ребенок во время работы за компьютером не сидел спиной к окну: блики на экране портят зрение.

(Мимоходом замечу, что особенно опасны для здоровья компьютерные классы, где столы с компьютерами стоят друг за другом, как школьные парты, и за спиной у ребенка оказывается задняя сторона монитора. Ведь современные мониторы сконструированы так, чтобы максимально снизить излучение от экрана. А это, соответственно, увеличивает излучение в других направлениях. Специалисты советуют расставлять в таких классах столы «в шеренгу».)

Заинтересовывайте ребенка разными другими играми. В последнее время психологи и педагоги заволновались, что традиционные детские игры находятся на грани вымирания, и в книжных магазинах появилась литература, из которой можно узнать правила многих несправедливо забытых игр. Не поленитесь сходить в магазин или в библиотеку, а потом увлечь ребенка ручейками или горелками. В данном вопросе (как, впрочем, и во многих других) залогом успеха будет энтузиазм взрослого.

Важно и приучать ребенка мастерить, рисовать, лепить — в общем, что-нибудь делать руками. Если квартира позволяет, выкроите ему уголок для мастерской. Увлекшись каким-нибудь ремеслом, ребенок будет меньше тянуться к компьютеру. Но только надо проявить упорство, вовлекая его в новую деятельность, ведь «проблемные» дети боятся неудач и предпочитают заранее отказаться от всего того,

что кажется им чересчур сложным.

Не внушайте ребенку отношение к компьютеру как к сверхценности. Так, например, не нужно, чтобы возможность поиграть в компьютер была для ваших детей лучшей наградой за труды. «Умному ящику» следует отвести более скромное место в ряду других занятий. Давайте ребенку понять, что в эти игры чаще всего играют со скуки, когда больше нечего делать. И не только на словах, но и на деле демонстрируйте ему, что в мире очень много интересного.

Ни в коем случае не демонизируйте «агрегат» жалобами на то, что ребенка от него не оторвать. Вы ведь таким образом расписываетесь в собственном бессилии и предрешаете свое поражение.

Если вы почувствуете, что компьютер начал затягивать вашего ребенка, поскорее займитесь выявлением психологических причин, по которым вашему сыну (от компьютера обычно не оторвать мальчишек) милее всего общество «умного ящика». Если он подражает друзьям, сведите его с детьми, у которых не такие суженные интересы. Уверяю вас, далеко не все современные дети — компьютерные фанатики! Если же причина в нем самом, выявите ее и постарайтесь устранить. Да, есть дети, которых нужно учить общаться. И это труднее, чем обучение чтению и письму. Но не надо жалеть сил, ведь если пустить все на самотек, благоприятный период для овладения самым, может быть, необходимым для человека навыком — навыком общения — будет упущен. И когда вы спохватитесь (а рано или поздно это произойдет, ибо столь важный пробел неизбежно скажется на многих сторонах жизни ребенка), многое будет уже невосполнимо.

Игры играм рознь

— Но разве среди моря компьютерных игр совсем нет хороших, полезных? — спросите вы. — Неужели все они жестокие и примитивные?

Нет, конечно. Есть развивающие игры, которые обучают малышей совмещать цвета, воссоздавать по памяти картинки, составлять предметы из геометрических фигур и т. п. Компьютер помогает ребенку научиться читать, изучать иностранные языки. Есть компьютерные энциклопедии, преподносящие ребенку знания в занимательной игровой форме. Широкой популярностью пользуются и так называемые интерактивные книги, напоминающие пластинки с любимыми сказками, но включающие в себя также игры, тренирующие память и внимание, предлагающие выполнить различные интересные упражнения на развитие навыков чтения, знакомящие юных пользователей с английским языком.

Дошкольникам и младшим школьникам можно предлагать «пазлы»: это развивает пространственное и логическое мышление. Дети с удовольствием играют и в филологические игры типа «Поля чудес». Им, естественно, хочется немного побыть на месте участников популярной телепередачи, а на дисплее все, как в телеэкране: и колесо фортуны вертится, и очки выпадают, и даже буковки, как в телепередаче, открывает длинноногая ведущая.

Да и чисто развлекательные игры не однородны. Одно дело тупой мордобой (так называемые «стрелялки»), где все мастерство игрока сводится к умению нажимать на кнопки. И другое — «квесты» (от английского «quest» — «поиски»). В детских «квестах» действуют герои мультфильмов, там никого не надо убивать, в этих играх много по-настоящему смешного. А смысл игры сводится к достижению цели путем решения логических задачек.

Скажем, тебе надо открыть входную дверь, а в твоем распоряжении только веревка и ключи от машины. Что делать? — Ты внимательно смотришь на экран и замечаешь грузовик. Так… А что если привязать веревку одним концом к дверной ручке, другим к кузову, завести мотор и тронуться с места?

Подобные игры развивают не только абстрактное мышление, но и чисто бытовую смекалку, готовят детей к ситуациям, с которыми те могут столкнуться в реальной жизни. Между прочим, в «квестах» и мир более дружелюбный. Во-первых, он не делится только на своих и чужих, там много нейтральных персонажей, которые занимаются своими делами и не вовлечены в перипетии сюжета. А во-вторых, сообщников у ребенка больше, чем противников. Согласитесь, в свете всего вышеизложенного это немаловажная деталь.

А если компьютер — это призвание?

Что ж, такое тоже, конечно, бывает. Но тогда тем более следует ориентировать детей на творчество. Однако на творчество особого рода — с применением компьютера. Пусть «умный ящик» станет лишь удобным инструментом для решения творческих задач. Как резец в руках скульптора. Ведь компьютер действительно дает человеку широкие возможности.

Например, дети могут делать компьютерные мультики. Причем необычайных способностей для этого вовсе не требуется. Программы «Логомиры» и «Amazing Animation» вводят детей в мир

компьютерной графики, позволяют им создать и, главное, оживить свой собственный мир.

Разумеется, поначалу работа мультипликатора потребует помощи взрослого, но не бойтесь. Во-первых, это действительно интересно, а во-вторых, ничто так не сближает поколения, как интересная совместная деятельность. Кстати сказать, в этом случае компьютер позволит ребенку преодолеть страх неудачи, поскольку рисунок на экране — вроде бы не совсем настоящий рисунок. И так называемый страх чистого листа тут не столь силен. Ну а вдобавок, компьютер позволяет быстро перебрать множество вариантов, остановившись на самом приемлемом.

— Однажды мы на занятии рисовали собаку, — рассказывает руководитель уникальной московской мультстудии Евгений Генрихович Кабаков, обучающий ребят компьютерной анимации, — а одна девочка наотрез отказывалась. «Не умею — и все!» Тогда я ей предложил нарисовать хвост. Только хвост — больше ничего. А для затравки нарисовал «мышкой» какую-то закорючку. «Ну как? — говорю. — Подходит? Нет? А вот такая?» Мы перебрали с ней несколько вариантов и в конце концов выбрали подходящий. Потом я принялся точно так же малевать собачьи ноги… И вдруг девочка воскликнула: «Все! Дальше я сама! Я все поняла».

Постепенно они составили картинку, девочка вошла во вкус и стала работать самостоятельно. А вскоре начала рисовать и на бумаге, преодолев страх неудачи.

— Очень важно, — считает Евгений, — то, что компьютер предоставляет детям возможность вернуться на несколько шагов назад. Ведь как бывает, когда дети рисуют карандашами или красками? Ребенок «запарывает» свою картинку и впадает в отчаяние. Вот, мол, было так красиво, а теперь мазня… Он не верит, что ему удастся заново воспроизвести удачный вариант и потому вообще отказывается рисовать. А в памяти компьютера эти варианты сохраняются. Когда дети осознают, что прошлое не пропадает бесследно, для многих это бывает настоящим потрясением. У них словно вырастают крылья.

Для детей помладше существует вариант «Перволого», в котором есть специальные заготовки — так называемые «проекты». Ребенок может сделать открытку, выложить мозаичный узор, нарисовать картину, потом отпечатать это на принтере и получить уже не виртуальное, а совершенно реальное произведение, которое можно с гордостью демонстрировать знакомым.

И вот что характерно: дети, которых удалось заинтересовать компьютерным творчеством, теряют интерес к компьютерному смертоубийству. Что, впрочем, неудивительно. Человек, привыкший к качественной пище, уже не хочет довольствоваться дешевым суррогатом. Но сперва он должен почувствовать разницу.

Компьютер не молоток

Да, конечно, демонизировать компьютер не стоит. Но и тешить себя мыслью, что это просто удобный инструмент, ничем принципиально не отличающийся от других инструментов (скажем, молотка), тоже не следует. Молоток не выдает таких красочных, завлекательных образов, не вступает в интерактивное общение, не оказывает гипнотического эффекта, не может программировать поведение человека.

Поэтому хорошенько взвесьте свои силы прежде, чем ввязываться в авантюру с приобщением ребенка к миру компьютерных игр и интернета. Некоторые специалисты высказывают мнение, что компьютерные «чаты» затягивают подростков не меньше, если не больше, чем игры. Недавно я убедилась в этом сама.

Мне позвонила незнакомая женщина. Сославшись на такого-то и такого-то, давшего мой телефон, она рассказала печальную историю. Ее мальчик рос умным и талантливым. Он писал стихи и рассказы, интересовался историей, очень много читал. Но физическое здоровье у него было слабым, и в девятом классе, после очередной долгой болезни, родители решили перевести его на домашнее обучение. А чтобы восполнить единственному сыну нехватку общения со сверстниками, купили первоклассный компьютер с подключением к интернету.

За полгода парень изменился до неузнаваемости. Теперь он почти не отходит от компьютера, книг не читает, стихи и рассказы забросил. Целыми днями лазит по компьютерной сети, «сидит в чатах», стал агрессивным, замкнутым, черствым, эгоистичным. Женщина плакала, а я не знала, что ей посоветовать, к кому направить за помощью.

Хватит ли вашего влияния на подростка, чтобы не допустить такого поворота событий? И к кому потом предъявлять претензии? Да и зачем? Дело-то будет сделано.

А разговоры про неотвратимость прогресса, которыми часто усыпляют себя современные люди… Неужели в жертву этому идолу нужно приносить все? Даже психику и здоровье собственных детей?

2000

«Я С ДЕТСТВА МЕЧТАЛ, ЧТО ТРУБАЧ ЗАТРУБИТ»

Теперь в школе разучивают не только песни о Родине.

Дочка нашей знакомой, придя из школы, что-то тихонько нашептывала на ухо своему младшему брату. В комнату вошла мама и спросила:

— Что ты шепчешь?

— Песню, — прошептала девочка.

— Небось, какие-нибудь глупости, — нахмурилась мама.

Девочка молча опустила голову. Но ее выдал младший брат. Тоненьким голоском, перевирая мотив, он запел:

Кругом война, а этот маленький.
Над ним смеялись все враги…

— Не враги, а врачи, — машинально поправила мама. У девочки потрясенно округлились глаза:

— А ты откуда знаешь?

— Что значит «откуда»? — в свою очередь удивилась мама. — Мы ее в школе учили. Я пела в хоре вторым голосом, а Лешка Линьков запевал. Да и по радио все время исполняли…

— И вам РОНО не запрещало?

— Чего-чего? При чем тут РОНО?

— А нам запрещает. Вернее, не нам, а нашей Татьяне Сергеевне. А Татьяна Сергеевна, она хорошая, она все равно нас учит. И директор хороший, он разрешает… Только по-тихому, чтоб в РОНО не узнали. А то Татьяну Сергеевну с работы выгонят… И ты, Федька, — обратилась девочка к младшему брату, — в саду не пой, не подводи Татьяну Сергеевну.

От этих объяснений у мамы голова и вовсе пошла кругом. Она отправила детей во двор и стала мучительно думать…

Нет, ее не удивило, что вчера еще обязательную по программе песню сегодня запретили. Она как-никак прожила в своей стране три с лишним десятка лет. Ее мучил лишь вопрос: **почему**? Маленький мальчик отправился на войну… Ну, вроде про войну еще можно. Стал трубачом… «Как хорошо — не надо кланяться. Свистят все пули над тобой…» Про партию ни слова, про Ленина тоже ничего. А как там дальше? «Но как-то раз в дожди осенние // В чужой степи, в чужом краю // Полк оказался в окружении, // И командир погиб в бою…» И тут ничего такого…

По мере приближения к финалу мама все с большим азартом перебирала слова песни. И, наконец, почти торжествуя, воскликнула:

— Вот оно! Нашла!!

Слово оказалось одно… Но зато сколь «криминальное»! Поднимая людей на бой, маленький трубач «…встал в дыму и пламени. // К губам трубу свою прижал. // И вслед за ним весь полк израненный // Запел “**Интернационал**”!»

Да, трагическая история действительно повторяется на уровне фарса. Когда-то подпольщики тихонько, чтобы не услышал враг, разучивали революционные песни. Сегодня учительница потихоньку, чтобы не услышало РОНО, разучивает с детьми песню про юного героя. И опять запрещено слово «Интернационал»…

Нет, это все-таки не фарс, скорее — трагифарс. И дело тут даже не в слове «Интернационал», а в героях. Спросим себя: что за герои сегодня у наших детей? Есть ли они? Нужны ли они вообще?

Начнем с последнего вопроса. Нужны ли детям герои?

Во время бесед с родителями, правда, не так уж часто, можно услышать мнение: «Хватит, тут вся страна состояла из одних героев, и вот к чему это привело. Не герои нужны, а трезвые, практичные люди. Не к подвигам надо стремиться, а к нормальной человеческой жизни. А за подвиги теперь здесь и „спасибо“ не скажут. Вон, посмотрите на спасателей, которые бросились в Чернобыль после аварии… Времени прошло всего ничего, а кому они теперь нужны? Кто о них теперь вспоминает?»

Однако не было случая, чтобы у детей, с которыми мы занимаемся, — даже у малышей! — при слове «подвиг» не загорелись глаза. Будто это слово — сигнал, пробуждающий, как зов трубы.

Я с детства мечтал, что трубач затрубит,
И город проснется под цокот копыт,
И все прояснится открытой борьбой:

Враги — пред тобой, а друзья — за тобой…

Так начинается стихотворение Наума Коржавина «Трубачи». Вообще, надо сказать, что образ трубача — один из любимых романтических образов, причем не только у нас, поэтому особенно обидно, что песня про маленького героя, да еще трубача, «изъята из обращения».

Странно, вроде бы странно… Что там может отзываться в пятилетней малявке на слово «подвиг»? Тем более сейчас, когда эта тема так непопулярна, когда о героизме и подвигах в лучшем случае не говорят ничего. Наши дети уже не знают тех имен, которые были на слуху у нас: Олег Кошевой, Леня Голиков, Зоя Космодемьянская… Но подвигов ждут не менее, если не более страстно.

Если мы вспомним об архетипе, о родовой памяти, то ничего странного и удивительного в этом нет. Какие свидетельства дошли до нас на каменных скрижалях, керамических черепках, пожелтевших папирусах? Что люди прежде всего хотели оставить в памяти потомков? Описание своих подвигов. Какой самый древний жанр в литературе? Эпос, повествование о героях и их свершениях, то есть о подвигах. Эпос есть у каждого народа. Это, можно сказать, лицо народа.

Но если героическая легенда есть у каждого народа, значит, это для чего-то нужно?

С тех незапамятных времен, как люди стали называться людьми, они устремляли свой взор к небу, где обитали боги. Богам поклонялись, богов страшились, богам хотели подражать. Но боги были недосягаемы. Милость богов и близость к ним следовало заслужить. Заслужить отважными деяниями, подвигами. Человек, совершивший подвиг, приближался к богам, но в то же время — и это очень важно! — оставался человеком. Он был ближе, доступнее, понятнее, ему легче было подражать. Самим фактом своего существования герой как бы говорил другим людям:

— Вы тоже сможете возвыситься, если очень постараетесь. У вас есть надежда. Я тому пример.

То есть герой становился промежуточным звеном между людьми и богами. Можно дать множество объяснений тому, зачем, почему люди самых разных верований и культур стремились к возвышению (или, как мы говорим, к элевации). Но ни одно из них не будет полностью отражать суть. «Так надо трагедии», — написал когда-то крупнейший советский психолог Лев Выготский, размышляя о загадочном поведении шекспировского Гамлета. И здесь тоже: «Так надо трагедии». Так уж устроен человек.

Герои появлялись во все времена. И что самое важное — были у каждого народа свои.

— Но у России такие герои, что лучше б их и вовсе не было! — можно порой прочитать в нашей печати… — Разве это герои? Сплошные разбойники, убийцы… Стенька Разин да Емелька Пугачев… А уж Павлик Морозов… вообще! Донес на родного отца.

Что ж, давайте вспомним иноземных героев. Геракл, Улисс, Александр Македонский, Цезарь, Робин Гуд, Тиль Уленшпигель, Жанна д'Арк, Марат… Они что, цветы в лесу собирали или бабочек ловили? Если подходить к ним с обычными мерками, то есть если судить их по общечеловеческим законам, то все они были преступниками. Они или грабили, или убивали. Или и то и другое вместе. Но в том-то и дело, что человеческие мерки к ним не применимы, потому что они, герои, не совсем люди. Их отличают два главных свойства: способность к самоотречению и непоколебимая уверенность в том, что они действуют во имя добра, во имя идеала.

Героями, как и богами, лучше восхищаться на некотором расстоянии. Поэтому их и возводят на пьедестал. Иначе полыхающий в них огонь может опалить.

И это не только метафора. Совершая подвиг, герой неизбежно причиняет кому-то страдания. Да, таков парадокс героизма.

Возьмем самый, казалось бы, невинный случай, когда героическая личность никого не убивает, а наоборот, спасает. Спасает, жертвуя собой. Предположим, выносит из горящего дома чужого ребенка, получая при этом смертельные ожоги. Героический поступок? — Безусловно. Но дети самого героя остались сиротами, а жена — вдовой. А безутешные родители? А другие родственники? А друзья?

И это, повторяем, еще тот случай, когда герой, во-первых, не отнимал жизнь, а во-вторых, не брал на себя ответственность за судьбы тысяч, миллионов людей.

Если посмотреть под этим углом зрения на наших героев, в том числе и на оплеванного Павлика Морозова, то окажется, что они, безусловно, самые настоящие герои. Предать отца — страшное, чудовищное злодеяние, но не корысти ради, не ради кулацкого наследства Павлик Морозов пошел на это. Им владела идея справедливости (отец утаил зерно, изымавшееся для спасения голодающих), которая — нравится нам это или нет — безусловно, относится к разряду героических. Полезно помнить и финал Павлика: не возвышение по пионерско-комсомольско-партийной лестнице, а мученическая смерть. Что же касается отказа, отречения от самых близких во имя идеи, то это воспели наши отнюдь не «социалистические» классики. Перечитайте стихотворение Лермонтова «Гяур», где мать с проклятиями изгоняет сына, бежавшего с поля боя. А героический Тарас Бульба, которым Гоголь, обычно такой насмешник, искренне восхищается, — тот и вовсе убил своего сына-изменника?..

Кажется, читателю самое время задать вопрос. И даже не в очень-то вежливой форме:

— Так на кой черт нужны эти герои? Пропади они все пропадом! С какой стати я должен воспитывать ребенка на таких отвратительных примерах?! Гори синим пламенем это вселенское благо, если оно несет страдания близким. Хорошенькое благо — на костях? Не нужен мне герой! Пусть будет нормальным человеком.

Но в том-то и дело, что невозможно вырастить нормального человека, если не предлагать ему в период его формирования возвышенно-романтические, героические идеалы.

— Возвышенные? Романтические? А жизнь, она совсем не возвышенная. И она шмякнет с этих романтических высот мордой об стол. Тогда что? Разочарование? Душевный надлом?

Но исходя из этой логики и сказки читать вредно. Там тоже сплошные герои и подвиги. И все не как в жизни.

Да, разочарования неизбежны. Процитируем все то же стихотворение Наума Коржавина. Мы цитируем его потому, что оно как нельзя более ярко и емко иллюстрирует взросление души, которая воспитана правильно, то есть романтически. («Романтизм — это душа». В. А. Жуковский.)

И вот самолеты взревели в ночи,
И вот протрубили опять трубачи,
Тачанки и пушки прошли через грязь,
Проснулось геройство, и кровь пролилась.
Но в громе и славе решительных лет
Мне все ж не хватало заметных примет.
Я думал, что вижу, не видя ни зги,
А между друзьями сновали враги.
И были они среди наших колонн
Подчас знаменосцами наших знамен.

Автора ждали не только разочарования, но и такие страшные удары судьбы, которых не дай Бог никому. Правда, он об этом пишет сдержанно:

Жизнь бьет меня часто. Сплеча. Сгоряча…

Ну и что же он, воспитанный на иллюзиях, не готовый к жизненным испытаниям?

И все же я жду своего трубача.
Ведь правда не меркнет и совесть — не спит…
И на это ожидание жизнь отвечает сурово:
Но годы уходят, а он — не трубит.
И старость подходит. И хватит ли сил
До смерти мечтать, чтоб трубач затрубил?

Этот трагический вопрос кажется одновременно и трагической точкой. Конец иллюзиям, конец стихотворению. Но у стихотворения «Трубачи» другой конец:

А может, самим надрываться во мгле?
Ведь нет, кроме нас, трубачей на земле.

Романтически заряженная душа, пройдя через все, совершила прорыв и сделала по форме романтический, а по сути — мощный волевой и, главное, вполне реалистический выбор. Она, душа, не угасла, не погибла, и произошло это не вопреки, а благодаря романтическому заряду, романтической энергии. Идеал не ломает человека, а напротив, дает психическую опору. Дает силы жить. Пережить грязь, унижения, насилие. «Мужество быть» — так называется книга философа Пауля Тиллиха. Когда

жизненный вихрь сбивает с ног, очень важно знать, что кто-то устоял, кто-то на ногах удержался. У кого-то хватило мужества быть. Интересно, что даже те родители, которые активно не хотят давать своим детям романтическое воспитание, считая его ненужным или даже вредным, искренне недоумевают и возмущаются, когда видят в своем ребенке проявления трусости, эгоизма, равнодушия.

Ему жалуются на неприятности на работе или в семье, а он: «Извините, это **ваши** проблемы».

Его спрашиваешь, почему он девушку до дома не проводил, ведь было уже поздно. А он усмехается: «Что я, дурак, что ли? Она в таком районе живет… Там и башку проломить могут».

И самое печальное, что такое «реалистическое» воспитание неизбежно оборачивается против родителей.

Наши знакомые, пожилые супруги, очень гордились тем, что дали своему сыну правильное воспитание:

— Мы нашему Костеньке с пеленок твердили: «Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда». В жизни романтические иллюзии только помеха. Трезвость, практицизм, необходимость получения настоящей профессии — вот что мы старались ему внушить. И посмотрите, какой он вырос! Его товарищи очертя голову влюблялись, очертя голову женились… И кто они сейчас? Костенька тоже был влюблен, но он знал: прежде всего учеба. Поехал в Москву, поступил в университет, встретил девушку-москвичку из хорошей семьи… Нельзя сказать, что это была бешеная страсть — у нее тоже трезвая голова. Но ничего, зато он остался в Москве, защитил диссертацию. Вы много видели, чтобы в тридцать лет получали лабораторию?

А потом был Чернобыль (наши знакомые — киевляне). В Киеве началась паника, люди стремились разбежаться кто куда. Сесть на поезд было практически невозможно. Но за Костиных родителей мы не волновались. У Кости была машина. Конечно же, он поедет в Киев, он их вывезет — так мы думали. И ошиблись! Нет, он не признался в своей трусости, а очень разумно, рационально, без лишних эмоций объяснил, что у него двое детей и он не может себе позволить становиться инвалидом. «Трезвая голова», то есть Костина жена, была полностью солидарна со своим мужем.

В другой ситуации родители, может быть, и порадовались бы плодам своего воспитания, но в данном случае они испытывали совсем иные чувства.

Родителей Кости, конечно, было очень жалко, но вообще-то в таких случаях хочется задать вопрос: а на что, интересно, вы рассчитывали? Почему вы думали, что со всем миром у вашего сына будут одни отношения — рационально-практические — и только с вами возвышенно-альтруистические?

Романтизм не только закаляет душу и дает силы жить, но и служит как бы сладкой оболочкой для того, чтобы ребенок лучше принимал и усваивал традиционные нравственные установки. Романтические примеры облегчают формирование «сверх-Я» — кодекса чести, на который ориентируется человек.

— Помилуйте, какой кодекс? Какая честь? Вы что, с луны свалились? Люди забыли, что это такое! Ни у кого ни чести, ни совести не осталось!

Ну, во-первых, совесть у многих осталась. Просто бессовестные больше бросаются в глаза, и поэтому кажется, что их много. Это свидетельствует как раз в пользу того, что люди не забыли, что такое совесть.

А во-вторых, у всех людей есть слабости, все когда-нибудь совершают дурные поступки. Но необходимо при этом помнить, «что такое хорошо и что такое плохо», где черное, а где белое. Важно, чтобы были точки отсчета. Самое страшное (то, что мы, к сожалению, видим сейчас все чаще и чаще) — это когда нечего нарушать, потому что нет образца, нет верха и низа, нет «хорошо» и «плохо». Что ни сделаешь, все «нормально».

— Ну ладно, допустим, — устало согласится читатель, — героическая романтика для чего-то нужна. Но зачем нужен этот старый, молью траченный отечественный хлам? У современных детей и герои должны быть современные. А их вон сколько! Терминатор, Супермен, Бэтмен, Человек-паук…

Мы не будем сейчас обсуждать, нравятся нам эти герои или не нравятся. Это, в конце концов, вопрос вкуса. Тут важно другое. Пример для подражания должен быть высоким, но не далеким. Мы уже упомянули о необходимости иметь своих, отечественных героев, но потом отвлеклись и не сказали, почему.

Потребность в романтическом, возвышенном (и об этом мы тоже вскользь упомянули) имеет иррациональную природу. Стремление приблизиться к богам, уподобиться им — иррационально, поскольку боги сами иррациональны, непостижимы разумом.

Герои, для того чтобы вызвать не просто восхищение, а желание подражать им, должны затрагивать в человеческой душе глубинные струны, иначе говоря — архетипическую сущность.

Возьмем Латинскую Америку. Казалось бы, испанским завоевателям-конкистадорам удалось принести туда все свое: язык, архитектуру, образ жизни, даже религию. А вот с героями оказалось все

не так просто. При этом надо отметить, что в испанской истории чего-чего, а героев хватает. Однако в Латинской Америке почитаются сейчас другие герои. Прежде всего герои борьбы за независимость: Боливар, Сукре, Панчо Вилья.

А то, что герои должны быть не только сказочно-былинными и не только историческими, но и современными, — что ж, это правда. И надо отдать должное прежней власти: в данном вопросе она вела себя очень мудро. Герои и героические культы создавались, насаждались, поддерживались. «Свято место» не пустовало ни одного дня. Герои революции, герои гражданской войны, герои первых пятилеток, герои Великой Отечественной, герои-целинники, герои-космонавты…

А что мы видим сейчас? — Ничего не видим. Может быть, героев действительно нет? Но как тогда быть с людьми, которые пожертвовали собой, бросившись гасить чернобыльский пожар? Или с тем парнем, который помогал людям выбраться из горящего автобуса во время крупнейшей московской аварии на Дмитровском шоссе и скончался в больнице от ожогов? Герои? — Несомненно. Но кто даже сегодня, по прошествии совсем малого времени, знает, помнит их имена? Не всех вместе («герои-чернобыльцы»), а каждого поименно?

Зато усиленно вдалбливается, что быть героем — занятие неблагодарное, что все равно этого никто не оценит. Льготной квартиры — и то не видать. Какая уж там слава и благодарная память потомков?

Конечно, хорошо, что кто-то борется за справедливость, выбивая из государства зажимаемые им льготы, плохо только, что порочная практика сегодняшнего дня преподносится как трагический закон жизни. Дескать, вот оно как все устроено: ты живот положил за други своя, а тебе — кукиш.

А теперь представим себе ребенка «в предлагаемых обстоятельствах», по выражению К. С. Станиславского. С одной стороны, общество, которое сегодня по сути дела (если называть вещи своими именами) разрешает и даже поощряет трусость. С другой стороны — родители, которые хотят видеть своих детей отважными. (Одна из самых распространенных жалоб родителей, обращающихся к нам за психологической помощью, — это жалоба на страхи, и ни от кого мы ни разу не слышали, что он стремится воспитать труса.) И наконец, с третьей стороны, — иррациональная, глубинная, архетипическая потребность в романтической героике, мечты «о доблести, о подвигах, о славе», которые непрерывно вступают в конфликт с общественными установками.

Такое разнонаправленное давление неминуемо вызывает психический стресс. Психика теряет точку опоры и, соответственно, равновесие. Этого не выдерживает даже взрослый человек, а ребенок и подавно.

Сегодня мы пишем о трагических последствиях отказа от традиционной нравственности, еще довольно смутно представляя себе их масштабы и конкретные проявления. Увы, все только началось, и «расцвет» мы увидим тогда, когда у нынешних детей появятся свои дети.

Но уже сейчас кое-что становится очевидным. К примеру, заметный рост и обострение детских страхов. Несколько лет назад из десяти детей, которых к нам приводили, страхами страдали двое-трое. А сейчас бывает, что лечебная группа (не специально, а так складывается) вся, целиком — 7-9 человек — состоит из «фобиков», как на психиатрическом жаргоне называют людей с теми или другими навязчивыми страхами.

Более того, мы подозреваем, что и лечить детские неврозы, психопатии, психотравмы и другие подобные состояния станет значительно сложнее. Пускай не все психотерапевты, в отличие от нас, возводят опору на традиционные этические установки в ранг одного из основополагающих принципов лечения. Но практически все в работе с пациентом опираются на общепринятые моральные нормы. Скажем, в групповой психотерапии врачи очень часто апеллируют к понятиям смелости, товарищеской взаимопомощи, чувству локтя. А к чему они будут апеллировать, когда эти нормы перестанут быть общепринятыми и вообще — **принятыми**? Получается, что крушение идеалов выбивает почву из-под ног не только пациентов, но и врача. **Не только учеников, но и учителя.**

Но самое главное и самое печальное заключается в том, что романтика все равно не уйдет из нашей жизни. Да-да, не удивляйтесь, мы сознательно написали слово «печальное», ибо неистребимая, неизбывная романтическая потребность, не находя нормальных способов проявления, все равно проявляется, но уже патологически.

Многие эксперты кинорынка недоумевают, почему наивные латиноамериканские телесериалы пользуются несравненно большей популярностью у наших телезрителей, чем американские и австралийские, хотя последние гораздо более профессиональны, динамичны, с богатыми натурными съемками.

А что тут недоумевать? Все так понятно! Именно латиноамериканские сериалы оказались наиболее созвучны традиционным для России романтическим представлениям о любви и верности, дружбе и предательстве, бедности и богатстве. А вот романтика игры на бирже, романтика отчаянной борьбы за наследство и за место под солнцем — что поделаешь! — как-то здесь не идет… Ведь в

«богатых» важно не то, что они богатые, а что они «тоже плачут».

Конечно, такая растянутая на сотни серий ширпотребная телепродукция есть типичная духовная сивуха, наркотик. Но это еще одна из безобиднейших форм утоления романтической жажды, порожденной неромантической действительностью. Наркотик в основном для барышень и домохозяек.

А вот у юношей жажда романтики так тесно связана с жаждой действия, жаждой подвига, что ее «слезами богатых» не утолишь. Ее утолишь только слезами натуральными, не телевизионными. Наши рэкетиры вовсе не считают себя преступниками, хотя безусловно ими являются. С автоматами и ножами в руках они отнимают, как недавно сами заявляли по телевидению, «несправедливо награбленное». Этакие современные Робин Гуды…

Да и реальная сивуха, реальные наркотики, как ни странно, имеют самое непосредственное отношение к романтизму. Наркоман ищет ярких, красочных грез, галлюцинаторных приключений. Пьяному — совсем как герою — море по колено. Ну, у нас это принято списывать на тяжелую жизнь. А на Западе, где наркоманов (пока!) гораздо больше? И борются там с наркоманией очень серьезно.

Просветительная работа огромна, репрессивные меры суровы, наркологическая служба поставлена на высочайший уровень. От какой такой тяжелой жизни уходит западная молодежь в мир наркотических видений?..

Мы, конечно, не специалисты-наркологи и не собираемся давать рекомендации по борьбе с наркоманией на государственном уровне. Но родителям, которые не могут быть безразличны к такой страшной перспективе, настоятельно советуем: делайте упор на романтической стороне воспитания. И не ждите подросткового возраста, когда мечтательность достигает апогея. С самого раннего детства рассказывайте ребенку о героях, о подвигах, не гнушайтесь именами, подвергнутыми сегодня официальному остракизму. Подбирайте соответствующий круг чтения.

Главное — не бойтесь вырастить оторванного от жизни мозгляка-идеалиста. Мы хотим вас на этот счет успокоить: прагматической стороной воспитания у нас нынче занимается государство. Так что ребенок и без вашего участия узнает, в каком банке лучше хранить деньги. Ваша задача в другом. Пусть он узнает о радости «бесполезной» дружбы и бескорыстной помощи, о вечной любви, о работе не только ради денег, о том, что не все и не всех можно купить… И еще о том, что «в жизни всегда есть место подвигу».

1994

ПРИНЯТЬ ЗАКОН, ЧТОБЫ НЕ БЫЛО САМОСУДА
Т. Шишова

Когда на Западе только еще затевалась сексуальная революция, умные люди вроде крупнейшего американского социолога Питирима Сорокина или австрийского психиатра Виктора Франкла предупреждали, что из этого ничего путного не выйдет.

Разврат никому еще на пользу не шел. Питирим Сорокин даже провел прелюбопытнейшее исследование. Он сравнил продолжительность жизни 3000 христианских святых и 300 королей и царей, правивших в Европе и в Азии. Для чистоты картины ученый взял биографии только тех людей, кто умер своей, ненасильственной смертью. И оказалось, что святые в среднем жили на 20-30 лет больше, чем короли! В чем же дело? Ведь выражаясь современным языком, «качество жизни» королей было гораздо выше. Они жили в роскоши, прекрасно питались, лечились у самых искусных врачей. А христианские подвижники (в основном, первохристиане) терпели голод, холод, нужду, гонения и все-таки жили дольше! Почему? Сей парадокс легко объясняется с точки зрения нравственности. Все было в жизни королей, кроме целомудрия. А именно оно является залогом долгожительства. И ничего удивительного тут нет: распутство, как правило, выходит боком, заканчиваясь импотенцией, нервным или даже психическим расстройством, венерическими заболеваниями, разрушающими организм, и прочими неприятностями.

Причем, корреляция эта сохранилась вплоть до наших дней. Монахи и поныне живут в среднем дольше всех остальных.

Умных людей не послушали, сексуальную революцию произвели и теперь пожинают (вернее, мы все пожинаем) ее плоды.

На Западе урожай особенно обилен. Настолько, что в Бельгии, например, родители детей, пострадавших от сексуальных извращенцев, устраивают многотысячные демонстрации протеста. А в Германии сожительство малолетних дочерей с отцами или отчимами стало, по признанию немецких психологов, «проблемой номер один» — так разгулялись в стране Шиллера и Гете выпущенные на свободу инстинкты.

В последние годы западный мир стал спохватываться и, несмотря на всю свою приверженность

свободе слова и демократии, ужесточать законы, защищающие детей от растлителей. В настоящее время законодательства 30% государств Европы запрещают любые, в том числе и добровольные, сексуальные контакты между взрослыми и детьми, не достигшими 16-летнего возраста. Среди таких государств — уже упоминавшаяся Бельгия, Финляндия, Норвегия и др. А во Франции, Канаде, Греции, Венгрии, Дании и даже в сексуально продвинутой Швеции в ряде случаев возраст защиты половой неприкосновенности несовершеннолетних повышается до 18 лет. В Бельгии за растление детей до 16 лет дают от 10 до 15 лет тюрьмы. Если же ребенку меньше десяти, просидишь за решеткой аж 20 лет. За оборот детской порнографии карается лишением свободы любое лицо, которое демонстрирует, продает за плату, распространяет или ВВОЗИТ ВИЗУАЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ДЕТЕЙ В ВОЗРАСТЕ ДО 16 ЛЕТ, независимо от согласия несовершеннолетнего. В Англии педофил, во-первых, не имеет права на амнистию, а во-вторых, когда его все-таки выпускают на свободу, он обязан носить браслет с пеленгом и в течение нескольких лет будет постоянно пеленговаться в полицейском участке с целью пресечения его появления в тех местах, где вероятность посягательств на детей особенно высока.

У нас же пока для педофилов раздолье. Так, житель г. Новокуйбышевска Владимир Тимофеев за развращение 24-х детей до 14 лет был приговорен всего лишь… к 3 годам лишения свободы. Да и те ему скостили, освободив досрочно. А спустя несколько лет, в 1997 году, когда по всей России милиция начала изымать видеокассеты с детской порнографией, имя Тимофеева всплыло вновь. Выяснилось, что он наладил целое производство. Через его квартиру-студию прошли сотни (!) 10-15-летних мальчишек. И что же российская Фемида? Мерзавцу, совершавшему массовое растление детей, погрозили пальчиком: дали 4 года и снова выпустили досрочно. После своего освобождения он опубликовал в Интернете открытое письмо, заявив:

«Мне нравятся подростки, мне нравится, когда возле меня мальчики, мне приятно фотографировать их, я могу сделать приятно им в сексе, если они захотят. За почти 30 лет моей работы в фотографии ко мне приходило много мальчишек, теперь почти все они женатые люди, у них нормальная, хорошая семья. Наши встречи не стали им помехой в нормальной семейной жизни, а я продолжаю заниматься фотографией».

Выступая на слушаниях в Государственной Думе, советник председателя ВГТРК, автор нашумевших фильмов о педофилах «Обратная сторона. Дети» и «Голубая орхидея» Аркадий Викторович Мамонтов сказал:

«В Иванове работает целая банда, которая производит малолетних проституток. Отлавливает их в школах, в профтехучилищах, привозит в Москву и перепродает партиями… В Подмосковье существует такое развлечение среди очень богатых людей — детские бои. Детей из детских домов, из подворотен какое-то время учат драться либо врукопашную, либо с помощью холодного оружия, потом в домашних спортивных залах устраивают такие соревнования. Ставки от 10 до 100 тыс. долларов, бои бывают и со смертельным исходом… Если сейчас не принять жесткие законы, то через 10-15 лет мы потеряем поколение».

И вот, наконец, нужный закон — вернее, поправки к ныне действующему Уголовному Кодексу — был разработан. Зимой и весной прошлого года по нему шли яростные дебаты. (Хотя, казалось бы, что тут дебатировать? Любому нормальному человеку должно быть ясно, что детей растлевать нельзя.) Наконец, после долгих прений и согласований законопроект был принят Госдумой в первом чтении. Больше всего копий было сломано вокруг вопроса о возрасте потерпевших.

Вот что рассказывает об этом разработчик законопроекта ОЛЬГА ВАЛЕНТИНОВНА ПРИСТАНСКАЯ, сотрудник НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ: «Раньше, по уголовному законодательству, действовавшему с 60-х годов, у нас предусматривалась уголовная ответственность за половое сношение без насилия с детьми, не достигшими половой зрелости. Половая зрелость при этом не определялась четким возрастом, а трактовалась как комплексное, многоаспектное понятие. Сюда включалось и биологическое, и психологическое созревание организма, и, что самое главное, способность родить и воспитать здорового, полноценного члена общества — ребенка. У одного человека такая зрелость наступает раньше, у другого — позже. С каждым конкретным случаем разбирались отдельно. В 1997 году возраст потерпевших был понижен до 16 лет. То есть перестали учитывать индивидуальные особенности подростков. Но это еще не все! Через полтора года, в июне 1998 года, вдруг неожиданно, без какого-либо научного обоснования, кулуарно был разработан некий Федеральный закон, который внес сам Б. Н. Ельцин. А в законе этом возраст допустимых половых контактов (в том числе гомосексуальных!) РЕБЕНКА СО ВЗРОСЛЫМ был понижен еще больше — до 14 лет! В результате две трети уголовных дел по фактам растления малолетних были прекращены, и 14-15-летние дети остались без защиты государства. А клиенты БОЛЬШОГО числа мальчиков и девочек-проституток наслаждаются безнаказанностью. Помните нашумевшую в прошлом году историю „Голубой орхидеи“? Хотите расскажу, чем она закончилась? После тщательных оперативных разработок американца, приехавшего в

Россию позабавиться с выброшенными на улицу несчастными детьми, наши оперативники вынуждены были отпустить на волю, потому что ребенок, совращенный этим любителем „секс-туризма“, достиг четырнадцатилетнего возраста. Вот вам наглядный результат несовершенства нынешнего российского законодательства. Хорошо хоть заморского любителя „клубнички“ удалось препроводить к нему на родину, где ему грозит пожизненное заключение».

Противники повышения возрастной планки, естественно, заявляют, что нынешние четырнадцатилетние такие прожженные, что любой взрослый по сравнению с ними — невинное дитя. Эту же точку зрения озвучил на слушаниях в Госдуме и уже упоминавшийся Тимофеев. Слава Богу, не с трибуны, а с экрана — собравшимся показали фильм, снятый сотрудниками МУРа. Но более компетентные и, главное, беспристрастные эксперты утверждают обратное. Неожиданно для оппонентов разработчики законопроекта привлекли целых пятнадцать экспертов: детских психологов, психиатров, физиологов, сексологов, гинекологов, педиатров. И они независимо друг от друга дали заключение о том, что дети — особенно мальчики — достигают полной половой, физиологической, социально-психологической и личностной зрелости только к 18-20 годам! Так что возрастная планка в 16 лет на самом деле даже низковата.

Но после принятия законопроекта в первом чтении мытарства не закончились. Скорее, они только начались. Не буду утомлять читателей подробностями, скажу только, что когда законопроект, спустя почти полтора года, дошел до второго чтения, из него исчезло несколько важнейших норм. В частности, все, что касалось защиты детей от интеллектуального растления. А ведь сейчас происходит массовое развращение детей посредством СМИ, через образовательные программы, через деструктивные секты, а Уголовный Кодекс не приспособлен к борьбе с этими безобразиями. До недавнего времени вообще трудно было себе представить, что такое может произойти!

Поэтому юристы постарались отразить в уголовном законе все нетрадиционные, но уже ставшие реальностью формы растления детей. Вводится уголовная ответственность за оборот среди несовершеннолетних продукции сексуального характера и вовлечение детей в зрелищные мероприятия, которые провоцируют раннее вступление в половые отношения. Это разного рода растлевающие журналы, игры, поп-шоу, стриптиз и другие подобные зрелища. Кроме того, должно быть уголовно наказуемо вовлечение детей в оказание услуг сексуального характера типа секса по телефону, эротического массажа и др. Предполагается установить уголовную ответственность и за пропаганду жестокости, насилия, потребления наркотических и психотропных веществ.

По всей России отцы и матери возмущены выпуском подростковых журналов, в которых открыто пропагандируется безнравственность. Говорят: «Не хочешь — не покупай». Но ведь ребенок приходит в школу, общается со сверстниками, родители которых недооценивают опасность подобных журналов или просто не следят за тем, что читают их отпрыски. А между тем так называемые эротические издания для детей в чем-то даже опасней откровенной порнографии! Почему? Да потому, что, когда ребенок видит порнографию, он знает: это аморально, на это нельзя смотреть. А тут детям с десятилетнего возраста раздаются, порой даже бесплатно, журналы, которые публикуют растлевающую, сексуальную информацию, но преподается это в разбавленном виде, вперемежку с нормальными текстами. И дети воспринимают информацию о допустимости секса в подростковом возрасте как норму, даже как эталон, к которому нужно стремиться! У них смещаются нравственные, моральные ориентиры. К сожалению, далеко не все взрослые понимают, что происходит.

«Я тут столкнулась, — говорит Ольга Валентиновна Пристанская, — с совершенно диким, вопиющим случаем. Представляете? Звание „Учитель года“ в 2001 году было присуждено в Москве… „растлителю года“ — редактору журнала „Молоток“ Филиппенко М. А. А ведь журнал „Молоток“ абсолютно непристоен: он пропагандирует среди несовершеннолетних порносайты, помещает фотографии обнаженного тела и статьи о сексе, распаляющие чувственность подростков. Для пущей наглядности и лучшего усвоения подростками такой информации редакция журнала не гнушается использовать детские игровые персонажи: куклы Барби и Кена, демонстрируя с их помощью сексуальные позы. Вот такая любопытная смычка педагогики и порнографии».

«Нет ни одной страны мира, кроме России, где имелись бы такие либеральные законы в отношении наказания педофилов и развратных действий по отношению к детям, — сказал председатель Комитета по охране здоровья и спорту Н. Ф. Герасименко. — Если российское законодательство не претерпит изменений, то в ближайшее время Россия станет центром по производству детской порнографии».

А главный санитарный врач России еще в 1999 году издал приказ, в котором говорится о том, что при эпидемии СПИДа недопустимо пропагандировать нетрадиционные сексуальные отношения среди несовершеннолетних и разжигать в печати низменные страсти. Так что, если педофил будет чувствовать себя в России хозяином, Россия быстро опустеет. Об этом убедительно говорилось 10 июля на «круглом столе» в Государственной Думе. Представители духовенства и православной общественности

высказались за принятие закона в третьем чтении и, в частности, за возвращение в текст законопроекта статей об интеллектуальном растлении. Что будет дальше — во многом зависит от нашей с вами активности. Сейчас, перед выборами, есть возможность повлиять на депутатов и побудить их принять осенью закон в третьем чтении. Что само по себе, без давления общественности, может и не произойти — слишком сильно противодействие порномафии и связанных с ней «структур».

2002

ДИКТАТУРА БЕЗУМИЯ
И. Медведева, Т. Шишова

Очень многие вещи, о которых мы сейчас пишем, стали нам понятны далеко не сразу, порой через годы после какого-то первого импульса. Что это был за импульс, трудно объяснить, но, как правило, все начиналось со смутного чувства: неловкости, беспокойства, внутреннего протеста… Логически мы обосновать этот дискомфорт не могли, а в случае, о котором сейчас расскажем, даже поначалу стыдились своей негативной реакции.

Необычный конгресс

Летом 1994 года, приехав на международный конгресс по социальной психиатрии в Гамбург, мы увидели странную картину: заметное число делегатов конгресса выглядели как душевнобольные.

«Удивительно! Почему западные врачи так похожи на своих пациентов?» — подумали мы.

Но вскоре выяснилось, что это натуральные пациенты. Мы снова изумились: как можно показывать больных людей огромному залу, будто зверюшек в цирке?

Западные коллеги снисходительно улыбнулись стереотипности нашего мышления и объяснили, что мы являемся свидетелями величайшего гуманистического эксперимента. Впервые на научном конгрессе пациенты психиатрических клиник, в том числе и страдающие глубокими расстройствами, будут делать доклады наравне с корифеями медицины. И они действительно их делали, перемежая подробные описания бреда и галлюцинаций с яростной критикой врачей и методов лечения, а также требуя для себя права на вождение машины, на работу в суде и прочих органах власти. Поведение врачей тоже, впрочем, было для нас непривычным. Они все время что-то жевали, пили воду из бутылочек, громко переговаривались, вставали посреди выступлений — даже когда доклад делал ученый с мировым именем! — и косяками выходили из зала. Очереди за кофе и бутербродами в рабочее время и в перерывах были практически одинаковыми. Слушая же выступления пациентов, врачи почему-то очень веселились. Так потешаются дошкольники и младшие школьники, глядя на клоунов, дубасящих друг друга надувными молотками. Подобная бестактность шла вразрез с нашими представлениями о врачебной этике, но мы и это списали на «совковую» стереотипность.

В последний же день произошло нечто и вовсе невообразимое. Больные, на которых вся эта непривычная обстановка действовала возбуждающе, совершенно растормозились и уже без приглашения валом повалили на сцену, пытаясь дорваться до микрофона. Индианка с черными распущенными волосами, в ярком экзотическом наряде завывала, размахивая руками, которые были все от плеч до запястий унизаны сверкающими браслетами. Так, наверное, неистовствали древние пифии, впадая в экстаз. Другой, местный пациент (вернее, клиент — на конгрессе много говорилось о том, что из соображений политкорректности больных теперь нельзя называть пациентами, поскольку это ставит их в подчиненное, а значит, униженное положение) кричал, что ему в Германии тесно, не хватает свободы. И грозился сбежать в пампасы. А потом, оборвав себя на полуслове, запел песню тех самых пампасов или, может быть, прерий и принялся изображать ковбоя верхом на лошади. Но вскоре и песня была прервана, потому что любитель свободы подбежал к старому профессору, восседавшему в президиуме, и начал его душить. Устроителям пришлось поступиться правами человека, и раздухарившегося ковбоя вывели из зала. Но не успели мы перевести дух, как на сцену выскочила девица, которая, не претендуя на микрофон, с разбега плюхнулась на колени к другому члену президиума (он был гораздо моложе первого) и быстрыми, ловкими движениями стала его раздевать. Зал взревел от восторга. Сквозь хохот, свист и ободряющие выкрики психиатрической братии доносились обрывки речей пылкой «клиентки»: «Что мы тут делаем?.. Дорогой, мы только теряем время… Пойдем отсюда… Мы нужны друг другу…»

Тут уж мы не выдержали и, плюнув на политкорректность, сказали немецкой коллеге, которая сидела рядом: «Зачем было привозить сюда эту больную женщину? У нее же острый психоз».

Коллега отреагировала неожиданно и с заметным раздражением:

— Откуда вы знаете, что это больная? Вы что, ее тестировали? Может, она как раз психиатр,

подруга доктора Крюгера…

Мы пристыжено замолкли, ведь и вправду не тестировали… А то, что видно невооруженным глазом, так это у кого какое зрение…

Но тут нашу подмоченную было репутацию спас сам полураздетый доктор Крюгер. Отстраняя непрошеную возлюбленную, он извинился в микрофон перед залом за то, что больная разволновалась и ведет себя несколько аффектированно.

Что было дальше, мы, честно говоря, помним слабо. Осталось лишь впечатление кошмара, какого-то всеобщего беснования. А еще в опухшей голове промелькнула мысль, что на следующем конгрессе душевнобольные, наверное, будут уже сидеть не только в зале, но и в президиуме. А через раз полностью захватят власть, обретя полномочия устроителей. Ведь с их маниакальным напором они сметут на своем пути любую преграду.

Тогда нам эта мысль показалась скорее юмористической. Во всяком случае, мы не стали ее развивать. Но теперь, глядя на то, что происходит вокруг, как-то очень живо припомнили свои гамбургские впечатления и подумали, что все это скорее грустно, нежели смешно. А главное, совсем не так далеко от истины, как нам казалось в начале 90-х! На конгрессе была явлена одна из важнейших тенденций современного переустройства мира — стирание границ между безумием и нормой.

Догоняя Америку

Вообще-то разговоры о том, что нормальных людей в принципе не существует и что никто не знает, где кончается яркая личность и начинается личность психически нездоровая, велись давно. Мы, во всяком случае, помним подобные сентенции с самого детства. А кому незнаком расхожий миф о сцепленности безумия и гениальности? Равно как и о том, что все талантливые люди хоть с легким, но «приветом»? Во времена застоя критическое отношение к психиатрии среди нашей интеллигенции усугублялось еще и практикой помещения диссидентов в сумасшедший дом. Случаев таких было не столь много, как принято думать, но зато они получали громкую огласку, ибо в брежневское время в «железном занавесе» появились бреши: кто-то слушал радиостанцию «Голос Америки», кто-то читал самиздатовскую литературу. И даже тогда, когда диссидент действительно был психически не вполне нормален, на это закрывали глаза, потому что восхищение храбростью человека, который подвергал себя риску во имя всеобщей свободы, перевешивало все остальные соображения.

Поэтому, когда в перестройку разрешили сниматься с психиатрического учета по желанию или вовсе не вставать на учет, общество восприняло это законодательное послабление как торжество попранной справедливости. Казалось, что политические борцы наконец получили право, снимаясь с учета, снять с себя ложные обвинения. Но на деле вышло, что с учета снялось огромное количество настоящих больных, ведь один из признаков серьезной душевной болезни — это снижение самокритики. Больной неадекватно оценивает свое состояние, считая себя абсолютно здоровым, а близких, советующих ему лечиться, — сумасшедшими или злодеями.

Мы часто склонны превозносить свою самобытность и первенство даже в каких-то отрицательных вещах. По логике, «наш паралич — самый прогрессивный». Но в данном случае подобную логику легко развенчать. В 1997 году петербургское издательство «Питер Пресс» выпустило книгу американского автора Э. Фуллера Торри «Шизофрения». В ней, в частности, рассказывается о так называемой деинституализации, разгосударствлении психиатрической помощи в США — процессе, включавшем в себя, в частности, и резкое сокращение пациентов в государственных психиатрических больницах. Эта политика стала набирать в Америке силу с начала 60-х годов, как раз тогда, когда началась разработка социальных проектов, вроде бы совсем разных и независимых друг от друга, а на самом деле связанных одной целью: целью построения глобалистского общества.

«Масштабы деинституциализации, — пишет автор, — с трудом поддаются восприятию. В 1955 году в государственных психиатрических клиниках насчитывалось 559 тыс. хронически больных. Сегодня их менее 90 тысяч. Численность населения в период с 1955 по 1993 год выросла со 166 до 258 млн. человек, а это значит, что если бы на душу населения в 1993 году приходилось такое же количество госпитализированных пациентов, как и в 1955 году, то общее их число составило бы 869 тыс. Следовательно, в настоящее время примерно 780 тыс. человек, то есть более трех четвертей миллиона, которые в 1955 году находились бы в психиатрических лечебницах, живут среди нас». И подводит итог, говоря: «90 процентов из тех, кто сорок лет назад были бы помещены в психиатрическую больницу, сегодня в ней не находятся».

По мнению автора, на такое положение дел во многом повлияла нашумевшая книга Кена Кизи «Пролетая над гнездом кукушки», вышедшая в свет в 1962 году. В России более известен одноименный фильм, снятый по этой книге. С подачи Кизи люди начали путать причину и следствие: госпитализация стала считаться одной из серьезных причин психических заболеваний. И, соответственно, в качестве

лечения предлагалось просто выпустить больных на свободу. В фильме, как вы помните, эта идея воплощена в образе индейца, убегающего из сумасшедшего дома, который как-то подозрительно напоминает концлагерь. (Так что крик о «карательной психиатрии», поднявшийся у нас во время перестройки, тоже был эхом, долетевшим с другого континента, когда появилась возможность сокрушить психиатрическую службу не только в Америке, но и в Советском Союзе.)

Фуллер считает, что Кен Кизи добросовестно заблуждался, хотел хорошего и просто чего-то не додумал. Но скорее тут заблуждается Фуллер, а Кизи был весьма искушенным человеком и добросовестно выполнял заказ. В 60-е годы он играл одну из важных ролей в создании так называемой молодежной контркультуры, крупнейшего глобалистского проекта по внедрению идеологии неоязычества. В частности, Кизи читал лекции в Изаленском институте, девиз которого «Делай, что хочешь» был позаимствован у сатанистов. Зачем понадобилось разрушать психиатрическую службу, мы скажем чуть позже. Пока лишь отметим, что делалось это умышленно.

Очень способствовали «освобождению» психических больных, по словам Фуллера, и американские юристы, коих, кстати, расплодилось в те годы великое множество. В главе «Масштабы бедствия» читаем: «В штате Висконсин один такой защитник заявлял, что больной шизофренией — человек, поедавший свои фекалии, — для самого себя опасности не представляет, и судья, приняв сторону защиты, не счел необходимым принудительно лечить больного». — «В качестве награды за свою деятельность, — горько иронизирует Фуллер, — они, „юристы“ имеют теперь огромное число бездомных, психически больных людей, которые зато свободны — свободны находиться в состоянии постоянного психоза».

Читаешь эту книгу — и почти все, что в ней написано о разрушении психиатрической помощи, может быть отнесено к нам. Прибавить только надо лет 30 — и получится ситуация в России. Например, Фуллер сетует на то, что услуги психиатров и психологов после разгосударствления психиатрических служб стали для многих недоступными. Специалистов сколько угодно, но они предпочитают заниматься частной практикой. Разве у нас не то же самое? До перестройки все психиатрические службы были бесплатными. Сейчас во многих клиниках (в том числе детских!) официально лечат за деньги, и немалые.

Сильно возросла стоимость лекарств. Ряд дешевых отечественных препаратов (таких, скажем, как пиразидол, азафен, френолон) исчезли из продажи; перечень лекарств, которые больные с группой инвалидности должны получать бесплатно, теперь сильно ограничен.

Обратите внимание, что даже в таком ультракапиталистическом государстве, как США, психиатрическая помощь еще недавно была бесплатной, поскольку душевные заболевания входили в разряд социально значимых, и государство считало своим долгом, с одной стороны, покровительствовать таким больным, а с другой, обеспечивать здоровым их вполне законное право на психическую безопасность. Теперь, после смены «курса», не то что о психической безопасности нет речи, но и физическая часто не обеспечивается. «По данным одной из работ, — пишет Фуллер, — за последний год 9 процентов больных шизофренией, не изолированных от общества, в драках применяли оружие. По другим данным, 27 процентов выписанных из психиатрических клиник пациентов, как мужского, так и женского пола, совершили по крайней мере один акт насилия в течение первых четырех месяцев после выхода из больницы. Резко увеличилось также число актов агрессии, совершаемых больными шизофренией против членов их семей».

Ничего удивительного, что автор называет разгосударствление психиатрической службы «самым крупным провалившимся социальным экспериментом в Америке» и добавляет, что оно «сравнимо по своим последствиям со спуском на воду своеобразного психиатрического „Титаника“.

Тем не менее эксперимент не только не прекращен, но и распространен на другие страны. В том числе на нашу. Результаты соответствующие: огромное количество бомжей, нелеченых алкоголиков, которые беспрепятственно терроризируют и взрослых членов семьи, и детей. А малолетние бродяжки, среди которых так высок процент психической патологии? Да и рост тяжких преступлений во многом на совести лукавых гуманистов.

Теперь человек, страдающий серьезным психическим расстройством, может сколько угодно угрожать своим близким. Пока он не привел свою угрозу в исполнение, не смей говорить о принудительной госпитализации. Муж одной нашей знакомой в состоянии психоза бросал с балкона тяжелые предметы. И что, его удалось положить в больницу? Как бы не так! Он от лечения отказывался, считая себя идеально здоровым. А жене, когда она пришла в психдиспансер, сказали: «Сожалеем, но ничем не можем помочь. Вот если б он не просто сбросил с балкона телевизор, а пришиб прохожего, тогда — да, мы бы за ним приехали. А в данном случае не имеем права».

Если еще раз повторить вслед за Фуллером длинное и труднопроизносимое слово, надо отметить, что деинституциализировав лечение, адепты глобализма институциализировали, как бы огосударствили, узаконили безумие. А попросту можно сказать так: широко раскрыв двери

сумасшедших домов, они стараются превратить в дурдом весь мир. Объявив больных здоровыми, прикладывают в то же время гигантские усилия к тому, чтобы здоровых свести с ума.

У нас, правда, «процесс пошел» с опозданием на несколько десятков лет. Как-то раз — уже не в Германии, а в Москве — мы долго беседовали с немцем. Разговор был сложным и касался духовных проблем современной жизни. Обычно с иностранцами такие беседы длятся — если вообще возникают — очень недолго. Их это явно утомляет. А наш немецкий гость понимал все с полуслова и был настолько захвачен разговором, что не проявлял ни малейших признаков усталости. И даже, позабыв о европейском этикете, готов был проговорить до утра.

— А что думают по поводу обсуждаемых нами проблем люди вашего круга в Германии? — спросили мы, тайно вздохнув о том, что не встретили во время своего трехнедельного пребывания на родине нашего гостя столь близких по духу собеседников.

Лицо немецкого историка омрачилось.

— У меня нет круга. В Германии мне вообще некому это сказать.

— Почему?

Он ответил, не задумываясь:

— У нас «промывка мозгов» длится уже более 40 лет, а у вас она только началась. Так что в России еще много нормальных людей, которые способны вникнуть в смысл происходящего.

Прогулки с Ганнушкиным

Что ж, воспользуемся своим преимуществом. Оно, как ни парадоксально, заключается еще и в том, что, наверстывая упущенное, глобализаторы стараются поскорее закачать в нас все «достижения цивилизованного мира», к которым западные люди привыкали постепенно, в течение полувека. Поэтому плавной смены ценностей в России не произошло, как и тотальной адаптации к новой реальности: у многих она, наоборот, вызывает аллергию и здоровое, нетолерантное отторжение. Но даже у тех, кто вроде бы хочет вписаться, еще вполне свежа память о том, что в России (да и до недавнего времени на Западе!) традиционно считалось нормой, а что — психопатологией.

Ну а коли так, давайте, пока у нас до конца не отшибло память, посмотрим, как жизненное пространство усиленно превращается адептами глобализации в различные отделения сумасшедшего дома.

Взять хотя бы моду. Проектировщики глобального мира, судя по всему, решили использовать ее в качестве одного из сильнейших средств патологизации психики. Да, конечно, мода существовала всегда, но она скорее отражала процессы, происходящие в обществе, а не формировала их. (Скажем, необходимость пользования общественным транспортом вызвала некоторое укорачивание юбок.) С начала же 60-х годов, когда глобалисты заговорили о необходимости произвести в мире «сдвиг культурной парадигмы» и принялись активно формировать «культуру рока-секса-наркотиков», моду стали использовать в качестве тарана, пробивавшего бреши в массовом сознании. Сперва шла раскачка контрастами: мини-юбки — макси-юбки, брюки-дудочки — широченные клеш, узконосые туфли — квадратные носы, облегающий силуэт — «мешок». Сначала перемены происходили довольно медленно, поскольку новая мода всякий раз вызывала у старшего поколения шок, общество сопротивлялось. Вспомните хотя бы, сколько дебатов вызывали туфли на платформе или на высокой шпильке. Но со временем мелькание кадров убыстрилось. Не успеешь глазом моргнуть, а мода кардинально поменялась. К концу 70-х годов в иностранных журналах мод типа «Бурда» писали, что теперь мода может меняться даже в пределах одного сезона: скажем, в начале лета «писк» — платье в крупный горошек, а через месяц — в полоску. Но все же примерно до середины 80-х мода все-таки соответствовала своему главному предназначению, которое состоит в том, чтобы людей украшать. И одежда проектировалась и подбиралась так, чтобы скрашивать, скрывать природные недостатки фигуры. Помните, еще совсем недавно не только в модных, но и просто в женских журналах давались советы, как с помощью одежды замаскировать излишнюю худобу или, наоборот, избыточный вес, визуально сузить слишком широкие плечи или расширить чересчур узкие бедра. Конечно, и тогда встречались толстухи, которые напяливали мини-юбку, но они были посмешищем для окружающих. А родные старались образумить модниц с таким дурным вкусом.

Но ближе к концу 80-х стали появляться силуэты и фасоны, которые не могли украсить никакую фигуру, а делали облик нелепым, карикатурным, порою клоуноподобным. Брюки со сборками на животе уродовали даже самых стройных девушек. Женщины ведь всегда заботились о том, чтобы живот скрадывался. Отсюда — просторные народные сарафаны; дворянки, следовавшие европейской моде, наоборот, затягивались в корсет. Но в любом случае демонстрировать большой живот считалось неприличным. А тут даже худышка выглядела пузатой! И вдобавок сужающиеся к низу брюки создавали впечатление огромного отвислого зада. Не дамские брючки, а мечта паяца!

Тогда же сделались популярными и совершенно несуразные мужские наряды. Например, красные брюки, рубашки с кружевными манжетами и гипюровыми жабо.

Кто-то может спросить: «Чем же такая одежда карикатурна? Что в ней клоунского? Жабо очень даже украшает».

И действительно, жабо — красивый элемент одежды. Только женской, а не мужской.

«А как же графы, маркизы и бароны на балах?» — не унимается спорщик.

Но прошло время графов, маркизов и дворцовых балов. А современный мужчина, который приходил в жабо на работу или давился в перестроечных очередях, отовариваясь маслом по талонам, выглядел, прямо скажем, нелепо. Нелепость же никого не украшает.

Вот и получается, что в моде 80-х уже достаточно отчетливо прозвенели сигнальные звоночки, ведь и карикатурность облика, и стремление походить на существо другого пола, да и анахронизм в одежде — все это психиатрические симптомы.

В последующие же годы в моде все меньше оставалось смешных нелепостей и все больше появлялось нелепостей откровенно безобразных, уродливых и даже пугающих. Высоколобые умники заговорили об эстетике безобразного, искусствоведы — об агонийных (от слова «агония») формах искусства. Но мы не станем развивать агонийное искусствоведение, на то есть патентованные специалисты, получающие заграничные гранды. Мы лучше посмотрим на новейшую моду с точки зрения психопатологии. Интересно, что бы сказали корифеи русской и советской психиатрии, пройдясь по современным московским улицам, спустившись в метро, заглянув в молодежную дискотеку? Корсаков, Ганнушкин или Кащенко могли бы не устраивать свои знаменитые профессорские разборы для студентов-медиков в стенах психиатрических клиник, носящих теперь их имена. Зачем извлекать больных из палаты и приводить в аудиторию, когда можно выйти на улицу и с приятностью устроить практикум на свежем воздухе?

Вот женщина не просто полная, а с болезненным ожирением. Но она в обтягивающих, больше похожих на рейтузы, брюках и такой же облегающей майке. Да, не прошли даром так называемые «fat-show», фестивали и клубы толстяков, в которых задавали тон звезды эстрады, тоже, мягко говоря, не отличавшиеся худобой. На эту женщину никто даже не обращает внимания. И разве она такая одна? Между тем это яркий пример сниженной самокритики, сопутствующей серьезным психическим заболеваниям.

Вот старуха в джинсовой юбке, кроссовках и бейсболке с ярко-красным козырьком. Стиль девочки-семиклассницы. Ганнушкин, наверное, квалифицировал бы это как старческое слабоумие. Но сегодня за такой диагноз в сумасшествии обвинили бы самого Ганнушкина. Это ж так прекрасно, когда человек не помнит о своем возрасте и в семьдесят пять хочет выглядеть, как в пятнадцать! Значит, он молод душой, не унывает, верит, что у него еще все впереди…

А вот всамделишные пятнадцатилетние. Он в майке без рукавов, которая всегда считалась атрибутом нижнего мужского белья. Голые плечи обезображены татуировками. На одном плече дракон, на другом — какая-то харя. В ухе масса сережек — по всему периметру ушной раковины. Осветленные, как у женщины, волосы стоят дыбом. Вид довольно кошмарный, но еще уродливей выглядит девица. Синими губами она напоминает покойника, черными ногтями на руках и ногах — того, кто «не к ночи будь помянут», а выбритые на голове дорожки похожи на проплешины, которые бывают у страдающих трихотилломанией — очень тяжелым невротическим расстройством, когда больные вырывают у себя на голове волосы, выдергивают брови и ресницы.

Такое явное обезображивание своей внешности называется в медицине «порчей образа». Оно бывает при весьма серьезных душевных расстройствах. Но если полистать свежие журналы мод, становится понятно, кто прививает безумие широкой публике. Журналы причесок будто издаются в помощь ведьмам, чтобы они смогли привести себя в надлежащий «порядок» перед полетом на шабаш. Все представления о красоте волос вывернуты наизнанку. Всегда ценились пышные, густые волосы. Теперь с помощью особых приемов создается впечатление, что на голове три волосинки. А сколько усилий тратил парикмахер, чтобы добиться аккуратной стрижки, идеально ровной челки! Сейчас же модно стричь вкривь и вкось, сикось-накось. Вдумайтесь в само слова «прическа». Приставка «при» означает приближение. Волосы чешут, приближая друг к другу и одновременно к голове. Теперь же модную прическу уместнее было бы называть «растрепкой» — неровные патлы еще и старательно хаотизируют. Ну и наконец, при самых разных модах на прически никогда не оспаривалось, что волосы должны быть чистыми. Теперь их нужно специально засаливать и вдобавок превращать в паклю.

Неопрятность вообще сейчас поднята на щит. Юбки с перекошенным подолом или даже в виде лохмотьев, прорехи на джинсах, специально, художественно порванные пятки на чулках, рубашки, торчащие из-под свитеров или нарочно застегнутые не на ту пуговицу, обвислые футболки, трехдневная щетина… Но ведь неопрятность — тоже один из клинических симптомов. Психиатрическому больному-хронику свойственно забывать, застегнута ли у него одежда, давно ли он мыл голову или

брился…

— Да ладно вам пугать! — возмутится читатель. — Причем тут психиатрические хроники? Мало ли как люди выглядят, чтобы соответствовать моде?

Но нельзя соответствовать моде чисто формально. Мазать губы синей «агонийной» помадой и при этом оставаться доверчиво-радостным ребенком. Демонстративность, неряшество, уродство, непристойность моды диктует и стиль поведения. А стиль поведения уже прямо связан с внутренней сущностью человека. Даже те люди, которые рабски не подражают моде, все равно варятся в этом соку и постепенно привыкают к уродству как к новой норме.

Если бы великий Ганнушкин, которого мы оставили проводить воображаемый практикум на московской улице, увидел пьющую «из горла» пиво беременную женщину в короткой летней маечке, заканчивающейся прямо над огромным голым животом с кольцом в пупке, он бы вынужден был развести руками и признаться своим юным коллегам, что это какое-то неведомое доселе, сложное, полисимптомное душевное расстройство. Зато наши современники вообще никаких болезненных симптомов тут не наблюдают. А что? Нормально! Надо же в чем-то ходить, когда жарко! Живот голый? Подумаешь! Что естественно, то не стыдно. Ну а про пирсинг в пупке вообще смешно упоминать. Это и декоративно, и, может, там какая-то точка акупунктуры в пупке полезная. Да и потом, девушка, наверное, давно пупок проколола и просто забыла колечко вынуть. Замоталась — и забыла, перед родами сами знаете сколько хлопот. А пивко пускай хлещет на здоровье, ребеночек тогда будет расти у нее внутри, как на дрожжах…

Сколько веков люди помнили, что женщина, которая ждет ребенка, должна вызывать чувство благоговения, ибо прообраз ее — Богоматерь! И даже в безбожное советское время благоговение еще не выветрилось. Часто повторяли вслед за одним дореволюционным писателем (Герценом, кажется): «Будущая мать всегда прекрасна», с Мадонной сравнивали… И вдруг — разом все позабыли… Прямо какое-то коллективное слабоумие получается или, в переводе на психиатрический язык, деменция.

Но деменция эта во многом рукотворна. И законодатели мод занимают среди ее творцов далеко не последнее место. На какую головокружительную, олимпийскую высоту подняты представители этой профессии! Кутюрье, которых раньше называли модельерами и модельершами, а еще раньше — модистками, закройщиками и портными, существовали с незапамятных времен. И люди очень даже нуждались в их услугах. Мы уже говорили, что одежда играла важную декоративную роль, особенно в жизни женщин. Поэтому к советам модельеров прислушивались. Но их как-то не принято было спрашивать, — тем более в печати и по телевизору! — какая экономика нужна государству, какую сторону следует поддерживать в «военном конфликте» США с Ираком, стоит или не стоит легализовать продажу наркотиков, есть ли будущее у клонирования человека и что целесообразнее: сохранить призыв в армию или перейти на контрактную службу. Люди видят это на экране, слушают по радио, читают и думают: «Он такой умный, такой важный! Вчера показали в „новостях“, как он присутствовал на праздничном кремлевском обеде. А этот, из Франции, с красивой двойной фамилией, больной СПИДом, одевает королев… он вообще вчера по телевизору рассуждал о будущем планеты, и все ему смотрели в рот… Раз они такие великие, эти кутюрье, все про все понимают, значит, уж в своем-то деле они наверняка академики! Где тут у нас делают пирсинг? Надо идти…»

Как сводят с ума

Наряду с модными закройщиками, «стилистами жизни» теперь назначены эстрадные певцы и популярные ведущие. Тут уже модели поведения транслируются не опосредованно через модели одежды, а напрямую. И представляют собой широчайший спектр психических отклонений и извращений (на профессиональном языке — девиаций и перверзий). Эстрадные певцы были популярны и раньше. Но даже если кто-то из них вел себя несколько экстравагантно, то, с поправкой на профессию, это не выходило за пределы нормы. Теперь же, по признанию самих артистов, если у тебя нет извращения или хотя бы какой-то «сумасшедшинки», приходится что-нибудь себе придумать. В противном случае забудь о карьерном росте.

Попробуйте однажды посмотреть на экран отстраненным взглядом. Пожалуй, для этого даже лучше выключить звук, чтобы зрительный ряд проступил более выпукло. Часто уже немолодой артист или артистка задирают ноги выше головы, порывисто сбрасывают с себя одежду на сцене (страсть к публичному обнажению называется эксгибиционизмом), скачут козлом, дергаются в конвульсиях, будто страдают тяжелейшим неврологическим заболеванием — болезнью Паркинсона, которая иначе называется пляской святого Витта. У них выпученные глаза, как у больных в состоянии острого психоза. Ну а если включить звук, то послышатся крики, вой, стоны, хрипы, и мы поймем, что имеем дело с безумием, которое старательно «сообщается» залу.

И публика тоже начинает дрыгаться, свистеть, улюлюкать. Безумие заразительно, так что весь

концертный зал, а то и стадион, на время превращается в огромное буйное отделение сумасшедшего дома.

А вспомним молодого ведущего появившейся в конце 90-х музыкальной телеигры «Угадай мелодию». Поначалу многие люди недоумевали, почему этот симпатичный парень все время принимает неестественно-вычурные позы. Почему его деревянная пластика напоминает пластику тростниковой куклы с острова Ява или движения в брейк-дансе? Люди более продвинутые успокаивали себя и других тем, что таков нынешний западный стандарт. Но ведь это тоже по существу ничего не объясняло. И лишь человек, профессионально знающий психиатрию, явственно видел перед собой очень точную, грамотную имитацию каталепсии — определенной формы шизофрении с ее специфической пластикой. Невыносимо было смотреть на потуги участников передачи, которые пытались подражать ведущему-кукле. Выглядели они порой как-то совсем простецки, от них не веяло никакими западными стандартами. Но, вероятно, без этого «нового стиля» до участия в передаче просто не допускали.

Впрочем, это лишь предположение. А вот как около получаса «натаскивали» целый зал старшеклассников перед съемкой передачи «Большая стирка», одна из нас видела собственными глазами. Женщина-режиссер командовала в микрофон:

— Когда я взмахну рукой, вы должны дать реакцию. Ну-ка, попробуем!

Подростки, часть из которых, судя по всему, была на телевидении не впервые, с готовностью заорали, заулюлюкали и засвистели. Режиссер отрицательно замотала головой и резким жестом остановила шум. Выражение лица у нее было очень недовольным.

— Вы что, спите на ходу? Поехали по второму разу! — она опять взмахнула рукой.

Юные статисты завопили и заверещали что есть мочи. Но режиссерша снова насупилась.

— Где драйв? Я не чувствую драйва! — заорала она в микрофон, как помешанная. — А ну-ка еще раз! Третья попытка!

Дети, взятые «на слабо», надрывались так, что казалось, у них сейчас кишки полезут горлом. И, наконец, заработали одобрительный кивок. Съемка началась.

Из приведенной сцены видно, что психотронное оружие — это не обязательно какие-то загадочные излучения, невидимо разрушающие человеческий мозг. Двадцати минут наглого напора оказалось достаточно, чтобы вызвать пусть временный, но массовый психоз. Да и по поводу временности вопрос спорный. Разве беснование может не нанести вреда человеческой душе? Ведь в следующий раз одного взмаха руки (или сигнального слова «драйв») будет для кого-то достаточно, чтобы в памяти всплыла вся цепочка стимулов, приводящих к безумному буйству…

Личность подростка, участвующего в подобных массовках — на телевидении ли, на стадионе, на рок-концерте или на дискотеке — начинает искажаться. Практически все родители обращают внимание на то, что ребенок становится повышенно раздражительным, агрессивным, не терпит замечаний, заводится с пол-оборота. В нем появляется какая-то непонятная жажда разрушения, пропадает сочувствие, умолкает совесть, сердце будто глохнет, достучаться невозможно. Но ведь такая сокрушительная агрессия в сочетании с душевной тупостью — одна из главных характеристик гебоидной психопатии! И вот гебоидные психопаты предлагаются нашим детям в качестве образцов для подражания. Герои компьютерных игр, с которыми отождествляет себя ребенок, только тем и занимаются, что проламывают стены, поджигают дома, взрывают города и убивают всех без разбору. Гебоидными психопатами нашпигованы и современные фильмы.

Вы возразите, что они там, на экране, отрицательные персонажи. И это возражение верно. В нормальной реальности зрители обычно сопереживают положительным героям и не приемлют злодеев. Но в реальности психогенной все по-другому. Сейчас, когда творцы «нового глобального мира» делают все, чтобы поменять полюса добра и зла, возвести зло в ранг нормы, а потом и в ранг добродетели (соответственно, низводя добродетель до уровня курьеза, а затем — до уровня порока), дети интуитивно чувствуют эту перемену знаков и хотят подражать злу, как они хотят подражать чемпионам.

У нас на психологическом приеме все чаще появляются дошкольники, которым нравятся отрицательные персонажи: Бармалей, Карабас-Барабас, Баба-Яга, Кощей Бессмертный. Чтобы почувствовать, какое это серьезное личностное искажение, постарайтесь вспомнить себя в этом возрасте и свою реакцию на сказочных злодеев. Вспомните, как вы содрогались от негодования и ужаса, когда злодеи творили свои злодейства, как хотелось помочь Ивану-царевичу, Буратино, привязанным к дереву Танечке и Ванечке. А когда немного подрастали, какие проблемы возникали при игре в войну, потому что никто не желал быть «фашистом». И на эти роли обычно соглашались дети-изгои, которым хотелось на любых условиях быть принятыми в игру.

А как непросто было педагогу театрального кружка найти кандидатуру на роль отрицательного персонажа! Какие обиды часто возникали у получившего такое «спецпредложение»! Собственно говоря, у нас есть и личный опыт раздачи подобных ролей. Ставя на своих психологических занятиях пьесу по мотивам сказки Д. Н. Мамина-Сибиряка «Серая шейка», мы раньше регулярно сталкивались с

нежеланием детей играть злодейку Лису. Приходилось по-лисьи хитрить, выдумывать аргументы типа: «Ты такой талантливый актер, покажи класс!» или: «Только очень большая актриса, будучи хорошим человеком, способна изобразить злодейку». Но в самое последнее время картина принципиально изменилась. Теперь не успеваем мы при чтении пьесы вслух дочитать ее до конца, как сразу несколько ребят выкрикивают: «Можно я буду Лисой? Отдайте мне Лису! Нет, мне!»

И это в подавляющем большинстве случаев дети из культурных семей, где родители достаточно много занимаются их воспитанием. И патологии серьезной у ребятишек нет, а садистические пристрастия — как у клинических больных.

Другие образчики безумия являет нам телереклама, где здоровые мужики смачно облизывают губы, сладострастно вздыхают, пускают слюни и в экстазе закатывают глаза, почти что лишаясь чувств, когда пробуют йогурт, мороженое, пиццу. Такое несвойственное возрасту утрированно-чувственное отношение к еде присуще душевнобольным, классифицируемым как «шизоидные инфантилы». Это дитя малое так зависит от вкусной еды, что для него отказ купить шоколадку — трагедия, а получение ее — источник восторга. Нормальный же взрослый человек, даже любящий поесть, не шалеет от одной только мысли о «вкусненьком». Один из примеров, который любят приводить на лекциях по психиатрии: шизоидный инфантил готов бросить все важные дела и мотаться по городу в поисках ранней клубники, а потом до изнеможения стоять за ней в очереди (пример, как вы догадываетесь, взят из советского периода). Многим ли сегодня он будет понятен? Мы имеем в виду не очереди, а патологию поведения. «Да что такого? Мужчина просто любит клубнику, — возразит обыватель, уже поврежденный ежедневным лицезрением слабоумных, которые с бесстыдной жадностью обсасывают пальцы, вымазанные кетчупом. — Какие вы, однако, злые, ко всему придираетесь! Это, в конце концов, его дело, на что тратить собственное время!»

А ведь ценностная ориентация инфантила только кажется такой безобидной. Особенно когда вспоминаешь о современной политической обстановке: НАТОвских базах на территории бывшего СССР, бесчинствах Америки, которая ведет себя, как гигантский распоясавшийся гебоид, включение России в «ось мирового зла», претензии Японии на Курилы, претензии Германии на Калининградскую область, скупка иностранцами российских предприятий и земель. Вот на каком фоне взрослых, боеспособных мужчин приучают, выбросив из головы эти «глупости», наслаждаться — дескать, все равно от нас ничего не зависит — клинским пивом и выпечкой фирмы «Ням-ням» (название, приглашающее не просто впасть в детство, а отождествиться с младенцем, еще не вышедшим из периода лепетной речи).

И актеры, которые корчат нелепые рожи, изображая пищевой восторг, одновременно с рекламой йогурта рекламируют патологический образ человека. «Согласно теории социального научения, как дети, так и взрослые, приобретают определенные установки, осваивают эмоциональные реакции и новые типы поведения кино— и теле-героев (Bandura, 1973; Liebert, Neale & Davidson). Ввиду высочайшей эффективности и широкого распространения телемоделирования, средства массовой информации играют чрезвычайно важную роль в формировании человеческого поведения и социальных отношений», — пишет исследовавшая этот вопрос Н. Е. Маркова в книге «Технология уничтожения» (М., 2002).

Конечно, почва вспахивалась давно. Разве нормальным было поведение миллионов советских людей, которые жили, как бы не помня, что другие миллионы их соотечественников, в том числе близких родственников, погибли во время раскулачивания, были расстреляны как «враги народа», томились в лагерях? Мы не говорим о том, что надо было перестать жить, но то, что многие люди жили так, будто ничего этого вообще нет и никогда не было, свидетельствует о серьезном нравственном повреждении. Ведь они даже дома не молились о плененных и убиенных безбожными властями, а ходили в кинотеатры, устроенные в осквернённых храмах, веселились в парках, разбитых на местах бывших кладбищ, благодарили советскую власть за то, что она дала им возможность отдыхать на курортах Крыма и Кавказа. Тогда, правда, и развлечения были не такими примитивными, как сейчас, и много места в жизни людей занимала высокая мотивация: построение светлого будущего, создание передовой науки, освоение целинных земель, завоевание космоса. На следующем же витке истории нравственная порча переросла уже в порчу психическую.

Эталоны, они же симптомы

Нельзя не упомянуть и о целенаправленном расщеплении массового сознания. И в теле-, и в газетной журналистике появился специальный термин: «нарезка». Это чтобы всего было по чуть-чуть, и все в одной куче. При этом редакторы с апломбом заявляют, что люди якобы разучились воспринимать мало-мальски объемные и серьезные материалы. Помнится, на заре перестройки режиссер А. Михалков-Кончаловский, обогащенный опытом работы в Голливуде, рассказывал об особенностях

требовательной американской публики.

— Внимание у тамошнего зрителя, — объяснял он, — очень суженное, как будто они смотрят в подзорную трубу. И очень кратковременное — они его не в состоянии зафиксировать на чем-то одном дольше минуты. Поэтому в Штатах такие высокопрофессиональные фильмы: никаких длиннот, только «экшн» (action).

Теперь такого «требовательного» зрителя формируют и у нас. А ведь Михалков-Кончаловский, сам того не подозревая, — он же по профессии режиссер, а не психиатр, — описал больных с так называемым «полевым поведением» и вниманием, выражаясь профессионально, «суженным по типу коридора». Даже у детей полевое поведение считается нормой лет до двух, максимум до трех. А тут оно у взрослых… Комментарии могут показаться бестактными.

Лучше перейдем к краткому перечислению других патологий, провоцируемых злополучной «нарезкой». Это и разорванность сознания, когда человек не способен выстроить простейшую логическую цепочку. Это (снова профессиональная терминология) скачка идей. Это эмоциональное отупение, которое возникает как патологическая защитная реакция на склейку трагических известий с нейтральными и даже радостными. («Маньяк зверски убил очередную жертву. Курс доллара остался прежним. Завтра открывается фестиваль пива».)

А еще когда человека ежедневно оглушают таким количеством шокирующих новостей, у него возникает — тоже защитного характера — амнезия. На войне подобные расстройства памяти нередко бывают следствием контузии. В сегодняшней же информационной войне роль снарядов и бомб играет умно скомпонованная и соответствующим образом поданная информация. Контуженные ее взрывной волной телезрители с трудом вспоминают, что видели вчера. А уж политические события, за которыми они так напряженно следили год назад, невозможно восстановить в памяти даже под дулом пистолета.

А сколько сил брошено на то, чтобы приобщить как можно больше людей к различным половым извращениям, которые (может, не все это знают?) тоже относятся к разряду психопатологии! Скажем, нашумевшая телепрограмма «За стеклом», кроме всего прочего, провоцировала такое психосексуальное расстройство, как вуайеризм (попросту говоря, это когда получают специфическое удовольствие, подглядывая в замочную скважину чужой спальни). Или взять передачу «Голая правда», где, сообщая новости, ведущие поэтапно раздеваются. И эти две передачи, и масса других поощряют вуайеризм со стороны зрителей и эксгибиционизм — отклонение, связанное с любовью к прилюдному обнажению участников. А как подогреваются в СМИ монстрофилия (патологическая любовь к уродству) и педофилия (еще недавно этот термин приходилось объяснять, но сейчас, увы, уже не требуется, телевидение позаботилось о просвещении масс)!

Иногда клинический диагноз поставить нелегко. Например, в телерекламе, когда вся семья, собравшись за столом, ворует друг у друга сосиски, и это подается как забавная игра. Кто эти игруны: олигофрены или клептоманы? Или тут может идти речь о комбинированном дефекте? Очень не хватает профессора Ганнушкина…

До недавнего времени хотя бы совсем маленьких детей оставляли в покое. Компьютерные игры, идиотские книжки и даже мультфильмы с бэтменами и киборгами — все это было еще не для них. Но теперь появились разработки, охватывающие и эту возрастную группу. А то вдруг они за первые три года жизни успеют нормально сформироваться?

«Телепузики» — первая в мире программа для младенцев до одного года — появилась в Англии в 1997 году и тут же была экспортирована в США компанией PBS (Public Broadcasting Station — Общественное телевидение («Улица Сезам»), — специализирующейся на детской образовательной продукции, — пишет уже цитировавшаяся нами социолог Н. Е. Маркова, — С самого начала производители телепередачи настойчиво позиционировали ее как обучающую… Реклама утверждала, что программа развивает воображение младенцев, облегчает их моторное развитие, способствует довербальному развитию языка и учит обращению с техникой».

Видите, как привлекательно? Тем более, что сейчас модно заниматься ранним интеллектуальным развитием детей. Но из разбора Н. Е. Марковой становится очевидно, что ни о каком интеллектуальном развитии не может быть и речи. Скорее, наоборот. Как учат маленького ребенка? Показывают ему какой-то предмет или картинку и говорят: «Это — то-то». В «Телепузиках» же словесная информация часто противоречит зрительной. Маркова приводит характерный пример: «Визуальная информация — крупный план: рука мальчика держит кусочек яблока. Вербальная информация — голос ребенка за кадром: „Это виноград“.

Или: детские пальцы держат кисточку с красной краской, раскрашивая дымковскую игрушку. Голос ребенка за кадром: «Это зеленая краска». Так хаотизируется еще очень хрупкая психика малыша, блокируется усвоение правильной информации.

Обучают «Телепузики» и девиантному, отклоняющемуся поведению.

Н. Е. Маркова предлагает рассмотреть некоторые из моделей внедряемого поведения.

Модель поведения: для исполнения желаемого достаточно немного поныть и похлопать в ладошки.

Результат усвоения модели: пассивный характер, неспособность добиваться поставленных целей и бороться с жизненными трудностями.

Модель поведения: перед сном надо ныть, прятаться, говорить «Нет-нет».

Результат усвоения модели: неврастения, расстройство сна.

Модель поведения: садясь за стол (на кресло, диван и пр.), громко имитировать пуканье, что вызывает веселое одобрение окружающих.

Результат усвоения модели: формирование девиантности, неразборчивости, грубого, бесчувственного, эгоистического характера.

Модель поведения: можно лихо прыгать в любые отверстия (дьявольски похожие на открытые люки), как это делают «телепузики».

Результат усвоения модели: увеличение детского травматизма. Переломанные руки, ноги и позвоночники; исковерканные детские судьбы.

«Перечислим наши предыдущие открытия, сделанные при просмотре „Телепузиков“, — подытоживает исследовательница, — склонность к асоциальному поведению, девиантности и депрессии; эмоциональная тупость, пассивность, беспомощность, деструктивное мышление, неврастения; прибавим к этому крепко усвоенные в младенчестве неправильные связи элементарного вербально-визуального ряда (ребенок будет путать зеленый и красный, яблоко и виноград и пр.), и мы получим портрет будущего неудачника и преступника — потребителя наркотиков».

А скольким людям развинтили психику так называемым сетевым маркетингом! Наивно думать, что многочисленные приемы «запудривания мозгов» влияют только на покупателей. Присмотритесь к агентам, распространителям и дистрибьюторам всяких там гербалайфов, цептеров и омолаживающих бальзамов. Разве можно считать нормальным человека, который, как заведенный, скандирует заученный рекламный текст, нисколько не ориентируясь на реакцию тех, к кому он обращается? Они могут его не слушать, могут даже попросить выйти и не мешать работать, если он пришел со своим товаром в учреждение — все без толку. Пока этот живой граммофон не прокрутит свою пластинку до конца, его никакими силами не выключить. Согласитесь, такое поведение не назовешь адекватным. Неадекватно и то, что «специалист по сетевому маркетингу» перестает дифференцировать людей на своих и чужих, всучивая «эксклюзивный продукт» (якобы вчера еще секретную разработку военно-промышленного комплекса или лекарство, которым лечили только членов Политбюро) всем без разбору, в том числе близким родственникам и закадычным друзьям. Хотя нормальный торговец на своих не наживается.

Не реагирует одержимый распространитель и на ситуацию. На дружеской вечеринке, на похоронах, на свидании с девушкой он может в самый неподходящий момент вытащить из сумки образчик заветного товара и начать рекламную кампанию. Скажите, разве может все это вытворять человек в здравом уме и твердой памяти? И разве обязательно быть крупным психиатром, чтобы диагностировать его нездоровье?

Усугубление признаков

А как губительна для людей истероидного склада (которых на свете не так уж и мало!) оголтелая сексуальная пропаганда и призывы раскрепоститься! Может быть, не всем известно, что «истерия» по-гречески значит «матка». Когда половые влечения гипертрофированы, особенно опасно эту сферу растормаживать, подогревать. Бытует, правда, мнение: чем меньше себя сдерживаешь, тем лучше. В том числе и в интимной жизни. Отбросим ложный стыд — и психика якобы успокоится. Но на самом деле все наоборот. Истероидность (то есть конституциональная особенность нормального характера) может при подобной раскачке перерасти — и нередко сейчас перерастает — в натуральный истерический психоз.

— Никогда раньше не видел таких острых форм истерии, как сплошь и рядом вижу сейчас, — признался нам один психиатр с тридцатилетним стажем работы в крупной московской больнице. — Даже истерическую дугу можно увидеть, о которой раньше только в литературе читал (это когда в состоянии истерического припадка больная выгибается мостиком — *прим. авт.*).

Позволить истеричной женщине (а истерия, по преимуществу, женская болезнь, хотя в связи с феминизацией мужчин количество истериков среди представителей сильного пола существенно увеличилось) беспрепятственно удовлетворять свои нижепоясные желания — это все равно, что позволить человеку, страдающему ожирением, есть столько раз и в таких количествах, сколько ему заблагорассудится. «Раскрепостившись», толстяк очень быстро отправится на тот свет. Но если больной ожирением вредит распущенностью только себе, то душевнобольной, которому общество позволяет

распуститься, губит не только себя, но и других. Взять тех же истеричек. Раньше избытки их дурной энергии выплескивались на окружающих главным образом в виде криков, скандалов, обид, внезапных слез, которые так же мгновенно высыхали, как и появлялись. Пока общественная мораль не была расшатана, повышенное внимание истеричек к определенной стороне жизни часто оборачивалось парадоксальной стороной, то есть ханжеством: они уличали других в тайных амурных отношениях по принципу «куре просо снится». Это тоже было малоприятно, приводило к конфликтам, даже к трагедиям. Но теперь, когда эротика в почете, сексуально озабоченные граждане и гражданки уже не скрывают своих истинных пристрастий. И жизнь многих семей превратилась в ад. Нетрудно себе представить, что приходится теперь выносить мужу «просвещенной» истероидной женщины, как она унижает его, как попрекает мужским бессилием, как афиширует свои связи на стороне, ссылаясь на рекомендации, вычитанные в журналах и даже услышанные во врачебных кабинетах. А поскольку истерички демонстративны, они с удовольствием устраивают свои «концерты» на публике. В том числе и при детях. Страшно подумать, как калечится душа ребенка, который слышит непристойные обвинения в адрес своего отца.

А какое сейчас раздолье для сексуально озабоченных учителей в школе! Валеология, уроки здоровья, элементы полового воспитания в литературе, истории, не говоря уж о биологии, в которой при желании все можно повернуть «в ту степь». Тем более, что курируют соответствующую тематику в школьном образовании поистине «достойные» люди. К примеру, старый содомит с совершенно развинченной психикой, позирующий для газетных фотоснимков в трусах и кокетливо выставляющий напоказ голые ноги, он же академик Академии образования и чуть ли не главный консультант по вопросам полового воспитания школьников. А другой психбольной, госпитализированный в свое время с диагнозом «навязчивые сексуальные фантазии и прилюдный онанизм», теперь выступает как крупнейший сексопатолог по телевидению и окультуривает отсталых россиян, заявляя, в частности, что только в такой чудовищно дикой стране, как наша, до сих пор отсутствуют в школах уроки сексологии. Позор на весь цивилизованный мир!

Быстро, однако, реализовались наши гамбургские фантазии о сумасшедших, которые скоро будут диктовать нормальным людям свои правила человеческого общежития! И если бы дело ограничивалось только «сексуальными революционерами»… Коллеги-психиатры не раз говорили нам, что многим представителям современной власти легко можно поставить диагноз прямо по телевизору — настолько выпирает болезнь. И эти больные люди в последние годы решают судьбу целой страны. Что, опять случайность? Но в это даже малое дитя не поверит. Особенно сегодня, когда нам неустанно объясняют, что без «раскрутки» выбиться наверх нельзя.

Тогда с какой целью создаются условия для главенства безумцев, а в конечном итоге, и для превращения всего мира в психбольницу без врачей?

Группа поддержки

Мы уже неоднократно писали, что многие явления современной жизни, кажущиеся хаотичными и абсурдными, обретают логику в контексте глобализма. Проект создания всемирного государства предполагает не только отмену границ и единое экономическое и информационное пространство, но и отрыв людей от национально-культурной почвы, традиционной морали, традиционных норм поведения. Именно это и стоит за красивым словом «вестернизация». Хотя на самом деле термин обманчив, ибо и в странах Запада многие воспринимают происходящие процессы как нечто чужеродное. Они кивают на Америку, но и в Америке далеко не все в восторге от новых веяний и называют их «контркультурой», тем самым подчеркивая ее враждебность нормальной, традиционной культуре. А кто же в восторге? Кому может нравиться «культура» рока-секса-наркотиков, отказ от традиционных норм, уродство как эталон красоты, безнравственность и хаос? Кто способен легко адаптироваться в мире, где все вверх дном? Ну конечно же, люди с расшатанной, хаотизированной психикой, которые и сами склонны путать черное с белым.

А с другой стороны, отказ от традиционных норм поведения калечит и здоровых людей. Мы в этом много раз убеждались, видя девочек и мальчиков из богатых семей, где родители особенно падки на новые веяния. Изначально сохранная психика таких детей деформировалась от нетрадиционного воспитания. Причем настолько серьезно, что помочь им было намного труднее (а подчас и невозможно!), нежели детям с врожденной психопатологией. Так что вывод о теснейшей связи традиционных культурных норм с психическим здоровьем — это не просто наши теоретические измышления, а результат многолетнего эмпирического опыта.

Но зачем, опять-таки возникает вопрос, глобалистам нужен безумный, перевернутый мир, в котором уродство занимает место красоты, а порок назначается новой добродетелью? Ответ на этот вопрос неизбежно выходит за пределы прагматики. По-настоящему понять глобализм без его духовной

составляющей нельзя. Лишь признав, что на наших глазах строится не просто новый, а антихристианский миропорядок, мы наконец перестанем недоуменно пожимать плечами и начнем вникать в суть многих разрушительных тенденций. В частности, той, о которой мы сейчас говорим.

В уже упоминавшейся книге Фуллера приводятся интересные исторические факты. Оказывается, еще в XVIII веке случаи заболевания шизофренией в Европе были достаточно редки. «И вдруг внезапно, на переломе столетий, — пишет автор, — шизофрения появляется в той своей форме, которую уже ни с чем не спутаешь». В течение всего XIX века количество заболеваний шизофренией возрастало. «Во Франции Э. Реноден в 1856 году опубликовал развернутые данные о распространении безумия — особенно в городах и среди молодежи, а на следующий год, в Англии, Джон Хокс писал: „Я очень сомневаюсь, что когда-либо в истории было такое же количество сумасшедших, как в наши дни“. В 1873 году Харрингтон Тьюк предупреждал, что „вал безумия медленно нарастает“, а через три года Р. Джеймисон сказал: „Наиболее заметным явлением наших дней стало вселяющее тревогу увеличение числа сумасшедших“.

В США же еще достаточно долго не наблюдалось роста душевных заболеваний. «Первая американская психиатрическая клиника, — рассказывает автор, — открылась в Уильямсбурге (штат Виргиния) в 1773 году. В ней имелось 24 койки, но в течение 30 лет они так ни разу и не были заняты все одновременно. За 43 года в период с 1773 по 1816 годы не было открыто больше ни одной подобной клиники, а в течение следующих тридцати лет их появилось еще 22». Заметный рост числа душевнобольных произошел лишь в XX веке, и сейчас США считается страной с достаточно высоким уровнем заболеваемости шизофренией (7,2 больных на 1000 жителей).

Фуллер, как легко догадаться, далек от православной трактовки изложенных им фактов. Но для человека верующего очевидно, что отказ от Бога не может проходить бесследно для человеческих душ. Поэтому ничего удивительного, что вспышка шизофрении пришлась в Европе как раз на эпоху Французской революции. Именно тогда была предпринята попытка отказаться от христианства, заменив его поклонением некоему Высшему Разуму. Безжалостно разрушались церкви, в алтарях на престолах восседали голые блудницы. В Америке же, которая в целом еще достаточно долго оставалась страной с нерасшатанными религиозными устоями, число шизофреников увеличивалось не столь стремительно. Зато после Второй мировой войны, когда в Штатах обкатывался антихристианский проект создания контркультуры «МК-ультра», проблема шизофрении и прочих душевных заболеваний встала как нельзя более остро.

Сейчас принято говорить «психические заболевания», но корень слова несколько затуманивает смысл. Хотя большинство людей знает, что «психе» переводится как «душа», а все же, если сказать «душевные заболевания», «душевнобольной», ситуация проясняется.

Когда человек заболевает телесно? В большинстве случаев, когда его организм не в силах справиться с какой-то инфекцией, какими-то вредными воздействиями извне. Душа же заболевает, когда она не в состоянии побороть «вирусы» страстей, и они одерживают над ней верх, завладевают ею и порой даже полностью подчиняют себе (что и называется одержимостью).

Простейший пример победы страсти над человеком — гнев психопата. Он ведь прекрасно знает (не только в 40 лет, но и в 4 года!), что кричать, угрожать, драться плохо. Но справиться с гневом не может. В состоянии аффекта, ослепленный гневом, он и убить способен. Не то что врага — близкого, любимого человека! Потом, когда накал страстей спадет, психопат будет искренне недоумевать, как это с ним такое приключилось. А иногда и вовсе не помнит, что он вытворял полчаса назад.

А что такое мания величия, как не одержимость страстью гордыни? Настолько сильная, что помрачает рассудок. Ведь, рассуждая здраво, невозможно считать себя Наполеоном или президентом США хотя бы потому, что ты живешь в другое время, в другой стране и у тебя другая фамилия.

Да, в крайних своих проявлениях душевнобольные становятся без-умными, ума-лишенными. Это состояние раньше вызывало у окружающих мистический ужас, потому что ум считался одним из главных Божьих даров человеку. «Божество есть ум и слово, „ибо в начале было Слово“ (Ин. 1, 1)», — пишет святитель Григорий Нисский в трактате «Об устроении человека». — Недалеко от сего и естество человеческое. Видишь в себе и слово и разум, подобие подлинного Ума и Слова».

Образы и лукавые подобия

А вот что говорит со ссылкой на апостола Павла дореволюционный священник Иоанн Ковалевский: «В разуме Бог положил существенную черту Своего великого образа в нас» (Еф. 4, 22-23), и по этой причине с отказом от ума, этого благодатного дара неба, человек теряет все, что составляет истинное его величие, истинное его достоинство… Не большею ли частью, чтобы не сказать всегда, бывает для человека обиднее всего укор в скудоумии, чем в каком-либо другом недостатке, даже нравственном?» (Подвиг юродства. М., 2000. Лепта).

При этом настоящий ум теснейшим образом связан с верой в Бога. «Мы имеем ум Христов» (1 Кор. 2, 16). И напротив, — «не неопытность в слове, но неимение веры» (Толкование на 1-е послание к Коринфянам. М., 1882). Просвещенный верою ум ведет человека узким путем спасения, учит обуздывать страсти. Апостол Павел заповедовал нам, чтобы мы «не были дети умом: на злое были бы младенцы, а по уму совершеннолетние» (1 Кор. 14, 20). Когда же страсти помрачают разум, который святые отцы называли светом души, человек, духовно ослепнув, становится рабом тьмы. Так, плодя безумие, антихристианские силы готовят для своего будущего правителя обширную группу поддержки. Группу или войско?

Как буквализировались сегодня высказывания апостола Павла: «Мудрость мира сего есть безумие перед Богом» (1 Кор. 3, 19)! И в этом безумном мире элементарные христианские понятия могут быть сочтены сумасшествием. Поди скажи неправославным людям, что утрата невинности 17-летней дочерью — беда неизмеримо большая, нежели потеря денег, положенных в банк. Или что уход сына в монастырь не трагедия, а милость Божия. Знакомые начнут переглядываться и хмыкать. А если еще добавить, что бесы — это вовсе не метафора, может воцариться неловкое молчание. Кто-то сочувственно вздохнет: дескать, вот до чего доводит хождение в церковь. Совсем, бедняга, рехнулась…

И смотрите, что на сей раз использует диавол, эта извечная обезьяна Бога, в качестве объекта пародии: «Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым» (1 Кор. 3, 18-19).

Формально этому наставлению следуют сейчас как никогда более старательно. Раньше, чтобы пробиться на ту же эстраду, все-таки нужно было иметь голос, хорошие внешние данные, умение красиво двигаться. Сейчас все это необязательно. Зато необходим «свой имидж» по принципу «чем эпатажнее, тем больше шансов на успех». Прикинься безумным — не прогадаешь. Причем из всех видов патологий предпочтительнее сексуальные. Вон певицы группы «Тату», имидж которых — школьницы-лесбиянки. Вообще-то это верх безумия — так популяризировать грубое половое извращение, да еще в детской среде. Но с точки зрения современных антрепренеров и обывателей «татушки» умны не по годам: такая слава, триумфальное шествие по всему миру, денег вагон. Можно сказать, с младых ногтей обеспечили себе достойную старость. Другие, дуры, часами пиликают на скрипке, разучивают гаммы, заканчивают консерватории, чтобы потом работать в заштатном оркестре, а то и музработником в детском саду. А эти, мудрейшие, раз — и в дамках!

И умение рисовать теперь ни к чему. Кому ты нужен со своими пейзажами, натюрмортами, портретами, не говоря уж о батальных сценах? А вот художник Кулик, посадивший себя голого на цепь и изобразивший собаку, пошел другим путем. Ему рукоплескал цивилизованный мир, он опять же заработал хорошие деньги… Каков мудрец!

Очень мудро прославил себя и писатель Сорокин, описав в своих романах копрофагию (поедание экскрементов) и антропофагию (поедание человеков). Его мудрость оценили по достоинству и на родине, и за ее пределами. На родине в некоторых школах даже включили его последний роман, нагруженный грязными ругательствами, в список рекомендованной литературы для внеклассного чтения. Мудрым слывет и политик, на которого иногда нелишне было бы надеть смирительную рубашку. И идеологи проекта «Русский ислам» — абсолютно безумной идеи исламизации России и русских. Их мудрость признана и поощрена властями, на реализацию проекта выделены значительные средства.

Как маячит за всей этой вакханалией «мудрого безумия» глумливая усмешка ее вдохновителя! Наверное, и он считает себя большим умником, поскольку так ловко извратил смысл апостольского изречения. Ведь апостол Павел, обращаясь к христианам города Коринфа, призывал их, естественно, не к беснованию, а к исповеданию Христа и к жизни по христианским заповедям. Жизни, которая «веку сему» может казаться безумием, но которая и есть настоящая мудрость. Безумными считались среди соплеменников те, кто отказывался бросить горстку благовоний на языческий жертвенник и с радостью претерпевал за это зверские муки. Но в конечном итоге они оказались мудрыми даже в «веке сем», ведь их слава пережила многие столетия, им молятся, их именами называют детей. Имена же их гонителей если и помнят, то только в связи с этими святыми мучениками.

А были среди христиан и такие, которые нарочито вели себя как безумные. На первый взгляд, подобно сегодняшним ловкачам, избравшим сумасшествие в качестве выгодной бизнес-маски. О юродстве тоже можно сказать, что это была маска. Но прикрывала она не хитрый расчет снискать популярность и огрести кучу денег. Нет, под маской юродства таились мудрость, просветленность, часто дар прозорливости. А главное, делалось все это **Христа ради**, а не ради удовлетворения своих страстей и низменных желаний. Не для того, чтобы тешить беса, а чтобы при жизни не получить никакого воздаяния. Даже в виде похвалы. «Эти славные подвижники, воодушевляемые горячей ревностью и пламенной любовью к Богу, добровольно отказывались не только от всех удобств и благ жизни земной, от всех выгод общественной жизни, от самого близкого и кровного родства, но даже

отрекались при полном внутреннем самосознании от самого главного отличия человека в ряду живых существ — от разума, добровольно принимая на себя вид безумного, а иногда и нравственно падшего человека, не знающего ни приличия, ни чувства стыда, дозволяющего себе иногда соблазнительные действия», — читаем в книге «Подвиг юродства».

Во всех житиях юродивых подчеркивается, что втайне от людей они усиленно молились за весь мир и держали строгий пост, часто скитались, не имея ни жилья, ни вообще какой бы то ни было личной собственности.

Но и в древности, и в более поздние времена были псевдоблаженные, только внешне копировавшие поведение настоящих юродивых. Их симуляция маскировала лень, развращенность и бешеную гордыню. Именно по этой причине в XVIII веке российские церковные власти перестали признавать юродивых и не благословляли этот особый вид духовного подвига. Хотя юродивые в России не перевелись. В XX веке к лику святых Православной Церкви были причислены блаженная Ксения Петербургская и блаженный Алексей Елнатский.

В наше время, наверное, как никогда поощряются антихристианские подобия юродства. Юродивые одевались в отрепья? Пожалуйста, у нас есть хиппи, клошары и прочие так называемые неформалы. Юродивые ходили зимой босиком? Милости просим в секту Порфирия Иванова. Усиленно постились? Да теперь целые научные институты занимаются проблемой лечебного голодания. И любителей подобных диет немало. Ну а уж то, что некоторые юродивые были почти или вовсе нагими, растиражировано ордами нудистов. Теперь на популярный московский пляж в Серебряном Бору нужно ходить с большой осторожностью. Иначе столкнешься с целым стадом голых людей, которые купаются, играют в волейбол и в карты, едят, нисколько не стесняясь своей наготы, а скорее презирая тех, кто стесняется пребывать с ними рядом.

Чем вольготнее чувствуют себя в современном мире одержимые, тем важнее сохранять критерии нормы. Для этого не нужно никаких особых дарований, это под силу каждому человеку. Безусловно, лучше, когда людей в их духовной борьбе поддерживает государство, но не стоит тешить себя пустыми мечтаниями. Глобалистское государство будет играть за другую команду. Поэтому противостоять натиску безумия придется нам самим. Хотя почему «самим»? Разве «живый в помощи Вышнего» может сказать, что он один?

2004

ДАЕШЬ АЛЬТЕРНАТИВУ!

Прежняя жизнь, которая с каждым годом все больше уходит в прошлое и уже кажется чуть ли не легендарной, очень превозносила волшебную силу искусства. Без него не мыслили существования. Взять хотя бы театр. Сейчас это, в основном, развлечение для молодых, а сравнительно недавно, лет 30-40 назад, картина была иной. В театр ходили часто, и не только молодежь, а люди самого разного возраста и, главное, разного уровня культуры. Это считалось неотъемлемой составляющей «нормального досуга». А многие вообще были заядлыми театралами (сейчас даже это слово постепенно исчезает из нашего лексикона) и терпели в связи с этим значительные трудности и неудобства. Например, приезжали из загорода в электричке, возвращаясь после спектакля домой за полночь. А один наш новосибирский знакомый рассказывал, как в 60-е годы жители тамошнего Академгородка тратили на посещения театра… сутки.

Шоссе в то время не было, а поезда ходили редко и очень медленно. Но люди все равно не пропускали ни одной премьеры.

А как народ стоял ночами в очереди за билетами на Таганку! И ведь не летом (лето — время гастролей), а длинной московской зимой. Кто-то периодически грелся в машине, однако машины тогда были роскошью. Тем более для студентов, из которых, в основном, и состояла очередь таганских «экстремалов». (Люди посолидней раздобывали билеты иными способами.)

Вы можете себе представить сегодняшних молодых, которые выстаивают ночь на морозе за билетами в театр? Да за чем бы то ни было!?

Вечера поэзии проходили в огромных залах. Даже на стадионах! И проблем с наполняемостью зала не было. За хорошими книгами велась настоящая охота. Сдавали горы макулатуры, чтобы получить «талон на Дюма». Переплачивали втрое, а то и вдесятеро на «черных рынках» за книги талантливых, но редко издаваемых авторов. Предметом особой гордости были коллекции альбомов по искусству, благодаря чему советские люди знали шедевры мировой живописи куда лучше, чем итальянцы или французы, которые имели возможность лицезреть эти шедевры в подлиннике.

Конечно, во многом такое поклонение искусству объяснялось дефицитом и «железным занавесом», но нам сейчас важно другое. Искусство в представлении наших людей было АНАЛОГОМ

ПРЕКРАСНОГО. Это стало непререкаемой догмой, и к концу советского периода попытки некоторых критиков втолковать, что искусство на самом деле бывает разным, в том числе антиэстетичным и даже бесчеловечным, отвергались с порога. Разве мог «нормальный человек» говорить такое? Да никогда! Только тупицы и бездари, продавшиеся с потрохами тоталитарной власти, смеют критиковать западное, как тогда называли «буржуазное», искусство!

Иллюзия безусловной благости искусства подкреплялась еще и цензурой. Таких авторов, как Сорокин, в принципе не могло быть ни на книжных прилавках, ни на сцене.

И только в последние годы, когда мы удостоились сомнительного счастья читать и видеть образцы свободного, нецензурированного искусства, уверенность в том, что оно по определению прекрасно, поколебалась. Но инерция культа была столь велика, что еще совсем недавно, в 1999 году, когда мы, будучи организаторами конференции для психологов и педагогов, назвали ее «Искусство: созидание или разрушение», это было воспринято окружающими как нечто очень спорное, чуть ли не одиозное. А преподавательница журфака МГУ Марина Леонидовна Князева, выпустившая в то же самое время брошюру о «черной», демонической культуре, насаждаемой Западом, наткнулась на непонимание и даже осуждение большинства своих коллег. Хотя они, казалось бы, должны были понимать суть проблемы лучше других, поскольку, обучая будущих журналистов, прекрасно знали содержание современной прессы, теле— и радиопередач.

Сейчас, по прошествии нескольких лет, когда только самый ленивый не вызубрил клише «мутные потоки порнографии, льющиеся с экранов телевизоров», к нашим людям постепенно приходит понимание того, что искусство далеко не всегда прекрасно. И волшебная сила, коей оно безусловно обладает, часто оказывается вредоносной. Но, к сожалению, до настоящего осознания этого печального факта еще далеко.

Особенно силен стереотип доверчивого отношения к искусству для детей. И это вполне естественно. Для нормальных взрослых (а подавляющее большинство взрослых в нашей стране еще воспитывалось нормально, без пресловутых «мутных потоков») дети неприкосновенны. А между тем, разрушительные тенденции массового искусства для детей с каждым годом усугубляются. На некоторые опасности мы постарались в этой книге указать.

Теперь попробуем ответить на давно назревший у читателя вопрос: «Что делать?»

Сейчас нередко можно услышать призывы к родителям предварительно самим знакомиться со всей той продукцией, которая может попасть в руки и на глаза ребенку. Звучит вроде бы убедительно, но в условиях информационного общества это, увы, неисполнимо. Ведь в таком обществе информация плодится со скоростью микробов. Любая, не только новости. Сотни издательств одномоментно издают десятки тысяч книг, по множеству телеканалов транслируются новые, никому не известные мультфильмы. От количества дисков старых и новых эстрадных групп можно ошалеть. А есть еще компьютерные игры, детские, подростковые, молодежные журналы… Надо бросить работу и с утра до ночи все это прочитывать, просматривать, прослушивать, проигрывать. И то не факт, что сумеешь охватить весь объем. А не сумеешь, скажут, что плохо воспитываешь ребенка.

Сам виноват, не досмотрел. В общем, это ловушка.

Еще одна ловушка, в которую частенько заманивают родителей, это совет смотреть, читать, слушать модные новинки вместе с детьми, давая свои оценки и преобразуя на ходу душевредные впечатления в душеполезные. Смотришь фильм про ведьм — расскажи об ангелах. Увидишь сцену изнасилования — быстренько дай приемы самообороны. Читаешь, как кто-то убил родную мать — запой песню: «Если мать еще живая»… Кстати, мы лично знакомы с несколькими пока еще живыми матерями, жертвенная любовь которых доходила до того, что они сопровождали своих детей на ночные дискотеки. Провести разъяснительную работу там, правда, не удавалось: слишком гремела музыка, а к утру, дойдя до дому, дети заваливались спать.

Зато одна из матерей совершила своеобразный молитвенный подвиг. В разгар беснования, когда молодежь, выбрасывая вперед руку с двумя растопыренными пальцами (по одной версии, это знак виктории, по другой — дьявольские рога), выкликала своего рок-кумира по имени: «Слава! Слава! Слава!», эта благочестивая женщина неустанно повторяла: «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу!»

Но что же все-таки делать? Неужели запрещать? Увы. Как говорит наше правительство, придется пойти на непопулярные меры. Хотя в народе они, без сомнения, будут куда популярнее, чем монетизация льгот или реформа здравоохранения. Пожалуй, ни одна конференция, посвященная детям, в последние годы не обходится без призывов к власти ввести нравственную цензуру. Это и есть самый главный позитив, самая главная альтернатива творящемуся безобразию. Сейчас ведь очень модно в ответ на обличение зла возражать: дескать, это все понятно, знаем, слышали, критиковать легко, вы лучше скажите, где ваш позитив, где ваша положительная альтернатива… При этом подразумевается, что со злом ничего делать не надо, его надо воспринимать как данность, а лишь параллельно продвигать свое.

Но скажите, если, не дай Бог, убийца занесет нож над вашим ребенком, какой тут будет позитив, какая альтернатива?

Наверное, не в том, чтобы, предоставив ему свободу действий, писать в укромном уголке статьи о милосердии… Наверное, вы постараетесь запретить злодею убийство: огреете его чем-нибудь тяжелым, выбьете нож из его руки и т. п. Вряд ли в такой ситуации даже отъявленному либералу придет в голову говорить, что запрещать только хуже, ибо запретами ничего не добьешься. Так что подобная постановка вопроса — еще одна широко используемая ловушка. Да, зло до скончания века полностью неуничтожимо, но оно может верховодить, а может, если его шугануть, заползти в крысиную нору.

Между прочим, в недрах свободного западного общества уже разработана стройная система доводов в защиту государственного контроля за средствами массовой информации. Об этом очень интересно рассказал в своем учебнике «Манипуляция сознанием» С. Г. Кара-Мурза: «Первый довод сторонников общественного (в том числе государственного контроля за СМИ сводится к тому, что „информационная продукция“ выпускается сегодня на рынок не личностями, а крупными корпорациями (суперкомпаниями). Уже с начала 70-х годов такие фирмы входят в список 500 крупнейших компаний США. Кроме того, с тех пор произошло сращивание этих фирм с крупнейшими банками, которые стали главными держателями акций телевизионных компаний.

На корпорации же права и свободы личностей (типа свободы слова) не распространяются» (М., Алгоритм. 2004. С. 370).

И далее: «Таким образом, считается неправомерным применять категорию „гражданских прав“ к коммерческой фирме, выпускающей товар для рынка. Эта фирма должна подвергаться такому же контролю, как любой другой коммерческий товаропроизводитель. Юристы отмечают, что свобода печати — право личное, а владельцы СМИ имеют лишь право собственности.

Вторая группа доводов связана с правами (свободами) потребителя. Принципом рынка, гарантирующим свободу воли каждого участника сделки, является возможность принятия рационального решения. Это значит, что потребитель должен иметь возможность знать, к каким последствиям для него приведет потребление данного продукта. Поэтому, например, так строго контролируется обозначение на упаковке товаров всех ингредиентов, особенно тех, которые могут оказать побочное, нежелательное воздействие или являются источником опасности при неправильном употреблении. Отсутствие таких сведений рассматривается именно как нарушение свободы потребителя — и за достоверным сообщением таких сведений следит целая система государственного контроля (то есть разновидности цензуры этих сообщений).

Очень жестко контролируется рынок тех продуктов, которые меняют поведение потребителя, делая его «зависимым» от продукта. Эта зависимость лишает потребителя свободы, лишает его возможности принимать рациональные решения. К таким продуктам относится, например, алкоголь, рынок которого нигде (кроме, наверное, РФ) не является свободным. Крайним выражением этого свойства некоторых продуктов являются наркотики — они до сих пор почти повсеместно запрещены к продаже. А как же свобода «не хочешь — не нюхай»? Дело в том, что человек, начав нюхать, быстро становится зависимым от наркотика и утрачивает свободу. Значит, продажу этого продукта государство запрещает с помощью насилия, часто весьма грубого.

К какой же категории продуктов относится «товар» телевидения? Сегодня, после двадцати лет интенсивных и всесторонних исследований, ответ на этот вопрос не вызывает никаких сомнений. Телепродукция — это «товар» сродни духовному наркотику. Человек современного городского общества зависим от телевидения. То есть гипнотизирующее воздействие телевидения таково, что человек частично утрачивает свободу воли и проводит у экрана гораздо больше времени, чем того требуют его потребности в информации и развлечении» (Там же. С. 370-371).

И не нужно думать, что общественный протест ничего не значит. Требования ввести нравственную цензуру медленно, гораздо медленней, чем хотелось бы, но все же получают отклик среди властей предержащих. Несмотря на отчаянное сопротивление порномафии, которая, как теперь полагается в «цивилизованном мире», имеет своих представителей во властных структурах, Думе удалось-таки вернуть в Уголовный Кодекс ответственность за растление детей моложе 16 лет (выражаясь юридическим языком, «повысить планку половой неприкосновенности», которую либералы в правление Ельцина опустили аж до 14-летнего возраста). Теперь разработан закон «О защите детей от информации, наносящей вред их здоровью, нравственному и духовному развитию». Он способен существенно улучшить нравственный климат в стране. Конечно, вряд ли принятие его пройдет гладко. Но, во всяком случае, на Парламентских слушаниях, прошедших в начале 2005 года, никто не осмелился открыто выступить против. А каких-нибудь пару лет назад в том же Парламенте с трибуны заявлялось о недопустимости запрещать ввоз в Россию порнографии с участием детей, потому что это, дескать, неотъемлемая часть современной культуры. И делал такие заявления не кто-нибудь, а тогдашний заместитель председателя Комитета по законодательству (!). Но не стало в Думе этого

поклонника современной культуры, и речей таких никто — по крайней мере, публично — не произносит.

Вторая положительная альтернатива — объявить бойкот средствам массовой информации, пока они не уймутся. Как правило, когда люди жалуются, что не могут оторвать детей от телевизора, дело не в детях. Не дети не могут, а взрослые не хотят расставаться с «голубым экраном». Если напрямую им говоришь: «Не смотрите телевизор», в ответ слышишь: «Нет, что Вы! Невозможно жить как в лесу. Надо быть в курсе событий, надо получать информацию». Но, во-первых, новости совсем не обязательно смотреть. Достаточно раз в день, потратив пять минут, прослушать сводку по радио. А во-вторых, по-настоящему важные новости мимо вас все равно не пройдут. Кто-нибудь обязательно сообщит: родня, соседи, друзья, сотрудники. Ведь мы действительно живем не в лесу.

А телевизор может стать очень полезным предметом, если использовать его как экран к видеомагнитофону. И, пользуясь домашней видеотекой, смотреть хорошие фильмы. (О них мы скажем чуть позже.)

Другой аргумент «адвокатов» телевизора звучит так: «Но бывают же иногда и хорошие, серьезные передачи. Особенно по каналу „Культура“.

Кто спорит? Бывают. Но дети, особенно в ваше отсутствие, не станут отыскивать жемчужное зерно в навозной куче.

А наоборот, вываляются в теленавозе.

Кстати, о навозе. А почему, собственно, информационное общество должно заваливать граждан таким количеством нечистот? Да еще делать это на их же, граждан, деньги? Несколько лет назад был шум из-за попытки депутатов лишить одиозный в то время канал НТВ государственного финансирования. И тогда многие люди с удивлением обнаружили, что якобы частное, независимое телевидение на самом деле так зависит от бюджета. То есть от наших с вами налогов.

Бывает, жильцы дома, или даже отдельного подъезда, скидываются на уборщицу, чтобы повысить уровень чистоты. А в случае с телевидением получается, что весь народ скидывается (правда, не добровольно, а принудительно) на оплату грязи и тех, кто загрязняет информационное пространство.

Для чего это нужно идеологам глобализма, понятно. При всем кажущемся многообразии информационной продукции она по сути однотипна. Людям (прежде всего юным) с маниакальным упорством прививаются навыки дурного, разрушительного, развратного, патологического поведения. Чтобы «на выходе» получить не человека как образ Божий, а бесоподобную нелюдь. Но нам-то зачем принимать это как данность? Зачем уверять себя и окружающих в том, что с этим ничего не поделаешь? Разве «много информации» — это обязательно много нечистот? Вон в Вологодской области сотни озер — и все чистые.

Необходимо требовать от центральных и местных органов власти вложения денег (которыми, как сейчас стали открыто говорить, Россия, торгующая нефтью, буквально завалена) в доброкачественную информацию, в доброкачественные произведения культуры и искусства. А то за последние 20 лет толком не создано никаких мультфильмов, кроме «Незнайки на Луне», никаких приличных игровых детских фильмов. Хотя на взрослые, в основном гадкие и бездарные, средства находятся. О средствах вообще говорить смешно, если вспомнить, сколько прекрасных кинокартин снималось в разгар Великой Отечественной войны. Нет, тут дело совсем не в деньгах, а в идеологии — идеологии расчеловечивания.

И не надо заранее выторговывать себе победу: дескать, чего напрягаться, если это бессмысленно. Главный смысл для христианина — это спасение души. Каждого из нас на Страшном Суде спросят, что он делал для изменения этой возмутительной ситуации, как он защитил «малых сих». И потом, известно же, что дорогу осилит идущий. Так что нужно делать как должно, а будет, как Бог даст. Бездействующим-то он точно ничего не даст. Кто-то может устраивать конференции, круглые столы и прочие мероприятия, писать воззвания и собирать подписи, «выбивая» из власти деньги на создание хорошего искусства для детей. Кто-то может находить жертвователей, а кто-то и сам жертвовать на очистку информационного пространства. Ну а творческие люди, коих в нашей стране великое множество, могут, не рассчитывая на большие гонорары, во славу Божию, хотя бы раз в жизни написать мультипликационный сценарий или сделать рисунки. Сейчас даже дети успешно занимаются компьютерной анимацией. Так неужели взрослым это не под силу? Если бы в каждой епархии ежегодно появлялось пускай по одному приличному мультфильму, это уже существенно изменило бы ситуацию в искусстве для детей. При сегодняшних электронных возможностях совсем нетрудно обмениваться такими «мультиками», широко тиражировать их на дисках, продавать в церковных лавках и на ярмарках. Сколько уже существующих сказок дожидается своей экранизации, сколько можно еще сочинить! И не только сказок, но забавных (хотя и поучительных) детских историй. Да, конечно, за советский период накоплена огромная коллекция фильмов и мультфильмов для детей, среди которых есть настоящие шедевры. Ниже мы прилагаем небольшой список, составленный по результатам обширного анкетирования самых разных групп населения, людей разного возраста, православных и

неправославных, живущих во всех концах нашей страны. Это анкетирование, которое проводит священник Александр Ильяшенко, настоятель московского храма Всемилостивого Спаса, убедительно показывает, что, несмотря на многолетние усилия по оболваниванию наших людей, они все равно хотят смотреть в основном хорошие отечественные фильмы, а не заморский ширпотреб.

Но помимо старых фильмов и мультфильмов обязательно должны быть новые, отражающие современные реалии и взгляды современных людей. Только без всякой гадости, оскверняющей душу ребенка.

Заботиться о чистоте информационного поля совершенно необходимо каждому из нас. В том числе и тем, кто по наивности думает, что своих детей он сможет уберечь, а о чужих пусть заботятся их родители. Если живешь в многоквартирном доме, в котором завелись клопы или тараканы, довольно бессмысленно проводить дезинфекцию только в собственной квартире — переползут из других, где дезинфекции не было. Вот так и ваш ребенок в любом случае столкнется со множеством других детей, родители которых не выключили телевизор, сочтя его неотъемлемым элементом современного досуга. А если позволять ему так же проводить досуг, чтобы он не чувствовал себя «белой вороной» (этого сейчас в нашем, вроде бы давно не тоталитарном, обществе почему-то боятся, как огня), то следующим шагом вы должны будете согласиться на приобщение ваших потомков к уже не виртуальному разврату, наркомании и прочим утехам глобализма. Вплоть до людоедства, которое начинают потихоньку рекламировать творцы «прекрасного нового мира». Так не лучше ли вовремя позаботиться о том, чтобы изгоями стали они сами?

Рекомендуемые фильмы для детей и подростков

(Мультфильмы мы не перечисляем, поскольку православные родители, как правило, уже знают, что западные лучше не смотреть, а советские, наоборот, можно показывать детям без опаски, потому что практически все они сделаны на вполне приличном художественном уровне и не только развлекают, но и стараются научить детей «разумному, доброму, вечному». Таковы были требования тогдашней драконовской цензуры, отмена которой столь мила для либеральных сердец.)

1. «Илья Муромец» (СССР) (1956) (Александр Птушко).
2. «Василиса прекрасная» (СССР) (Александр Роу).
3. «Морозко» (СССР) (1964) (Александр Роу).
4. «Марья-искусница» (СССР) (1959) (Александр Роу).
5. «Варвара-краса, длинная коса» (СССР) (1969) (Александр Роу).
6. «Сестрица Аленушка и братец Иванушка» (СССР) (1953) (О. Ходатаева).
7. «Аленький цветочек» (СССР) (1977) (Ирина Поволоцкая).
8. «Кащей Бессмертный» (СССР) (1944) (Александр Роу).
9. «Снегурочка» (СССР) (1968) (Павел Кадочников).
10. «Садко» (СССР) (1952) (Александр Птушко).
11. «Конек-Горбунок» (СССР) (1941) (Александр Роу).
12. «Огонь, вода и… медные трубы» (СССР) (1975) (Владимир Мотыль).
13. «Царевна-лягушка» (СССР) (1954) (Михаил Цехановский).
14. «Каменный цветок» (СССР) (1959) (Александр Птушко).
15. «Там, на неведомых дорожках…» (СССР) (1982) (Михаил Юзовский).
16. «Руслан и Людмила» (СССР) (1972) (Александр Птушко).
17. «Сказка о царе Салтане» (СССР) (1966) (Александр Птушко).
18. «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях» (СССР) (1951) (Иван Иванов-Вано).
19. «Золушка» (СССР) (1947), (Надежда Кошеверова, Михаил Шапиро).
20. «Про Красную Шапочку» (СССР) (1977) (Леонид Нечаев).
21. «Обыкновенное чудо» (СССР) (1978) (Марк Захаров).
22. «Старая, старая сказка» (СССР) (1968) (Надежда Кошеверова).
23. «Король-олень» (СССР) (1969) (Павел Арсенов).
24. «Принцесса на горошине» (СССР) (1976) (Борис Рыцарев).
25. «Волшебная лампа Алладина» (СССР) (1967) (Борис Рыцарев).
26. «Приключения Буратино» (СССР) (1975) (Леонид Нечаев).
27. «Королевство кривых зеркал» (СССР) (1963) (Александр Роу).
28. «Три толстяка» (СССР) (1966) (Алексей Баталов, Иосиф Шапиро).
29. «Город мастеров» (СССР) (1965) (Владимир Бычков).
30. «Мио, мой Мио» (СССР-Швеция-Норвегия) (1987) (Владимир Грамматиков).
31. «Мария Мирабелла» (СССР-Румыния) (1982) (Ион Попеску Гопо, Наталья Бодюл).
32. «Детство Бемби» (СССР) (1985) (Наталья Бондарчук).
33. «Царевич Проша» (СССР) (1974) (Надежда Кошеверова).
34. «Старик Хоттабыч» (СССР) (1956) (Геннадий Казанский).
35. «Айболит-66» (СССР) (1966) (Ролан Быков).
36. «Приключения желтого чемоданчика» (СССР) (1970) (Илья Фрэз).
37. «Приключения Петрова и Васечкина, обыкновенные и невероятные» (СССР) (1983) (Владимир Алеников).

38. «Приключения Электроника» (СССР) (1979) (Константин Бромберг).
39. «Гостья из будущего» (СССР) (1984) (Павел Арсенов).
40. «Приключения Тома Сойера» (Россия) (1981) (Станислав Говорухин).
41. «Малыш и Карлсон» (СССР) (1968) (Борис Степанцев).
42. «Мэри Поппинс, до свидания!» (СССР) (1983) (Леонид Квинихидзе).
43. «Приключения барона Мюнхгаузена» (Великобритания-ФРГ) (1989) (Терри Гилльям).
44. «Тимур и его команда» (СССР) (1940) (Александр Разумный).
45. «Ко мне, Мухтар!» (СССР) (1964) (Семен Туманов).
46. «Пограничный пес Алый» (СССР) (Юлий Файт).
47. «Кортик» (СССР) (1973) (Николай Калинин).
48. «Бронзовая птица» (СССР) (1973-1974) (Николай Калинин).
49. «Отроки во Вселенной» (СССР) (1974) (Ричард Викторов).
50. «Чук и Гек» (СССР) (1953) (Иван Лукинский).
51. «Первоклассница» (СССР) (1948) (Илья Фрэз).
52. «Девочка ищет отца» (СССР) (1981) (Юлий Гусман).
53. «Приходите завтра» (СССР) (1963) (Евгений Ташков).
54. «Звонят, откройте дверь» (СССР) (1965) (Александр Митта).
55. «Внимание, черепаха!» (СССР) (1970) (Ролан Быков).
56. «Бетховен» (США) (1992) (Брайан Левант).
57. «Армия Трясогузки» (СССР) (1964) (Александр Лейманис).
58. «Васек Трубачев и его товарищи» (СССР) (1955) (Илья Фрэз).
59. «Четыре танкиста и собака» (Польша) (1969).
60. «Встреча на Эльбе» (СССР) (1949) (Григорий Александров).
61. «Ошибка резидента» (СССР) (1968) (Вениамин Дорман).
62. «Корабли штурмуют бастионы» (СССР) (1953) (Михаил Ромм).
63. «До свидания, мальчики!» (СССР) (1964) (Михаил Калик).
64. «Подвиг разведчика» (СССР) (1947) (Борис Барнет).
65. «Мертвый сезон» (СССР) (1968) (Савва Кулиш).
66. «Щит и меч» (СССР) (1968) (Владимир Басов).
67. «Семнадцать мгновений весны» (СССР) (1973) (Татьяна Лиознова).
68. «Иваново детство» (СССР) (1962) (Андрей Тарковский).
69. «Молодая гвардия» (СССР) (1948) (Сергей Герасимов).
70. «Сердца четырех» (СССР) (1941) (Константин Юдин).
71. «Застава в горах» (СССР) (1953) (Константин Юдин).
72. «В 6 часов вечера после войны» (СССР) (1944) (Иван Пырьев).
73. «Битва за Москву» (СССР-ЧССР-ГДР-СРВ) (Юрий Озеров).
74. «Чистое небо» (СССР) (1961) (Григорий Чухрай).
75. «Добровольцы» (СССР) (1958) (Юрий Егоров).
76. «На семи ветрах» (СССР) (1962) (Станислав Ростоцкий).
77. «Батальоны просят огня» (СССР) (1985) (Владимир Чеботарев, Александр Боголюбов).
78. «Они сражались за Родину» (СССР) (1975) (Сергей Бондарчук).
79. «Летят журавли» (СССР) (1957) (Михаил Калатозов).
80. «Баллада о солдате» (СССР) (1960) (Григорий Чухрай).
81. «Белорусский вокзал» (СССР) (1970) (Андрей Смирнов).
82. «Печки-лавочки» (СССР) (1972) (Василий Шукшин).
83. «Два бойца» (СССР) (1943) (Леонид Луков).
84. «На войне, как на войне» (СССР) (1968) (Виктор Трегубович).
85. «На всю оставшуюся жизнь…» (СССР) (1975) (Петр Фоменко).
86. «Женя, Женечка и Катюша» (СССР) (1967) (Владимир Мотыль).
87. «Отец солдата» (СССР) (1964) (Резо Чхеидзе).
88. «Повесть о настоящем человеке» (СССР) (1948) (Александр Столпер).
89. «Завтра была война» (СССР) (1987) (Юрий Кара).
90. «Живые и мертвые» (СССР) (1963) (Александр Столпер).
91. «В зоне особого внимания» (СССР) (1978) (Андрей Малюков).
92. «Горячий снег» (СССР) (1972) (Гавриил Егиазаров).
93. «Офицеры» (СССР) (1971) (Владимир Роговой).
94. «Освобождение» (СССР-ГДР-Польша-Италия-Югославия) (1968-1971) (Юрий Озеров).
95. «Обыкновенный фашизм» (СССР) (1965) (Михаил Ромм).
96. «В бой идут одни старики» (СССР) (1973) (Леонид Быков).
97. «Покровские ворота» (СССР) (1982) (Михаил Козаков).
98. «Звезда» (СССР) (1949).
99. «Земля Санникова» (СССР) (1973) (Альберт Мкртчян, Леонид Попов).
100. «Гиперболоид инженера Гарина» (СССР) (1965) (Александр Гинзбург).
101. «Отроки во Вселенной» (СССР) (1974) (Ричард Викторов).
102. «Смелые люди» (СССР) (1950) (Константин Юдин).
103. «Тайна двух океанов» (СССР) (1955) (Константин Пипинашвили).
104. «Человек-амфибия» (СССР) (1961) (Геннадий Казанский, Владимир Чеботарев).
105. «Два капитана» (СССР) (1976) (Евгений Карелов).
106. «Дети капитана Гранта» (СССР) (1936) (Владимир Вайншток).
107. «Пятнадцатилетний капитан» (СССР) (1945) (Василий Журавлев).
108. «Капитан Немо» (СССР) (1975) (Василий Левин).

109. «Гардемарины, вперед!» (СССР) (1987) (Светлана Дружинина).
110. «Остров сокровищ» (СССР).
111. «Чингачгук Большой Змей» (ГДР) (Рихард Грошопп).
112. «Зорро» (Италия-Франция) (1974) (Дуччо Тессари).
113. «Всадник без головы» (СССР-Куба) (1972) (Владимир Вайншток).
114. «Великолепная семерка» (США) (1960) (Джон Стерджес).
115. «Дерсу Узала» (СССР-Япония) (1975) (Акира Куросава).
116. «Подкидыш» (СССР) (1939) (Татьяна Лукашевич).
117. «Александр Невский» (СССР) (1938) (Сергей Эйзенштейн, Дмитрий Васильев).
118. «Ярослав Мудрый» (СССР) (1981) (Григорий Кохан).
119. «Даниил — князь Галицкий» (СССР) (1987) (Ярослав Лупий).
120. «Борис Годунов» (СССР-ЧССР-Польша-ФРГ) (Сергей Бондарчук).
121. «Юность Петра» (СССР-ГДР) (1980) (Сергей Герасимов).
122. «Минин и Пожарский» (СССР) (1939) (Всеволод Пудовкин, Михаил Доллер).
123. «Адмирал Нахимов» (СССР) (1946) (Всеволод Пудовкин).
124. «Суворов» (СССР) (1940) (Всеволод Пудовкин, Михаил Доллер).
125. «Лермонтов» (СССР) (1986) (Николай Бурляев).
126. «Михайло Ломоносов» (СССР) (1984-1986) (Александр Прошкин).
127. «Анна Павлова» (СССР-Великобритания-ГДР-Куба-Франция) (1983-1986) (Эмиль Лотяну).
128. «Чайковский» (СССР) (1969) (Игорь Таланкин).
129. «Россия молодая» (СССР) (1982) (Илья Гурин).
130. «Мичман Панин» (СССР) (Михаил Швейцер).
131. «Гусарская баллада» (СССР) (1964) (Эльдар Рязанов).
132. «Леди Гамильтон» (США) (1941) (Александр Корда).
133. «Герой нашего времени» (СССР) (1965) (Станислав Ростоцкий).
134. «Евгений Онегин» (СССР) (1958) (Роман Тихомиров).
135. «Маленькие трагедии» (СССР) (1979) (Михаил Швейцер).
136. «Капитанская дочка» (СССР) (1958) (Владимир Каплуновский).
137. «Станционный смотритель» (СССР) (1972) (Сергей Соловьев).
138. «Метель» (СССР) (1964) (Владимир Басов).
139. «Герой нашего времени» (СССР) (1965) (Станислав Ростоцкий).
140. «Бэла» (СССР).
141. «Тамань (СССР).
142. «Мертвые души» (СССР) (1984) (Михаил Швейцер).
143. «Нос» (СССР) (1977) (Ролан Быков).
144. «Очарованный странник» (СССР) (1990) (Ирина Поплавская).
145. «Дворянское гнездо» (СССР) (1969) (Андрей Михалков-Кончаловский).
146. «Жестокий романс»(СССР) (1984) (Эльдар Рязанов).
147. «Война и мир» (СССР) (1965-1967) (Сергей Бондарчук).
148. «Живой труп» (СССР) (1968) (Владимир Венгеров).
149. «Анна Каренина» (СССР) (1967) (Александр Зархи).
150. «Идиот» (СССР) (1958) (Иван Пырьев).
151. «Братья Карамазовы (СССР) (Иван Пырьев).
152. «Преступление и наказание» (СССР).
153. «Подросток» (СССР) (1983) (Евгений Ташков).
154. «Дядя Ваня» (СССР) (1970) (Андрей Кончаловский).
155. «Неоконченная пьеса для механического пианино» (СССР) (1977) (Никита Михалков).
156. «Попрыгунья» (СССР) (1955) (Самсон Самсонов).
157. «Анна на шее» (СССР) (1954) (Исидор Анненский).
158. «Шведская спичка» (СССР) (1954) (Константин Юдин).
159. «Гранатовый браслет» (СССР) (1964) (Абрам Роом).
160. «Олеся» (СССР) (1970) (Борис Ивченко).
161. «Сказ про то, как царь Петр арапа женил» (СССР) (1976) (Александр Митта).
162. «Ночь перед Рождеством» (СССР) (1961) (Александр Роу).
163. «Собачье сердце» (СССР) (1988) (Владимир Бортко).
164. «Алые паруса» (СССР) (1961) (Александр Птушко).
165. «Тихий Дон» (СССР) (1957-1958) (Сергей Герасимов).
166. «Петербургские тайны» (Россия) (1994-1995) (Вадим Зобин, Марк Орлов, Леонид Пчелкин).
167. «Гамлет» (СССР) (1964) (Григорий Козинцев).
168. «Король Лир» (СССР) (1970) (Григорий Козинцев).
169. «Собор Парижской Богоматери» (Франция) (1956) (Жан Деллануа).
170. «Красное и черное» (СССР) (1976) (Сергей Герасимов).
171. «Граф Монте Кристо» (Великобритания) (1975) (Дэвид Грин).
172. «Крестоносцы» (Польша) (1960) (Александр Форд).
173. «Двенадцатая ночь» (СССР) (1955) (Ян Фрид).
174. «Собака на сене» (СССР) (1977) (Ян Фрид).
175. «Джейн Эйр» (США) (1971) (Делберт Мэнн).
176. «Моя прекрасная леди» (США) (1964) (Джордж Кьюкор).
177. «Трое в лодке, не считая собаки» (СССР) (1979) (Наум Бирман).
178. «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона» (СССР) (1980) (Игорь Масленников).
179. «Я вас любил…» (СССР) (1967) (Илья Фрэз).

180. «Чужая родня» (СССР) (1955) (Михаил Швейцер).
181. «Большая семья» (СССР) (1954) (Иосиф Хейфиц).
182. «Помни имя свое» (СССР-Польша) (1974) (Сергей Колосов).
183. «Первый учитель» (СССР) (1965) (Андрей Кончаловский).
184. «Отчий дом» (СССР) (1959) (Лев Кулиджанов).
185. «Живет такой парень» (СССР) (1964) (Василий Шукшин).
186. «Высота» (СССР) (1957) (Александр Зархи).
187. «Учитель пения» (СССР) (1972) (Наум Бирман).
188. «Дачники» (СССР) (1966) (Борис Бабочкин, Елена Скачко).
189. «Сережа» (СССР) (1960) (Георгий Данелия, Игорь Таланкин).
190. «У озера» (СССР) (1969) (Сергей Герасимов).
191. «Дорогой мой человек» (СССР) (1958) (Иосиф Хейфиц).
192. «Верные друзья» (СССР) (1954) (Константин Юдин).
193. «Сто дней после детства» (СССР) (Сергей Соловьев).
194. «Друг мой Колька!» (СССР) (1961) (Алексей Салтыков, Александр Митта)
195. «Доживем до понедельника» (СССР) (1968) (Станислав Ростоцкий).
196. «Чужие письма» (СССР) (1975) (Илья Авербах).
197. «Дикая собака динго» (СССР) (1962) (Юлий Карасик).
198. «Когда деревья были большими» (СССР) (1961) (Лев Кулиджанов).
199. «Старший сын» (СССР) (1975) (Виталий Мельников).
200. «Начало» (СССР) (1970) (Глеб Панфилов).
201. «Калина красная» (СССР) (1973) (Василий Шукшин).
202. «Белый Бим черное ухо» (СССР) (1977) (Станислав Ростоцкий).
203. «Мир входящему» (СССР) (1961) (Александр Алов, Владимир Наумов).
204. «Человек дождя» (США) (1988) (Бэрри Левинсон).
205. «Веселые ребята» (СССР) (1934) (Григорий Александров).
206. «Девушка с характером» (СССР) (1939) (Константин Юдин).
207. «Карнавальная ночь» (СССР) (1956) (Эльдар Рязанов).
208. «Волга-Волга» (СССР) (1938) (Григорий Александров).
209. «Цирк» (СССР) (1936) (Григорий Александров).
210. «Укротительница тигров» (СССР) (1954) (Александр Ивановский, Надежда Кошеверова).
211. «Свинарка и пастух» (СССР) (1941) (Иван Пырьев).
212. «Полосатый рейс» (СССР) (1961) (Владимир Фетин).
213. «Девчата» (СССР) (1961) (Юрий Чулюкин).
214. «Неподдающиеся» (СССР) (1959) (Юрий Чулюкин).
215. «Люди и манекены» (СССР) (1974) (Аркадий Райкин, В. Храмов).
216. «Бриллиантовая рука» (СССР) (1968) (Леонид Гайдай).
217. «Операция „Ы“ и другие приключения Шурика» (СССР) (1965) (Леонид Гайдай).
218. «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика» (СССР) (1966) (Леонид Гайдай).
219. «Ирония судьбы, или С легким паром!» (СССР) (1975) (Эльдар Рязанов).
220. «Здравствуйте, я ваша тетя!» (СССР) (1975) (Виктор Титов).
221. «Афоня» (СССР) (1975) (Георгий Данелия).
222. «Берегись автомобиля» (СССР) (1966) (Эльдар Рязанов).
223. «Джентльмены удачи» (СССР) (1971) (Александр Серый).
224. «Разиня» (Франция) (1965) (Жерар Ури).
225. «Большая прогулка» (Франция) (1966) (Жерар Ури).
226. «Римские каникулы» (США) (1953) (Уильям Уайлер).
227. «Большой вальс» (США) (1938) (Жюльен Девивье).
228. «Серенада солнечной долины» (США) (1941) (Х. Брюс Хамберстоун).
229. «Лимонадный Джо» (ЧССР) (1964) (Олдридж Липский).

Разумеется, список далеко не полный, и мы будем рады, если вы внесете в него еще что-то стоящее. Но даже такого скупого перечисления достаточно, чтобы понять, до какой степени обделены хорошим киноискусством современные дети и насколько укрепится их культурный и духовно-нравственный иммунитет, если взрослые возьмут на себя труд донести до них эти прекрасные фильмы. В школьном, особенно подростковом возрасте, кино оказывает на человека огромное, мало с чем сравнимое воспитательное воздействие. Если хотя бы пару раз в месяц так называемый «классный час» будет посвящен просмотру подобных фильмов (с последующим обсуждением, чтобы получить от детей обратную связь), это уже оздоровит обстановку. А пока школы дозревают до подобной инициативы, не теряйте времени, создавайте домашнюю видеотеку классики детско-подросткового кино, старайтесь приобщить к ней ребят, с которыми дружат ваши сыновья и дочери. Главное не надеяться, что все само собой «рассосется». А там уж — как Бог даст.

2005

Ирина Медведева, Татьяна Шишова
"Кто соблазнит малых сих..."
Серия: Школа православной семьи

Авторский сборник
Издательство: Христианская жизнь, 2006 г.
Твердый переплет, 320 стр.
Тираж: 7000 экз.
Формат: 84x108/32